АВАНТЮРНЫЕ ХРОНИКИ:

ИЗ ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ В РОССИИ

Книга третья:
Англосаксы и русская революция

(ПОПЫТКА ИСТОРИЧЕСКОГО РАССЛЕДОВАНИЯ)

АЛЕКСЕЙ ЮДИН

Алексей Юдин

Авантюрные хроники: из истории английской дипломатической службы в России Книга третья: Англосаксы и русская революция (попытка исторического расследования)

«Автор»
2026

Юдин А. П.

Авантюрные хроники: из истории английской дипломатической службы в России Книга третья: Англосаксы и русская революция (попытка исторического расследования) / А. П. Юдин — «Автор», 2026

Книга посвящена малоизвестной стороне истории русской революции — попытке британской элиты и спецслужб поставить на базе Российской империи практический эксперимент: создать новое некапиталистическое общество. На основе широкого круга источников автор в доступной форме раскрывает обстоятельства появления учения К. Маркса, показывает роль Ф. Энгельса как вдохновителя и идейного руководителя. В книге показан процесс осмысления британской элитой революционного учения, а также попытка приспособить его для потребностей управления британским и международным рабочим движением. Описан процесс появления русских революционных партий, представлены портреты наиболее ярких деятелей русской оппозиции, показана их роль в русской революции, а также факты и свидетельства, подтверждающие причастность британской дипломатии и спецслужб в победе большевиков в октябре 1917 года. Книга будет интересна широкому кругу читателей, всем кто интересуется историей Российской империи и обстоятельствами ее гибели.

© Юдин А. П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Авантюрные хроники: из истории английской дипломатической службы в России 5
От автора 6
Часть первая. 9
Из истории русско-британских отношений 12
«Инкубатор лидеров» 14
Внешняя политика Каннинга 16
Веллингтон и Франция 19
Июльская революция во Франции 20
Лорд Палмерстон 22
О некоторых особенностях внешней политики Палмерстона 24
Революции 1848-49 годов 29
Революционные выступления и Англия 35
«Союз справедливых» 39
Фридрих Энгельс 41
Ранний Маркс 43
«Союз коммунистов» 54
Маркс и революции 1848 года 60
Лондонское изгнание 63
Энгельс и Маркс 69
Начало Интернационала 73
«Капитал» 80
Снова Интернационал 81
Ирландский вопрос 83
Третий конгресс Интернационала 84
Базельский конгресс МАТ 86
Парижская Коммуна 89
Конец Интернационала 94
Последние годы жизни Маркса 96
Энгельс и «русская революция» 99
Второй Интернационал 107
Булвер-Литтон и «грядущая раса» 113
Джон Раскин 116
Арнольд Тойнби 119
Фабианское общество 121
Уэллс и фабианцы 126
Социализм Уэллса 129
Дональд Маккензи Уоллес 132
Другие исследования по России 140
Часть вторая: Англия и Россия 142
Конец ознакомительного фрагмента. 147

Авантюрные хроники: из истории английской дипломатической службы в России Книга третья: Англосаксы и русская революция (попытка исторического расследования)

Авантюрные хроники: из истории английской дипломатической службы в России Книга третья: Англосаксы и русская революция (попытка исторического расследования)

Моему отцу
Петру Ефимовичу Юдину

Для Отчизны наибольшая опасность не во внешнем вороге таится, а в собственных её идиотах.

А.В. Суворов

«Внутри же Русь для внешнего врага неприкосновенна (сохрани ее Бог от врагов внутренних…»)

Из письма В.А. Жуковского великому князю Константину Николаевичу

Нам нужна какая-то страховка и от нашествий, и от революций. Или, иначе: от вооруженных и невооруженных интервенций извне. Причём нам необходимо констатировать тот факт, что невооруженная интервенция западно-европейской философии нам обошлась дороже, чем вооружённые нашествия западно-европейских орд. С Наполеоном мы справились в полгода, с Гитлером — в четыре года, с Карлом Марксом мы не можем справиться уже сколько десятилетий.

Иван Лукьянович Солоневич
«Народная монархия»

«История — это версия прошедших событий, с которой люди решили согласиться».

Наполеон Бонапарт.

От автора

Мой отец родился за пять лет до установления в России власти советов и немного пережил ее «неожиданный» развал. За свою в общем долгую и непростую жизнь он получил больше десятка дипломов об окончании Университета марксизма-ленинизма. Была в свое время такая практика пропаганды идей коммунистического строительства. Обычному человеку, которому довелось пройти эту «школу коммунизма», вряд ли могла прийти в голову самостоятельная идея повторить подобный опыт. А тут больше десятка дипломов и — добровольно! Судя по всему, он пытался найти ответ на мучивший его всю жизнь вопрос: «Как так случилось, что революционные идеи Маркса «проросли» именно на русской почве?» Думаю, таких людей в нашей стране было и остается немало. Частичный ответ на этот вопрос я уже попытался дать во второй книге и искренне заявил, что третья, заключительная книга, будет посвящена истории краха Советской России в результате гибридной войны англо-саксонского мира против русской цивилизации. Было ощущение, что вторая книга с ее подробным описанием фактов и примеров, свидетельствующих о моральном и ментальном разложении царской династии и дворянского сословия, о их неспособности сопротивляться всепроникающей коррупции высшего чиновничества, превратившегося в «класс для себя» и считавшего себя частью международной политической и финансовой элито-бюрократии, представляет собой достаточно полную картину грехопадения России, искупление которого завершилось революционным взрывом, подготовленным при участии Британии.

В известной мере такой подход к анализу причин русской революции можно было бы посчитать основательным, если бы дело ограничилось февральским переворотом, то есть буржуазно-демократической революцией, когда социальное устройство государства меняется не радикальным образом, когда классовая структура общества остается практически неизменной и положение классов в целом не подвергается серьезным внешним воздействиям. При этом носителем перемен в буржуазной революции является ведущий политический класс самого общества в лице буржуазии.

Другое дело — революция социальная, которая приводит к резким изменениям и в классовой структуре, и в положении классов, а отдельные классы просто исчезают. Классики марксизма-ленинизма утверждают, что в социальной революции носителем перемен является пролетариат — самый прогрессивный общественный класс, который, однако, в силу своего неравноправного, угнетенного общественного положения является «классом в себе» и не в состоянии самостоятельно выработать революционную теорию и превратить ее в революционную идеологию, конечной целью которой является социальная революция и радикальное переустройство всего общества. Преодолеть это противоречие призвана партия радикалов-единомышленников, партия энтузиастов-фанатиков, овладевшая революционной теорией и создавшая логически стройное учение о принципах общественно-исторического развития и справедливом, на их взгляд, устройстве общества. Свою высшую цель революционеры-фанатики видят в практическом переустройстве общества на основании революционной теории, из которой они выводят идеологические формулы, обосновывающие их право на политическую власть. Путь к достижению поставленной цели, по их мнению, пролегает через внедрение или, как говорили, «привнесение» революционной теории и идеологических установок в сознание пролетариата, превращение его в сознание политическое, и тогда пролетариат становится классом для себя, то есть становиться таким образом носителем общественных перемен. Принято считать, что нечто подобное произошло в России в 1917 году, когда февральская буржуазная революция вследствие «объективных обстоятельств» переросла в революцию социальную, и рабочий класс под руководством партии Ленина стал ведущим классом общества и, совершив

еще один государственный переворот, занялся практической реализацией теории социалистического строительства.

Как представляется, эта весьма общая схема вряд ли применима к России. Рабочий класс царской России к октябрю 1917 года был весьма далек от того, чтобы стать «носителем перемен». Даже партия Ленина не представляла собой «теоретический монолит», способный со временем внедрить передовые идеи в сознание рабочего класса. И в этом нет ничего удивительного. Многие ведущие русские марксисты, как, например, П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский, глубоко изучавшие теоретическое наследие Маркса, постепенно отошли от «ортодоксального марксизма». Русские обществоведы, изгнанные из страны на «философском пароходе» в 1920-е годы, указывали на глубинные противоречия марксовой теории, ее несоответствие природе человека и историческим традициям организации общества, указывали на неспособность Маркса даже приблизительно описать бесклассовое общество и показать его движущие силы в условиях, когда антагонистические классовые противоречия преодолены.

Тем не менее вопреки предсказаниям пессимистов большевикам во главе с Лениным и Троцким удалось совершить государственный переворот, который только с 1927 года стали называть социалистической революцией. Перевороты в силу их противоправного скрытого характера представляет собой сложное, запутанное и, как правило, малопонятное общественное явление. Очень редко реальные обстоятельства их совершения становятся известны общественности. Чаще всего общественность сталкивается со свершившимся фактом, толкование которого в средствах массовой информации и в специальной литературе далеко не всегда отражает их реальное содержание. Еще чаще непосредственные участники переворотов по разным причинам сознательно искажают их объективный ход. Отсюда проистекают многочисленные мифы и легенды, так называемые общепринятые официальные версии, очищенные от многих важнейших деталей, что само по себе ограничивает возможность разобраться в причинно-следственных связях, выявить действительных участников, понять их побудительные мотивы и цели. Обстоятельства октябрьского переворота в России до сих пор вызывают массу вопросов и, соответственно, многочисленные попытки историков отыскать «ключи» к их правильному пониманию.

Эта книга тоже может быть отнесена к разряду попыток дать еще один ответ на эти непростые вопросы. К сожалению, далеко не всегда отдаленные исторические события можно описать на базе архивных документов или надежных свидетельств современников. В таких случаях принято прибегать к гипотезам, которые базируются на ряде установленных фактов и позволяют создать непротиворечивую картину событий, растянувшихся на десятилетия и даже больше. Причастность английских дипломатов и сотрудников специальных служб к революционным событиям в России в 1917 году, строго говоря, уже можно не относить к разряду гипотез, но очень многое, связанное с подготовкой тех событий, с ролью в перевороте большевиков во главе с Лениным, с вовлеченностью других политических сил, в значительной степени остается не проясненным. Здесь начинается область гипотез, главная из которых состоит в том, что приход большевиков к власти в России в 1917 году стал результатом долговременного стратегического плана британского истеблишмента, реализация которого растянулась почти на весь XIX век и начало XX столетия. В исторической литературе можно встретить утверждения о том, что в британском истэблишменте XIX века существовал своего рода проект «Россия», целью которого ставилась ликвидация Российской империи и превращение ее в несколько зависимых от Англии полугосударственных образований.

Принципиальным условием возможности проектного подхода к решению политических задач, как утверждает историк А.И. Фурсов, является наличие коллективного политического

субъекта[1]. Этот термин, как представляется, более точен, чем использованный во второй книге термин «британская политическая машина» или просто истэблишмент или элита, но для удобства ими иногда позволительно пользоваться как синонимами. Британия XIX века, несомненно, обладала всем необходимым, чтобы выступать в качестве коллективного политического субъекта. Во второй книге было показано как на протяжении почти всего XVIII века Британия готовила и осуществила проект «Франция», итогом которого стала Великая французская революция и подчинение Франции интересам британской внешней политики. Решить эту задачу в целом удалось, но потом пришлось устранять проблему Наполеона при активной помощи со стороны России. Русский император разгромил Наполеона и сразу превратился в еще одну британскую проблему, а Российская империя незамедлительно стала объектом политического проектирования.

Проект «Россия» в британском исполнении, конечно, представляет собой некую условность, некую гипотезу. Вполне можно допустить, что британский стратегический план в отношении России был сформулирован в иных терминах и в другой стилистике. Он и писался, скорее всего, не одномоментно, а на протяжении нескольких десятилетий, регулярно пересматривался и уточнялся в соответствии с меняющейся обстановкой, но то, что что-то подобное, то есть единый документ, а не серия разрозненных документов различного иерархического уровня, имелось в архивах британского коллективного политического субъекта, не вызывает сомнения. Только при наличии такого документа можно рассчитывать на преемственность, последовательность, непрерывность и целеустремленность в действиях коллективного политического субъекта, которые разложились на жизни нескольких поколений лиц его составляющих. Более того, нельзя исключать, что это отнюдь не архивный документ, а все еще вполне актуальный план стратегического воздействия на Россию, уточненный для текущей эпохи. Этот план-проект, скорее всего, никогда не станет достоянием гласности, но его можно попытаться реконструировать на основании правильно понятой логики исторических событий. Хотелось бы надеяться, что третья книга даст читателю возможность воспользоваться этой логикой и по-новому взглянуть на некоторые казалось бы хорошо известные и понятные исторические события второй половины позапрошлого века, логическим завершением которых стали Первая и Вторая русская революция.

Но прежде чем перейти к изложению непосредственно фактов и событий истории русской революции, попыткам нащупать их правдоподобные взаимосвязи и предложить непротиворечивые гипотезы, их объясняющие, следует привести в некую систему представления о британском коллективном политическом субъекте, которые могли сложиться на основании сведений, представленных в первых двух книгах.

[1] Историк А.Д. Фурсов в книге «De Conspiratione» использует термин «коллективный политический субъект» и дает его подробное описание. В той же книге достаточно обстоятельно рассказано о проектном подходе к политике.

Часть первая.

Англия и общественные процессы в Европе XIX века

По мнению А.И. Фурсова, появление в государстве коллективного политического субъекта обуславливается целым рядом факторов, среди которых он выделяет наличие монополии на власть и финансы у достаточно компактной общественной группы, которая контролирует информационные потоки, а также наличием структур рационального знания, способных давать адекватную картину и прогноз развития общественно-исторических, экономических и социальных процессов. При наличии таких факторов в обществе может развиться способность к геострофическому целеполаганию и к стратегическому планированию в планетарном масштабе, а главное — может сконцентрироваться коллективная воля действовать соответствующим образом.

Как уже отмечалось в первой книге, выковывание нации победителей началось еще в эпоху Тюдоров, когда Фрэнсис Бэкон уже в первом издании своих «Опытов, или Наставлений нравственных и политических», изданных в 1597 году, начал проповедовать идеальный образ Англии как самой передовой и могущественной державы, военная и политическая сила которой базируется на развитых торговле, промышленности и земледелии. За несколько столетий в этой стране сложилась уникальная институциональная система и к началу XIX века она представляла собой сложную иерархическую структуру, состоящую из экономических, политических, социальных и культурных институтов[2]. К институтам коллективного политического субъекта Британии обычно относят земельную и денежную аристократию, ливрейные компании, Сити, прессу, университеты, клубы, исследовательские центры, Лондонское королевское общество, общественные организации, масонские ложи, легальные политические партии, парламент, судебную систему с ее прецедентным правом, англиканскую церковь, правительство с его разведывательными и дипломатическими структурами, и вряд ли этот перечень можно считать исчерпывающим. На вершине этой институциональной пирамиды находится британская королевская семья, которую на протяжении большей части XIX века возглавляла королева Виктория. Королева Виктория осталась в истории не только как символ британского имперского могущества, но и как пример одного из самых успешных и дальновидных руководителей британской имперской внешней политики, о чем было кратко рассказано во второй книге. Именно с королевой Викторией связаны многие, если не большинство, внешнеполитических неудач Российской империи XIX и отчасти XX веков. При этом династической британская внешняя политика при королеве оставалась только по названию, по сути она представляла собой «продукт коллективного разума» институциональной системы, которая на протяжении веков набирала мощь и доказывала свою исключительную эффективность.

Не следует думать, что в наше время роль британской королевской семьи ограничивается исключительно представительскими, протокольными функциями. Государственный визит престарелого и больного короля Карла III в апреле 2026 года в Вашингтон стал весьма убедительным и весомым аргументом британского коллективного политического субъекта, способным «образумить» США в их стремлении переложить исключительно на Европу все расходы по поддержанию Украины в ее противостоянии с Россий. Речь Карла III в Конгрессе США,

[2] Известный американский историк К. Куигли рассматривал институты как общественные явления (организации, законы, учреждения, сообщества), призванные удовлетворить определенную общественную потребность, но не исчезнувшие, когда эта потребность, как казалось, была удовлетворена. Выяснилось, что это явление должно продолжать существование, поскольку потребность общества оказалась постоянной. Иными словами, явление превратилось в институт, без которого нормальное функционирование общественного организма уже невозможно.

в которой он призвал Америку проявить «непоколебимую решимость для защиты Украины и ее отважного народа», эксперты сочли грубым нарушением протокола и открытым отступлением от принципа «король царствует, но не правит», но эта речь показала, что британская королевская семья остается самым влиятельным британским институтом и важнейшим фактором международной политики, и в критические моменты, когда на карту поставлено многое, вполне в состоянии взять инициативу в свои руки.

Британская система институтов действует гибко, на разных этапах на передний план могут выдвигаться разные институты, но они неизменно обеспечивают преемственность как внутренней, так и внешней политики Британии. Они дают возможность британской элите работать вдолгую, добиваться решения поставленной задачи на протяжении жизни нескольких поколений правительственных чиновников, дипломатов, сотрудников спецслужб позволяют комплексно и всесторонне обеспечивать процесс выработки и реализации стратегических решений, позволяют на добровольной сознательной основе вовлекать в этот процесс любого патриота Британии. Важнейшим элементом британской институциональной системы выступает универсальная информационная база, накопленная в Британии за несколько столетий. Со времен Иоанна Грозного и до наших дней англичане, посещавшие Россию, старались передать соотечественникам свои наблюдения, полученные знания об истории, географии, геологии, общественном устройстве, быте, традициях, верованиях, распространенных в огромном русском государстве. В отношении России эта традиция, заложенная купцом Ричардом Чендлером во времена Ивана Грозного, была подхвачена многими английскими путешественниками, а позднее историками, географами, писателями, дипломатами и разведчиками. В результате была накоплена огромная база знаний о России, и к началу XX века Российская империя как один из главных внешнеполитических противников не представляла для английского внешнеполитического руководства «загадки, завернутой в тайну и помещенной внутрь головоломки»[3].

Важнейшую производную британских государственных и общественных институтов представляет собой отлаженная система поиска, отбора и воспитания талантливых и высокомотивированных сотрудников внешнеполитических ведомств и специальных служб, способных нетривиальными методами отстаивать интересы Британской империи. Огромную роль в продвижении британской внешней политики на всем протяжении обозримой истории играли талантливые ученые, литераторы и журналисты, способные чутко улавливать и формировать общественные настроения, предсказывать назревающие конфликты и управлять их течением. Ярким примером подобного эффективного коллектива разнообразных талантов является описанная во второй книге деятельность уже упоминавшегося кружка «Бовуд хаус», по сути частной разведки, созданной крупным политиком, талантливым организатором и прирожденным разведчиком, лордом Шелбёрном. Силами этой частной разведки был приведен в действие механизм запуска Великой французской революции. Стоит обратить внимание на тот факт, что лорд Шелбёрн с его кружком «Бовуд хауса», подключился к событиям во Франции на завершающем этапе, когда стихийным процессам следовало придать организованность и руководить эскалацией революционного накала. Предварительная, подготовительная работа с французской оппозицией была начата едва ли не за сто лет до этого с создания и распространения во Франции масонских лож и с популяризации во французском обществе трудов философа Дж. Локка, обосновавшего теорию «общественного договора» и право народа на восстание, если правительство не выполняет взятых на себя обязательств. Во Франции на английские деньги массово издавались антиправительственные газеты, в Англии печатались сатирические памфлеты и листовки, именно в это время получила распространение английская политическая карикатура, которая даже не умеющему читать без слов разъясняла суть момента и задавала

[3] Эту фразу произнес У. черчилль в радиовыступлении первого октября 1939 года.

соответствующий настрой. Вся Франция покрылась густой сетью разнообразных общественных объединений: естественно-научных, философских и агрономических кружков, провинциальных академий, библиотек, масонских лож, музеев, литературных салонов и других подобных общественных структур, в которых разворачивались бурные дискуссии о положении в стране, о путях выхода из политического и экономического кризиса, о власти короля и о порядке работы Генеральных штатов. Под угрозой лишения доступа к кредитам европейских банков во главе французского министерства финансов был поставлен швейцарец Жак Неккер, который обеспечил бесперебойное финансирование оппозиции и спровоцировал правительственный кризис, ставший прологом революции и ликвидации неудобной монархии.

Из истории русско-британских отношений

Правда, победа оказалась пирровой — на обломках империи Бурбонов в очень короткое по историческим меркам время возникла империя Наполеона, бороться с которой англичанам пришлось на поле боя, создавая одну коалицию за другой. В итоге на смену наполеоновской империи пришла империя дома Романовых, осознавших себя в ходе наполеоновских войн силой европейского масштаба, правда, как оказалось, только военной и то не на долго. История англо-русского соперничества до начала XIX века, как уже было показано в двух первых книгах, знала только краткие периоды ослабления напряжения, а новый век ознаменовался знаковым событием — убийством императора Павла I, за которым стоял британский посол Ч. Уитворт и британское правительство. Убийство русского императора свидетельствовало о том, что в Лондоне не признают никаких ограничений, когда британским интересам угрожает опасность. «Клоунский» поход казаков в Индию, как иногда представляют войсковую экспедицию под командованием казачьего атамана Войска донского Василия Орлова, стоил Павлу I жизни. В Лондоне восприняли эту экспедицию как реальную угрозу «жемчужине» в короне Британской империи. Тут, вероятно, следует напомнить, как позднее, во второй половине века генералы К.П. Кауфман, А.В. Комаров, М.Д. Скобелев и другие с малочисленными отрядами в две-четыре тысячи человек штурмовали крепости, завоевывали среднеазиатские ханства с их многотысячными армиями. А Василий Орлов вел за собой все сорок полков Войска Донского, около 20 тысяч казаков с пушками. К концу марта 1801 года они переправились через Волгу в районе Саратова и вступили в Туркестанские степи. Так что угроза была нешуточная. Кроме того, планы захвата черноморских проливов и Константинополя, которые ясно оформились во время царствования Екатерины II, открывали бы еще один путь из России в Индию через Малую Азию. Стоит ли удивляться тому, что стремление во что бы то ни стало не допустить подобного развития событий стало определяющим фактором британской политики в отношении Российской империи, Балкан и Турции на весь XIX век и до конца Первой мировой войны.

Как уже отмечалось во второй книге, в конце XVIII века в Россию в помощь британскому посольству и британским адмиралам на русском флоте были командированы братья Бентамы. Они изучили ситуацию на месте и создали сеть «информаторов», в которую вошли среди прочих приближенный советник императора М.М. Сперанский и адмирал Н.С. Мордвинов, член Непременного совета при императоре, однако многого братьям добиться не удалось. Деятельность братьев Бентамов вызвала подозрения у острожного императора Александра I. Он попытался ее расследовать, но Иеремия Бентам отказался от контактов со всеми его представителями, специально посланными в Лондон. Впрочем, от контактов с русскими дипломатами и многочисленными русскими, зачастившими в Англию с различными целями, он отказываться не собирался — от них он узнавал много важной и полезной информации о России. В отличие от Франции, в России еще не было того, что можно было бы назвать организованной оппозицией. Только после наполеоновских войн и под влиянием идей французской революции забрезжила возможность изменения отношения русской знати к самодержавию. Активизировалось русское масонство, которое от общегуманитарных рассуждений в стиле эпохи Просвещения качнулось в сторону планов радикального государственного переустройства по примеру Британии. Их отражением стал «План представительной ассамблеи Русской Империи», сочиненный Мордвиновым. В 1818 году Мордвинов побывал в Англии, встретился с Бентамом и представил ему свой «План». За первой встречей последовали другие. Нельзя исключать, что по аналогии с Мирабо, который после встреч в «Бовуд-Хаусе» у лорда Шелбёрна, выдвинулся на позиции лидера французской революции, Бентам увидел в Мордвинове перспективную фигуру русской оппозиции. И для этого существовали определенные основания. Мордвинов обладал

влиянием в русском обществе, к его мнениям прислушивались, его многочисленные «mots»[4] переписывались и ходили по рукам в Петербурге, от него веяло некоторой откровенной оппозиционностью, недаром декабристы планировали пригласить его и Сперанского в правительство в случае удачи восстания.

«Незапланированный» приход к власти жесткого императора Николая I, казнь вожаков декабристов, репрессии, ужесточение цензуры, полицейского надзора, казалось нивелировали всякую оппозиционность общества. Именно в это время министр просвещения С.С. Уваров выдвинул консервативно-патриотическую концепцию — «православие, самодержавие, народность». Малочисленные студенческие кружки в 1820-1830-е годы появлялись, но их влияние на общество было едва ощутимо. В 1827 году в Московском университете возник кружок братьев Критских, в котором поговаривали об убийстве царя и конституции, но он был немедленно разгромлен, а братья отправлены в Соловецкий монастырь. Кружок Сунгурова в 1831 году планировал поднять восстание и убийство царя, но все 26 членов были арестованы и сурово наказаны, многих приговорили к смерти, но Николай I всех помиловал. Большинство были отданы в солдаты. В литературно-философский кружок при Московском университете Н.В. Станкевича, в который входили В.Г. Белинский, М.А. Бакунин, М.Н. Катков, репрессиям не подвергся, но Станкевич предпочел уехать за границу, а кружок распался. Возникший в это же время кружок Герцена-Огарева, был в большей степени политизирован, его члены изучали работы французских социалистов, выступали против насилия, проповедовали идеалы французской революции, но больше пели «пасквильные песни». В 1934 году кружок был разгромлен Герцен сослан в Пермь, где ему была предоставлена возможность служить в местной администрации. Огарев оказался в Пензе. В это время революционеров в России не было. Рассчитывать на возможность ослабить воинственность русского самодержавия за счет внутреннего сопротивления со стороны британского истеблишмента было мало основательно.

В качестве серьезной болевой точки России в Лондоне рассматривали национальный вопрос, который в Польше и на Кавказе приобрел особую остроту. В Польше в конце 1820-х годов возникло мощное патриотическое движение и полным ходом шла подготовка восстания. Восстание было приурочено к коронованию Николая I польской короной в Варшаве, планировалось убийство императора. Черкесы, населявшие территории Северного Кавказа за Кубанью, после Адрианопольского мира 1829 года, по которому эти территории перешли к России, отказались встать под руку русского царя. Началась многолетняя Кавказская война, которая представляла большие возможности оказывать давление на Россию и ее антитурецкую политику. Тем временем в Англии начиналась эпоха блестящих премьеров и среди них, несомненно, лорда Палмерстона.

[4] Mot — «слово», в данном случае острые высказывания, записки Мордвинова.

«Инкубатор лидеров»

У графа Шелбёрна, маркиза Лэнсдауна, с его умением искать и находить нужных людей, организовывать масштабные специальные операции и проекты, нашлось немало преемников. Одним из них стал известный дипломат Джеймс Харрис. Талейран считал Хариса самым крупным дипломатом Британии, который был знаком со всеми монархами Европы. В 1778-1783 годах он служил британским послом при дворе Екатерины Великой, а до этого в Берлине при дворе Фридриха Великого. Известно, что из России он отправился в Голландию, однако мало кто знает, что он, занимая официальный дипломатический пост, на деньги английского правительства через своих агентов влияния вел подрывную деятельность против голландских республиканцев и фактически стал лидером оранжистов, которые выступали в поддержку штатгальтера Вильгельма V, принца Оранского. За заслуги на этом посту он был возведен в графское достоинство как первый граф Малмсбери. В дальнейшем граф Малмсбери был доверенным лицом и советником сразу двух премьеров Британии — Питта Младшего и Дж. Каннинга, тогда восходящей звезды британских тори.

Еще один удачный пример «нетривиального» служения интересам британской короны представляет дипломатическая карьера шотландского аристократа Герберта Эллиота, графа Минто. В молодости он жил в Париже и был знаком с графом Мирабо, правда, о его причастности к событиям Французской революции ничего не известно. В 1776 году в возрасте 25 лет он избрался в палату общин и многое сделал для того, чтобы добиться отзыва из Индии её первого генерал-губернатора Уоррена Гастингса, которого обвиняли в чрезмерных жестокостях и растрате средств Ост-Индской компании. В 1794-1796 годах граф Минто имел отношение к тайным переговорам с корсиканским республиканским правительством. В результате переговоров на Корсике, официально французской территории, было создано Англо-корсиканское королевство, а граф Минто был назначен вице-королем Корсики. Королевство, правда, продержалось недолго, всего два года — Наполеон начал свой Итальянский поход, а у Британии не было сил держать оборону. Кстати, покидая Корсику в 1796 году граф Минто увез с собой в Лондон президента Государственного собрания Англо-корсиканского королевства Карла Андреа Поццо ди Борго, который затем почти двадцать лет представлял интересы русского императора в Париже, а потом и в Лондоне. Надо сказать, Поццо ди Борго везде — во Франции, России и Англии — пользовался всеобщим доверием и имел возможность выполнять деликатные миссии. В 1807 году граф Минто в качестве генерал-губернатора Индии руководил деятельностью и Ост-Индской компании в этой стране. В результате ему удалось существенно расширить английские владения, в основном за счет французских колоний. Он очень опасался нападения Наполеона на Индию или совместного русско-французского похода через территорию России.

Граф Минто и граф Малмсбери состояли в отдаленном родстве, а в 1802 году, когда умер их еще один дальний ирландский родственник, Генри Темпл, второй граф Палмерстон, они взяли на себя заботу о воспитании и обучении его старшего сына Генри Джона Темпла, третьего графа Палмерстона[5]. Оба воспитателя были в восторге от дарований и способностей, которые демонстрировал молодой человек, и прочили ему большое будущее, охотно делясь с ним секретами дипломатической службы. После школы в Харроу Палмерстон поступил в Эдинбургский университет, известный своими либеральными идеями, которые привнес еще Адам Смит. В Эдинбурге он жил в семье профессора Дугалда Стюарта, одного из ведущих

[5] В Британии это был распространенный обычай, однако, как правило, опекали и давали хорошее воспитание юношам из приличных семей, рано проявившим свои дарования и способности. Примерно также сложилась судьба Дж. Каннинга, предшественника Палмерстона на посту министра иностранных дел. Когда умер его отец, судьбою мальчика заинтересовался его дядя, богатый банкир Стратфорд Каннинг, который взял восьмилетнего сироту на воспитание, поместив его впоследствии в Итонскую школу, где Каннинг проявил блестящие способности, а затем не менее успешно окончил Оксфордский университет.

философов британских островов того времени и комментатора трудов Адама Смита. Он вел собственный курс политэкономии, немного походивший на «псалом Мамоне» и позволял себе смелые разговоры о правительстве. Палмерстон конспектировал лекции Стюарта настолько подробно и обстоятельно, что в 1855 году конспект был издан отдельной книгой. В 1803 году Палмерстон перешел в Кембридж, в колледж Св. Джона. Три года проведенные в Кембридже он называл пустой тратой времени и очень низко оценивал интеллектуальную атмосферу университета.

После окончания университета по совету своих опекунов Палмерстон попытался заняться политикой. Это было время когда тори от вигов отличались исключительно названием, партийная дисциплина хромала и о ней вспоминали только тогда, когда в парламенте возникала по настоящему сложная проблема. В обеих партиях было несколько группировок, несогласных между собой и часто переходивших из одной партии в другую и обратно, что позволяло периодически формировать коалиционные правительства. Будучи ирландским пэром Палмерстон не мог претендовать на место в палате лордов, поэтому баллотировался в палату общин от Кембриджа, но потерпел поражение. В 1807 году ему все-таки удалось стать депутатом от одного из «гнилых местечек». Едва заняв место в парламенте, он произнес речь в защиту бомбардировки Копенгагена и захвата военно-морского флота Дании. Не находя возможным оправдывать этот акт насилия соображениями нравственного порядка, он настаивал на его вынужденности и полезности ввиду намерения Наполеона захватить датские боевые корабли. Речь Палмерстона произвела сильное впечатление на депутатов и лондонскую публику прежде всего за счет глубокого знания предмета и сразу выделила его среди внешнеполитических экспертов.

В 1809 году в возрасте 23 лет он был приглашен в консервативное правительство лорда Персиваля и назначен на пост военного министра, который занимал непрерывно на протяжении почти двадцати лет. Прямого отношения к вопросам внешней политики он не имел, но его выступления в палате общин касались главным образом международных дел, выдавая его неподдельный интерес именно к этой сфере. Причины, по которым его правительственная карьера развивалась столь медленно, историки однозначно объяснить не могут. Высказываются предположения, что на посту военного министра Палмерстон оказался столь эффективен и столь много сделал для армии, что это признавали даже его противники. Возможно, в то время его просто некем было заменить без опасности расстроить налаженное дело. Существует также версия о том, что в этот период он едва не обанкротился, и его выручила супруга русского посла в Лондоне, княгиня Ливен. Об этом будет подробнее рассказано ниже.

После окончания наполеоновских войн Палмерстон как военный министр совершил ряд больших «инспекционных» поездок по Европе, несколько раз он побывал во Франции. Он не ограничивался выполнением официальных обязанностей и пристально изучал состояние умов в Европе. Его принимали при дворе короля Карла X, он был вхож в ведущие политические салоны Парижа и свел знакомства со многими влиятельными французами. Он имел возможность познакомиться с австрийским канцлером Меттернихом, с русским императором Александром I, с прусским королем Фридрихом Вильгельмом II. Записи, которые он оставил в дневнике, свидетельствуют о том, что именно тогда он стал «проникаться ненавистью» к автократическому образу правления, который резко контрастировал с конституционными порядками в Британии[6]. (Думается, однако, что подобные настроения ему с ранней юности прививали его опекуны-воспитатели.) Он все глубже проникался гордостью за британскую нацию, а его нечастые выступления в парламенте звучали как то, что позднее назовут «духом британского империализма». Уроки либерализма, полученные в Эдинбурге тоже явно не прошли даром. Он от всей души приветствовал внешнюю политику Каннинга.

[6] Bell, H.C.F. Lord Palmerston, first volume, pp. 10-15/

Внешняя политика Каннинга

В 1822 году правительство тори обновилось, в него вошли Пиль, Каннинг и Хатчиссон. Джордж Каннинг возглавил внешнеполитическое ведомство. В годы наполеоновских войн он уже успел побывать в составе кабинета и проявил себя как решительный и беззастенчивый политик. Железная воля и холодный, ясный, быстро взвешивающий и решающий ум были его отличительной особенностью. Карьерным дипломатам он не доверял, предпочитая действовать самостоятельно, ни с кем не советуясь и не считаясь даже с королем. Он решительно порвал с прежним курсом лорда Каслри, который был склонен прислушиваться к мнению австрийского канцлера Меттерниха в его стремлении подавить любые революционные выступления в Европе объединенными силами Священного союза. Своим ясным умом Каннинг видел, что рано или поздно аристократия будет вынуждена пойти на уступки и дать буржуа избирательную реформу, если не желает получить революцию, в которой пролетариат будет выступать на стороне третьего сословия и против аристократии. Революции в Испании, Португалии и Неаполе, волнения в Папской области в 1820 году, Пьемонтская революция 1821 года, организованные, как правило, карбонариями и тайными обществами масонского типа, убедительно продемонстрировали, что властные претензии третьего сословия растут по всей Европе, но его выступлениям не хватает организованности, а требованиям —осмысленности и определенности.

Традиционные масонские ложи шотландского устава, входившие в вертикаль Великой ложи Англии, после Французской революции несколько утратили популярность. Во Франции торжествовал дух агностицизма и вольнодумства, и ложи, как это ни парадоксально, увядали не от преследования властей, а под натиском уже заметного атеизма. В Германии распространялись идеи отказа от излишнего мистицизма, большинство лож приняли упрощенный ритуал Шредера, многие ложи прямо подчинились гамбургской, признав себя ее дочерними филиалами, а в 1811 году гамбургская ложа провозгласила себя независимой от Англии и стала называться Великой. В Италии, а также во Франции, Швейцарии, Германии, Испании и на Балканах широко распространились карбонарские венты, и хотя они заимствовали многие масонские ритуалы, их политические цели, главным образом национальное единство и конституционные преобразования, предполагали слишком различные средства борьбы: от пропаганды своих идей до военных переворотов. Попытки английского правительства поставить движение карбонариев под контроль через снабжение их оружием имели ограниченный успех в годы наполеоновских войн, а после реставрации Бурбонов популярность их стала снижаться.

Вместе с тем Каннингу было очевидно, что идеи национального освобождения продолжают играть в Европе важную роль, что процесс образования государств-наций не завершен, но что абсолютизм из инструмента сплочения наций превратился в препятствие к развитию нового буржуазного сословия, к формированию национальных экономических систем, а следовательно можно было ожидать повсеместного нарастания протестных настроений и усиления национально-освободительных движений в Европе и в Америке. По мысли Каннинга, освобожденные народы, образуя новые государства, будут нуждаться в создании национальной промышленности, в строительстве торговых флотов, налаживании финансовых систем. Они естественным образом будут обращаться к британскому опыту и британской помощи, и в их памяти запечатлеется благородный образ Британии, оказавшей решительное содействие в их борьбе за национальное освобождение и единство. По сути, это было бы прямое противодействие политике Священного союза. Вполне сообразуясь с этой логикой, Каннинг впервые открыто заявил о том, что Британия намерена придерживаться политики невмешательства в европейские дела, и по сути, порвал со Священным союзом.

Отправляя лорда Веллингтона на Веронский конгресс Священного союза в 1822 году, Каннинг дал ему твердые инструкции не одобрять никакие решения в поддержку интервен-

ции держав в Испании, препятствовать единоличному выступлению России против Турции, не присоединяться к заявлениям держав, подтверждающих право Испании на южноамериканские колонии, отвергать любые попытки признать южноамериканских революционеров бунтовщиками против испанской короны. Веллингтон справился с поставленными задачами. В результате его решительных выступлений против поддержки державами французского вторжения в Испанию для подавления испанских революционеров, Франция была вынуждена согласиться единолично организовать испанскую интервенцию, что впрочем не помешало французам восстановить на испанском престоле жестокого тирана Фердинанда VII.

Это была последняя победа Священного союза, но Каннинг знал, что Австрия и Франция не ограничатся подавлением испанской революции и непременно пошлют войска за океан для подавления восстания южноамериканских колоний Испании. С высокой степенью вероятности Франция, обладавшая мощной армией и сильным флотом, была в состоянии взять на себя и эту миссию, естественно, за солидное «территориальное вознаграждение» из состава испанских колоний. Меттерних и Александр I вполне сочувствовали подобному предприятию, но Каннинг решительно возразил. Без согласия Англии такая экспедиция была невозможна. Зная, однако, коварство Меттерниха, Каннинг решил подстраховаться и договориться с Соединенными Штатами о совместных действиях с целью поддержания независимости бывших испанских колоний. Каннинг попытался убедить американского посла в Лондоне Раша в необходимости скорейшего признания независимости бывших испанских колоний и заверил его в том, что Британия не имеет территориальных претензий в этом регионе, но не допустит, чтобы какая-либо иная держава захватила утраченные Испанией территории. Государственный секретарь и будущий президент США Джон Куинси Адамс разгадал маневр Каннинга: союз США с Англией позволил бы английскому правительству на законных основаниях вмешиваться в американские дела. В начале декабря 1823 года президент Монро обратился к конгрессу с посланием, в котором твердо заявил о том, что политические системы Европы и Америки не только различны, но противоположны друг другу, Соединенные Штаты не намерены вмешиваться в европейские дела, но категорически возражают против распространения «монархических систем» на какую-либо часть американских континентов, которые не могут рассматриваться как объекты колонизации со стороны какой-либо европейской державы.

Доктрина Монро, так стали называть концепцию, сформулированную Джоном Куинси Адамсом, бросала вызов Британии и обозначила начало борьбы за Центральную и Южную Америку. В 1825 году новый президент США Джон-Куинси Адамс выступил с инициативой созыва конгресса всех независимых государств двух американских континентов. В Лондоне усмотрели в инициативе Адамса попытку создать некую лигу американских государств под эгидой США. Впрочем, для Каннинга переход испанских владений в Америке в собственность Британской империи представлялся исключительно вопросом времени. Промышленное превосходство Британии делало захват рынков латиноамериканских государств с последующим распространением политического влияния практически неизбежным. В январе 1825 года Британия официально признала независимость Аргентины, Колумбии и Мексики. Британские банкиры, промышленники и коммерсанты были в восторге от политики Каннинга.

После тяжелых поражений, нанесенных турками греческому восстанию, Каннинг также резко изменил политику Англии и в «греческом вопросе». В конце марта 1823 года он торжественно заявил, что отныне Англия будет признавать греков и турок двумя воюющими сторонами, признав таким образом действия бунтовщиков и революционеров законным делом, а первую захваченную ими территорию Каннинг намеревался объявить самостоятельным греческим государством. Позиция Каннинга несомненно противоречила политике Священного союза, но неожиданным образом встретила понимание в Петербурге, а Каннинг стал частым посетителем знаменитого политического салона супруги русского посла в Лондоне, княгини Ливен. К сожалению, в ноябре 1825 года Александр I скоропостижно скончался. На престол

взошел неопытный, малообразованный дивизионный генерал, как он сам себя называл, великий князь Николай Павлович. Каннинг направил в Петербург героя Ватерлоо, герцога Веллингтона, к которому император Николай питал чувство высокого уважения. Веллингтон получил исключительно сложную инструкцию: подтолкнуть Россию защитить греков силой оружия, но сделать это так, чтобы русскому самодержцу никогда не могло бы прийти в голову, что он принимал решение вступить в войну с Турцией не совсем самостоятельно. В Петербурге все сложилось не в точности по инструкции, точнее совсем не по инструкции Каннинга. Веллингтон и Николай в начале апреля 1826 года подписали протокол, по которому Англия и Россия признали за Грецией право на государственность под вассалитетом Турции, но с собственным правительством и своими законами, расплачиваясь за это умеренной ежегодной данью Стамбулу. Англия и Россия обязались поддерживать друг друга в реализации намеченного плана в случае, если со стороны Турции будут выдвинуты возражения или она не согласиться без войны уступить существенные территории на Пелопоннесском полуострове. Получилось, что не Англия втравила Россию в войну с Турцией, а Россия втянула Англию в войну за независимость греческого государства. В неизбежности войны можно было не сомневаться. Правда, и Россия поступилась принципами Священного союза, согласившись покровительствовать греческим бунтовщикам. Это была маленькая победа Каннинга тем более, что по Петербургскому протоколу Россия и Англия отказались от каких бы то ни было территориальных приобретений в случае войны с Турцией. Когда к коалиции присоединилась и Франция, стало ясно, что Священный союз и лично Меттерних понесли тяжелейшее поражение.

В начале 1827 года Каннинг, наконец, возглавил кабинет, но его премьерство продлилось всего 119 дней: в августе того же года он скончался от туберкулеза. Радость правоверных турок оказалась преждевременной. Пришедший на смену Каннингу герцог Веллингтон уже в октябре того же года реализовал замысел прежнего премьера: объединенный флот России, Англии и Франции истребил турецко-египетскую эскадру в бухте Наварино. Дело греческого освобождения вступило в новую фазу, а в 1829 по Адрианопольскому мирному договору между Турцией и Россией Греция стала самостоятельной державой, обязавшись ежегодно платить султану полтора миллиона пиастров. Греческий план Каннинга был осуществлен руками России как и было первоначально задумано.

Веллингтон и Франция

Главной заботой Веллингтона на посту премьер-министра, ирландца по происхождению, стала, однако, не Греция и даже не политические права британских католиков, билль об эмансипации которых он с большим трудом провел через парламент и даже угрожал подать в отставку, если король не подпишет закон. Самой большой проблемой внешней политики Веллингтона стала Франция, которая после наполеоновских войн быстро восстанавливала свое политическое влияние и догоняла Британию по уровню экономического развития. Крылатая фраза Ч.Р. Фокса о том, что «реставрация — самая пагубная из всех революций», стала для вигов девизом на долгие годы — вплоть до окончательного изгнания реставрированной династии»[7]. Большинство британских политиков, начиная с 1815 года, решительно высказывались против реставрированной династии Бурбонов. Их возмущал тот факт, что династия Бурбонов, «восстановленная на французском престоле при помощи британских штыков», проводила внешнеполитический курс, идущий вразрез с интересами Великобритании. Критике в парламенте подвергалась и протекционистская политика Франции, которая наносила ощутимый урон британской промышленности и торговле. Генри Брум, депутат парламента и сторонник свободной торговли, после реставрации Бурбонов гневно вопрошал своих коллег: «Разве открылись рынки континента после войны? Напротив, они стали для нас еще более недоступны. Континентальная система, которую Бонапарт не смог завершить, была завершена Бурбонами»[8]. Особое недовольство англичан вызывала политика Карла X, сменившего на французском престоле в 1824 году Людовика XVIII. Карл X со времен Французской революции и до падения Наполеона проживал в Шотландии, в Эдинбурге, но оказалось, что гостеприимство британского правительства не вызвало у нового французского монарха никакой благодарности. Несмотря на возраст (ему было уже 67 лет) он оказался деятельным и целеустремленным монархом. Внешняя политика короля была направлена на восстановление международного авторитета Франции. Карл X начал налаживать отношения с Российской империей. Совместные действия в Наваринском сражении и согласованная позиция Англии, Франции и России в поддержку независимости Греции создавали почву для дальнейшего франко-русского сближения. Карл X почувствовал, что заинтересованность России в приобретении черноморских проливов создает благоприятные возможности для исправления территориальных ограничений, наложенных на Францию Венским конгрессом, в частности, появлялась возможность требовать возвращения Саара и левобережья Рейна. Он также предполагал включить в состав французского королевства бельгийские провинции Нидерландов и Люксембург, предложив Оранской династии в качестве компенсации трон освобожденного греческого королевства, территорию которого он предполагал расширить за счет Восточной Фракии и Константинополя. Пруссия, по замыслу короля, могла бы получить за Саар и рейнские области часть Голландии и Саксонию. Директор департамента по политическим вопросам Министерства иностранных дел Шарль-Эдмон барон де Буслекомт разработал соответствующий меморандум, а Совет министров 3 сентября 1829 года его одобрил как инструкцию для французских дипломатов. Последней каплей, вызвавшей негодование в Лондоне стал захват в июне 1830 года французским экспедиционным корпусом Алжира. Иными словами, у британского правительства имелись серьезные основания желать политических перемен во Франции.

---

[7] Баутина Н.П., Июльская революция 1830 года во Франции и британский парламент, Вопросы истории, 2011 г.

[8] Дубровский А.В., Английское буржуазное общественное мнение и реставрация Бурбонов во Франции (1814–1830). М., 1981 г.

Июльская революция во Франции

Палмерстон предсказал эту революцию еще в 1829 году после июльской поездки в Париж. По его словам, существовало много шансов, что герцога Орлеанского могут пригласить занять королевский престол вместо Карла X. В качестве обоснования Палмерстон указал на то, что во Франции «много миллионов владельцев земли и другой собственности и они не хотят, чтобы случилось что-либо, что могло создать угрозу этой собственности»[9]. Обоснование оказалось метким, потому что в августе того же года Карл X назначил премьер-министром крайнего ультрароялиста Жюля де Полиньяка, совершившего через год ровно то, чего не желали «миллионы владельцев земли». По сути, этим назначением король объявил войну нации. Узнав об этом назначении известный публицист и историк Адольф Тьер, собиравшийся в кругосветное путешествие и уже имевший на руках проездные документы, отложил поездку и в конце 1829 года учредил газету «Le National» жестко оппозиционного направления. Первого января 1830 года в этой газете была опубликована передовая статья, написанная Тьером, в которой определялась её программа: верность династии Бурбонов при условии строгого соблюдения конституционной хартии 1814 года. Правительство Полиньяка продемонстрировало прямо противоположные намерения. Еще одна январская статья Тьера под заголовком «Король царствует, но не правит» призывала правительство образумиться, но все было напрасно. В феврале 1830 года газета сообщила о возможности замены короля герцогом Орлеанским. Шумный скандал, судебный процесс, огромный штраф, наложенный на Тьера и покрытый общественной подпиской, стали неизбежными следствиями этой публикации, а также ярким свидетельством начавшейся общественной самоорганизации и готовности противостоять правительству.

В июле 1830 года правительство Полиньяка опубликовало ордонансы, согласно которым распускалась палата представителей, сокращалось количество депутатов и их полномочия, восстанавливалась цензура, резко ужесточалось избирательное право. Практически все сословия, включая буржуазию, лишались избирательного права, поскольку основой имущественного ценза объявлялись исключительно поземельные налоги. Иными словами, только землевладельцы получали право избирать и быть избранными. Полиньяка принято считать человеком недалеким, но его ордонансы подписал сам король, следовательно он не усмотрел в них ничего провокационного, что могло бы, на его взгляд, вызвать возмущение в Париже. Тьер немедленно написал прокламацию, в которой назвал июльские ордонансы возмутительным нарушением конституционной хартии, которое освобождает граждан королевства от обязанности повиноваться власти, и призвал заменить, наконец, Карла X герцогом Орлеанским. Прокламация была подписана многими видными представителями общественности, а 26 и 27 июля в доме банкира Лаффита, одного из последовательных сторонников герцога Орлеанского, проходили многолюдные собрания, на которых звучали недвусмысленные призывы к сопротивлению. В эти дни в городе начались демонстрации горожан и волнения типографских рабочих и журналистов, оказавшихся безработными. Произошли первые стычки с полицией, изымавшей тиражи газет и закрывавшей типографии. На улицах Парижа собирались толпы невооруженных горожан, с наступлением сумерек стали появляться баррикады и вспыхнули баррикадные бои, в которых участвовали студенты, рабочие, ремесленники, мелкая буржуазия. (Среди восставших на баррикадах сражался и пятнадцатилетний Александр Мартен, будущий «рабочий Альбер», один из лидеров рабочих в революции 1848 года. О нем будет рассказано ниже.) Уличные фонари были разбиты, и началось разграбление оружейных лавок. Деловая жизнь столицы была парализована, но ничего еще не было решено, восставшим парижанам явно не хватало организованности. И на самом деле июльская революция имела мало шансов

[9] Bell H.C., IBID.

на успех, будь маршал Огюст Мармон, которому король 28 июля поручил подавить беспорядки, немного порасторопней и предусмотрительней. Мармон, наполеоновский маршал, которого трудно заподозрить в неумении оценивать обстановку — в 1817 году он сумел подавить беспорядки в Лионе — не вызвал в столицу подкрепления, не арестовал заговорщиков, он приказал Королевской гвардии и малочисленным линейным подразделениям городского гарнизона охранять жизненно важные магистрали и мосты города, а также выставить охранение у важных зданий, таких как Пале-Рояль[10], Дворец правосудия и Отель-де-Виль. Королевская гвардия (два пехотных полка и полк швейцарской пехоты с 12 орудиями) была в основном лояльна королю, но приданные ей три линейных полка и один стрелковый после недолгих колебаний дезертировали практически в полном составе. Следует признать, что у Мармона были основания таким образом выполнить распоряжение короля: он в целом сочувствовал либеральной буржуазии и советовал королю отменить ордонансы. Его фактическое бездействие вызвало подозрения при дворе и 29 июля его сменили на посту главнокомандующего войсками парижского гарнизона, но было уже поздно. К концу дня все основные правительственные здания были захвачены восставшими, и хотя вооруженные столкновения продолжались еще несколько дней, революция свершилась. Палата Депутатов провозгласила герцога Орлеанского наместником (генерал-лейтенантом) королевства, а после отречения Карла X предложила и корону короля Франции. 9 августа он был коронован как Луи-Филипп I.

Все случилось так, как и предсказал Палмерстон за год до июльских событий. Невозможно утверждать, что его частые визиты во Францию как-то связаны с заменой Карла X на лояльного Британии Луи-Филиппа. Луи-Филипп в годы изгнания долго жил в Лондоне на пенсию в 60 тысяч франков от британского правительства. Вместе с тем Великая французская революция 1789 года и революция 1848 года, в которых «британский почерк» прослеживается совершенно отчетливо, дают основания предполагать, что революция 1830 года тоже не была исключением и стала еще одним примером использования во внешней политике Британии либеральных идей в борьбе с европейскими деспотиями. Виги и радикально настроенные политические деятели были едины в оценке Июльской революции 1830 года во Франции, которую они восприняли с большим энтузиазмом. Громче всех в парламенте раздавался голос того же Генри Брума, который заявил, что эта революция «самая славная в летописи человечества». Лорд Элторп, лорд Грей, лорд Лэнсдаун, Юм, О 'Коннелл и другие политики отнеслись с «уважением к недавним переменам во Франции». Палмерстон воспринял революцию во Франции с энтузиазмом, в одном письме он писал: «Мы будем пить за дело либерализма во всем мире. Пусть Испания и Австрия взглянут на себя в зеркало. Этот процесс не может остановиться там, где он начался; Испания, Португалия, германские государства рано или поздно будут затронуты; это событие сыграло решающую роль в утверждении принципов либерализма по всей Европе; царство Меттерниха закончится, и дни герцога (Веллингтона) могут быть исчислены при помощи алгебры, если не арифметики»[11]. Французский пример действительно оказался заразителен, европейские либералы практически повсеместно обретали уверенность. 25 августа 1830 года революция началась в Бельгии, месяц спустя беспорядки охватили некоторые государства Германского союза. Польское восстание 1830–1831 годов и волнения в итальянских герцогствах Парме, Модене и Романье, вспыхнувшие в феврале 1831 года, также были следствием июльских событий во Франции. Веллингтон, как и предсказывал Палмерстон, в ноябре того же года подал в отставку. На смену ему пришел представитель партии вигов лорд Грей, который назначил Палмерстона министром иностранных дел, что было вполне логичным шагом, ибо сторонник тори Палмерстон с некоторых пор в вопросах внешней политики был вполне солидарен с вигами.

[10] Пале Рояль — резиденция герцога Орлеанского.

[11] Bell H.C., IBID.

Лорд Палмерстон

Как уже отмечалось Палмерстон с 1822 года неизменно поддерживал политику своего однопартийца Каннинга, тори либерального толка. Ему импонировал отказ Каннинга следовать в русле политики австрийского канцлера Меттерниха в его стремлении подавить любые революционные выступления в Европе объединенными силами Священного союза и особенно официально заявленная политика невмешательства в чужие дела. Комментируя как-то каннинговское «невмешательство», Палмерстон подчеркнул, что Англия при этом не отказывается от поддержки либеральных, прогрессивных сил в европейских монархиях. Правда, на британских либералов эта поддержка не распространялась: каким-то образом это противоречие уживалось в сознании Палмерстона.

Интерес Палмерстона к международной политике особенно ярко проявился на фоне политического кризиса в Греции в середине и в конце 1820-х годов. Еще в кабинете Веллингтона, оставаясь военным министром, Палмерстон начал активно выступать по греческому вопросу и Ближнему Востоку в целом, самозванно взяв на себя роль «заместителя» министра иностранных дел Дадли, который не решался противоречить Веллингтону. Веллингтон полагал, что в интересах Британии оказывать всемерную поддержку Османской империи, а не защищать интересы греческих повстанцев. Палмерстон указывал на ошибочность отказа от прежнего курса Каннига, выступавшего за совместные действия с Россией и Францией в отношении Турции, лучшим образцом которых он назвал Наваринское сражение 1827 года, когда объединенный флот трех держав уничтожил турецко-египетскую флотилию и оказал реальную помощь греческому национально-освободительному движению. Он требовал предоставить молодому греческому государству не только полную независимость от Турции, но настаивал также на предоставлении грекам максимально возможных территорий, включая не только Морею, но еще и Ливадию с Аттикой. Когда в мае 1828 года Николай I сообщил о намерении начать войну с Турцией Палмерстон потребовал, чтобы англо-французская экспедиция была послана к берегам Турции и чтобы английский и русский адмиралы действовали по «одним инструкциям». В правительстве его не поняли, Палмерстон не сумел настоять на своих требованиях, Россия не получила помощи от англичан и французов. Палмерстону пришлось подать в отставку.

Он начал активно выступать в парламенте. К выступлениям он тщательно готовился: его ораторское искусство не было образцовым, но он демонстрировал глубокое знание предмета и умел быть саркастичным и ироничным, проявляя своеобразное чувство юмора. Кроме того, его группа поддержки в парламенте еще на оформилась, и он был вынужден маневрировать, тщательно взвешивать слова. В мае 1829 года он произнес большую речь в защиту прав католиков, которая вызвала всеобщее удивление и одновременно восхищение. Присутствовавшие явно уловили слова и тональность Каннинга. В июне он напал на внешнюю политику Веллингтона, назвав ее национальным позором. Прежде всего, он указал на бездействие Британии в отношении Португалии, где Дон Мигель из регента при своей несовершеннолетней племяннице королеве Марии, превратился в узурпатора и деспота, развязавшего в стране подлинный террор. Даже деспотические монархии Восточной Европы, как заметил Палмерстон, отозвали своих послов из Португалии, а конституционная Британия всего лишь последовала их примеру. По оценкам присутствовавших при выступлении Палмерстона, критика британской внешней политики была уничтожающей, но главное — это был первый случай, когда он заклеймил позором одного из континентальных деспотов и сделал это публично. Некоторые историки[12] полагают, что позиция, занятая Палмерстоном в отношении деспотизма и авторита-

[12] В частности, H.C. Bell.

ризма европейских монархов, стала отражением влияния лорда Грея и лорда Лэнсдауна, сына первого лорда Лэнсдауна, графа Шелбёрна. Представляется, однако, что это ошибка. Как уже отмечалось выше, подобные настроения были внушены гораздо раньше его воспитателями и опекунами лордом Малмсберри и лордом Минтом. Однако, следует признать, что виги, лорд Грей и лорд Лэнсдаун, придерживались сходных подходов, и это предопределило переход Палмерстона к вигам, хотя, как утверждают, в душе он всегда оставался тори.

Правительство пыталось защищаться, указывая на доктрину невмешательства во внутренние дела других государств, но Палмерстон обрушился на нее, указав что необходимо различать собственно «вмешательство», под которым следует, по его словам, понимать военные действия, и «вмешательство», подразумевающее поддержку либеральных сил, оппозиционных деспотическим, авторитарным режимам, а также малых государств в их противостоянии с державами.

После португальского вопроса Палмерстон вернулся к греческим делам и, прежде всего, к вопросу о размере территории свободной Греции. Иными словами, он повторил свои заявления, которые он делал в правительстве Веллингтона, приведшие к его отставке. Эта речь показала вигам и сторонникам Каннинга, что среди них есть политический деятель, способный взять на себя продолжение его внешнеполитического курса. Политический вес Палмерстона начал стремительно расти, и Веллингтон осознал, что в его лице он получил весьма серьезного противника. Он предложил Палмерстону пост в правительстве. Палмерстон дал согласие войти в кабинет Веллингтона только при условии предоставления министерских кресел лорду Грею и лорду Лэнсдауну. Сделка не состоялась.

Пост министра иностранных дел он получил только в правительстве лорда Грея. На посту министра иностранных дел Палмерстон оставался до 1851 года в кабинетах лорда Грея, лорда Мельбурна и лорда Рассела с промежутками в 1834 и 1841—1846 годах. В кабинете лорда Эбердина (1852-1855) Палмерстон занимал пост министра внутренних дел. Министром иностранных дел был лорд Кларендон, полностью находившийся под влиянием Палмерстона. В 1855 году он возглавил кабинет министров и занимал этот пост с небольшими перерывами до самой смерти в 1865 году. В течение практически всей своей правительственной карьеры Палмерстон не выпускал из поля зрения вопросы внешней политики Британии, оказывая влияние не международный курс правительства даже в краткие периоды пребывания в оппозиции.

О некоторых особенностях внешней политики Палмерстона

В целом внешняя политика Палмерстона стала прямым продолжением политики Питта Младшего и Каннинга, но приобрела еще большую наступательность и агрессивность. В ее основе лежал унаследованный от британской дипломатии XVIII века принцип — всеми силами содействовать приобретению новых рынков сбыта и получения доступа к сырьевым источникам для обеспечения непрерывного роста британской промышленности. Его заслуги в деле поддержки национальной буржуазии оказались настолько велики, что его стали почитать как фигуру национального масштаба, уважительно называя: «наш великий Пам». Главным инструментом внешней политики Палмерстона оставалась политика баланса сил в Европе, разжигание взаимной подозрительности и враждебности между европейскими государствами, провоцирование конфликтов и войн, вынуждая европейских государей забывать обо всем кроме европейских конфликтов и позволяя Британии выступать в качестве верховного арбитра или балансирующей силы, угрожая в случае необходимости ввести в действие английский флот. Британия тем временем приобретала одну колонию за другой. Методы, к которым прибегал Палмерстон в переговорах, в особенности его грубые манеры, надменный, повелительный тон, имевшие целью запугать противника, создавали постоянную напряжённость в отношениях между Англией и другими державами.

О Палмерстоне открыто говорили, как о поджигателе войны, как об «опасном министре». У него случались даже столкновения по вопросам внешней политики с королевой Викторией и ее мужем принцем-консортом Альбертом, но в конечном итоге принц во всем принял линию Палмерстона. Тем не менее министру приходилось считаться с неприязненным отношением к нему в Европе и временами ограничивать свою внешнеполитическую активность исключительно методами тайной дипломатии и тайных операций, которые доказали свою высокую эффективность, если требовалось скорректировать политику европейских монархов. В 1832 году он заявил в парламенте, что видит в распространении в этой части света принципов конституционного правления не просто желательное явление, но явление, наиболее полно отвечающее британским интересам, поскольку конституционные государства представляли бы собой естественных союзников Британии. Он откровенно признал, что «дипломатическое влияние на внутренние дела других государств» совершенно оправдано. По его словам, речь не идет о влиянии силой оружия, но о «дружеском совете и рекомендациях», а в ряде случаев может оказаться полезной поддержка революционных движений, например, в странах, где монархи сопротивляются введению конституционного строя. Монархи, которые не принимают советов Британии, должны, как заявил Палмерстон, считаться с последствиями[13].

Палмерстон оказался во главе британского МИД в один из наиболее критических моментов истории XIX века, когда идеи либерализма захватили практически всю европейскую часть света, когда движения за национальную независимость и самоуправление решительно набирали силу и брали на вооружение не только методы пропаганды, но и силовых акций, вплоть до государственных переворотов и революций. Реакционные державы в лице прежде всего Австрии, России и Пруссии были принуждены сплотиться с целью отразить посягательства на свои традиционные порядки в устройстве власти, общественной организации, не допустить нарушения территориальной целостности своих империй. Палмерстону было очевидно, что в подобных условиях разрозненные, плохо вооруженные, неумело управляемые либеральные движения и группировки не имеют шансов на победу без внешней поддержки какой-либо из

[13] Bell H.C., IBID.

великих держав. Не скрывая своего отношения к деспотическим режимам, он понимал, что откровенно антимонархическая позиция британского правительства рисковала лишить гибкости британскую внешнюю политику. По его мнению, было бы логичней, если бы «революционная Франция» взяла бы на себя роль «спонсора европейских революций», несмотря на опасность спровоцировать протесты или даже открытое вооруженное противодействие со стороны Вены, Петербурга и Берлина. Франция, как полагал Палмерстон, могла бы рассчитывать на поддержку со стороны Британии тем более, что Луи-Филипп, сменивший Карла X на французском престоле, всегда пользовался расположением британского правительства. Выступая в парламенте Палмерстон прямо указал: «Интерес Британии заключается в поддержании мира в Европе, и эта цель может быть достигнута самым безопасным и легким образом за счет твердого и справедливого союза с Францией».

«Молодая Европа»

В 1831 году Джузеппе Мадзини, молодой итальянский адвокат и публицист, создал в Марселе итальянское революционное сообщество «Молодая Италия», целью которого стало объединение Италии и освобождение ее от австрийского влияния. К тому времени Мадзини уже успел отсидеть полгода в итальянской тюрьме за участие в тайном обществе карбонариев. В тюрьме он пришел к выводу о том, что «вместо попыток гальванизировать труп общества карбонариев следует выстроить революционное здание на совершенно новом фундаменте». По отбытии срока заключения Мадзини был выслан за границу, и с тех пор он жил то во Франции, то в Швейцарии, но большую часть времени он проживал в Англии. Несмотря на «сложное финансовое положение» он начал издавать журнал, официальный орган «Молодой Италии», который первые два года выходил исключительно регулярно. В первом номере он изложил программу общества, которая определила принципы деятельности: полная гласность в плане целей и идеологии общества и тайна во всем, что касалось организационных вопросов. Таким образом Мадзини стремился привлечь в общество как можно больше сочувствующих и вывести их из-под угрозы смертной казни, которая была предусмотрена для членов тайных обществ. ««Молодая Италия» («La Giovine Italia»), — писал он, — должна быть республиканскою, ибо божественные законы создали всех людей равными и свободными, ибо в Италии нет монархических элементов, ибо народ можно поднять во имя его свободы и прав, а не во имя интересов какой-либо династии; «Молодая Италия» должна быть унитарной, потому что Италия нуждается в силе и в единстве, а федерализм обрек бы ее на бессилие». Отрытой целью «Молодой Италии» Мадзини провозгласил воспитание общества на основе божественных законов и нравственного долга. Тайная цель состояла в подготовке восстания, соответственно, члены общества делились на посвященных и посвящающих. Центральный комитет, избираемый местными комитетами, заведовал всеми делами; каждый член общества вносил в кассу не менее 50 сантимов ежемесячно. Помимо журнала «Молодая Италия» общество издавало также прокламации, брошюры и книги, что дает некоторое представление о финансовых возможностях общества. В начале в общество вступили наиболее энергичные карбонарии — Гарибальди, Гверацци, Руффини, Джоберти, Дурандо, Брофферие, братья Бандиера, Леопарди. Поддерживали связь с обществом Годфруа Кавеньяк[14], Арман Каррель, соредактор Тьера в революционной газете «Le National», и маркиз Лафайет, участник двух французских революций и американской войны за независимость.

Через полгода французское правительство запретило деятельность «Молодой Италии». Центральный комитет общества был переведен в Женеву, но к тому времени местные комитеты действовали по всей Италии несмотря на полицейские преследования со стороны итальянского и австрийского правительств. В 1833 году в Ломбардии было казнено за принадлежность к

[14] Годфруа Кавеньяк — брат Луи Эжена Кавеньяка, генерала и государственного деятеля, организатора расправы над парижскими рабочими во время подавления Июньского восстания в ходе Февральской революции 1848 года.

обществу 19 человек. Издания общества тоже преследовались самым жестким образом, но, тем не менее они проникали в Италию в значительном количестве благодаря хорошо налаженной контрабанде.

В 1833 году Мадзини попытался начать восстание в Сардинском королевстве, но неудачно. В том же году он решил осуществить со своими сторонниками вторжение из Швейцарии в Савойю, которая тогда входила в состав Сардинского королевства, с целью свержения королевской власти. Экспедицию, финансируемую Мадзини на средства, собранные среди итальянских патриотов (сто тысяч лир), несколько раз откладывали, потому что генерал Раморино, военный руководитель вторжения, растратил часть средств (чтобы выплатить свои игорные долги), собранных Мадзини. Савойская полиция была осведомлена о намеченном вторжении и попыталась заманить отряды итальянцев, поляков и французов в ловушку. Через доверенное лицо заговорщикам передали информацию о том, что в форте Фенестрелле их ждут сторонники освобождения Италии, готовые предоставить им оружие, которого в отрядах повстанцев было мало. Вторжение в Савойю осуществлялось по четырём направлениям: на Сен-Жюльен, на Сейссель, на Лейсо и на Лез-Эшель. Вторжение началось 3 февраля 1834 года, но Раморино быстро осознал невозможность успеха и приказал своим группам отступать. Многие участники попали в плен и были казнены. Мадзини удалось бежать в Швейцарию.

Раморино не удалось связаться только с колонной, которая под командованием лейтенанта Бенедетто Алеманни шла из Гренобля на Лез-Эшель. Повстанцам удалось войти в город и после перестрелки захватить казарму местных карабинеров. Одному из них удалось ночью бежать и добраться до гарнизона в Ле Пон-де-Бовуа. Отряд подполковника Адриано д'Онье немедленно отправился в Лез-Эшель и после непродолжительной стычки отогнал мадзинистов к французской границе. Отряд потерял трех человек убитыми и двух захваченными в плен. Последних судили и расстреляли 27 февраля.

В это же время в Генуе должно было вспыхнуть восстание под руководством Джузеппе Гарибальди, который завербовался на сардинский военный флот для ведения революционной пропаганды среди экипажей. В день, назначенный для выступления, он прибыл в пункт сосредоточения, но никого не нашел. Ему пришлось бежать в Марсель, где ему сообщили о вынесенном ему в Италии заочном смертном приговоре. В июне 1834 года Гарибальди отправился в Южную Америку, где принял участие в целом ряде революций, которые вспыхнули здесь практически одновременно. Примечательно, что все они были направлены против испанского колониального владычества, с которым пыталась бороться и Британия.

По образцу «Молодой Италии» Мадзини создал в 1832 и 1833 годах в Швейцарии еще два революционных общества: «Молодая Польша» и «Молодая Германия». Первая из них состояла из польских эмигрантов, по преимуществу замешанных в восстании 1830 года. Общество не имело большого влияния, а после его изгнания из Швейцарии в 1836 году, оно было почти совершенно уничтожено. Попытки восстановить его в Лондоне не увенчались успехом.

Большее значение имела «Молодая Германия», общество основанное немецкими эмигрантами и ремесленниками в Швейцарии. Общество состояло из многочисленных клубов, рассеянных по всем кантонам и объединенных Центральным комитетом. Программа общества походила на программу «Молодой Италии», методы деятельности тоже были заимствованы у мадзинистов. Некоторые члены нового общества принимали участие в так называемом «Франкфуртском покушении» в начале апреля 1833 года, когда довольно большая группа недовольных восстановлением в германских княжествах монархических порядков, решила захватить союзный сейм, арестовать депутатов и создать временное республиканское правительство. Вооруженное восстание, в котором участвовало до 70 человек, горожане не поддержали и оно было быстро подавлено, большинство участников арестовали и предали суду. Выяснилось, однако, что повстанцы пользовались всеобщей симпатией, и большинству из них при

содействии тюремщиков удалось бежать из заключения. Многие из них нашли пристанище во Франции и в соседней Швейцарии, где в том же году и была создана «Молодая Германия».

В 1835 году членами общества был убит близ Цюриха член «Молодой Германии» Людвиг Лессинг, студент Цюрихского университета[15]. Лессинга достаточно обоснованно подозревали в работе на баварскую полицию и в разглашении плана вооруженного вторжения в Баварию или Баден. Вторжение не состоялось, но по делу Лессинга привлекли к суду троих его товарищей по «Молодой Германии». Благодаря заступничеству председателя верховного суда Цюриха Фридриха Келлера обвинения с них были сняты. Утверждали тогда, что Келлер сам состоял в каком-то тайном обществе, возможно, в «Молодой Европе». Под давлением прусского и австрийского правительств швейцарские власти были вынуждены выслать из страны более 150 германских иммигрантов, но многим было разрешено остаться. Многие из высланных перебрались в Англию, значительная часть обосновалась во Франции, где в 1834 году основали тайное общество под названием «Союз отверженных» с иерархической структурой и авторитарным руководством. В своих действиях это общество придерживалось заговорщической тактики и насчитывало около 500 членов.

Деятельность «Молодой Германии» на какое-то время притихла, но не прекратилась. В 1845 году общество организовывало мелкие восстания в Бадене, которые сыграли важную роль в подготовке Баденской революции 1849 года.

После неудачного похода на Савойю в 1834 году Мадзини создал в Швейцарии организацию «Молодая Европа». Конгресс представителей от «Молодой Италии», «Молодой Германии» и «Молодой Польши» выработал акт соединения на трех языках, девизом новой организации провозгласили: «Свобода, равенство, гуманность». Новая организация была задумана как федерация всех обществ, созданных Мадзини, которые стали считаться национальными секциями. Участники конгресса избрали союзный комитет, а также заявили о создании «Молодой Франции», «Молодой Испании» и «Молодой Бельгии». Политическим органом «Молодой Европы» стал издаваемый на французском языке журнал «Le Proscrit» («Изгнанник»). Одновременно в Золотурне Мадзини начал издавать журнал» «La Jeune Suisse» («Молодая Швейцария), но местные власти арестовали, а потом выслали из страны большинство сотрудников журнала, в том числе и Мадзини. Переселение Мадзини в Лондон и гонения, начатые швейцарскими властями, ослабили все общества, созданные мадзинистами, тем не менее они тайно существовали до 1848 года, а некоторые и после этой даты.

Стоит отметить, что «Молодая Россия» тоже отметилась в истории — настолько широко распространились антимонархические идеи Мадзини. В 1862 году студент Московского университета Петр Заичневский написал прокламацию «Молодая Россия», содержавшую бланкистскую программу политического переворота в России и получившую известность как революционный манифест республиканцев-якобинцев. В прокламации кружок Заичневского провозгласил цель — физическое уничтожение царя, его семьи и всех его сподвижников. Известно, что эмигрант, соратник Герцена В.И. Кельсиев приезжал в 1862 году для оценки обстановки в России. Позднее он записал: ««Молодую Россию» никто не хвалил, но думавших одинаково с нею было множество. Ей в вину ставили только то, что она разболтала о чём молчать следовало!»

Позднее, в конце 1880-х годов возникла и «Молодая Турция», члены которой выступали против абсолютистского режима султана Абдул-Гамида II, но об этой организации, которая тоже находилась под влиянием британских специальных служб, будет рассказано ниже. Линдон Ларуш, известный историк и глава одной из частных разведывательных служб, прямо называл Луи Наполеона, Гарибальди и Мадзини агентами британской разведки. Трудно ска-

[15] Patrik Süess, Murder and espionage: the Lessing case. https://blog.nationalmuseum.ch/en/2024/11/murder-and-espionage-the-lessing-case/

зать, на какую информацию опирался этот известный и несколько скандальный исследователь, но синхронность последовавших в середине XIX века революционных выступлений против абсолютизма по всей Европе позволяет утверждать, что выступления были не совсем стихийными, а пример Швеции, где не было «Молодой Швеции», а только «Общество друзей избирательной реформы» и где «мартовские беспорядки» были легко подавлены говорит о многом. Кроме того, сами по себе частые посещения или просто проживание в Лондоне Мадзини, Гарибальди, Кошута, Шаппера, Герцена, Маркса, Энгельса и многих других революционеров пусть косвенно, но свидетельствуют о том, что британское правительство сознательно приветствовало их деятельность. Палмерстон был даже вынужден выдержать скандал с королевским семейством, когда захотел принять Мадзини в собственном доме. Контакты с иммигрантами Палмерстон поддерживал через своего неофициального помощника и официального «гневного критика» Дэвида Уркварта, который курировал русское и турецкое направление внешней политики кабинета, в том числе действовал практически. Несмотря на свой официальный дипломатический статус секретаря британского посольства в Стамбуле Уркварт организовывал поставки оружия черкесам в закубанские области Северного Кавказа и, по некоторым данным, сам лично побывал на этой недавно приобретенной территории России. Позднее он обеспечивал контакты с Марксом в период его работы в библиотеке Британского музея, где у них были соседние кабинеты, но об этом будет рассказано ниже.

Революции 1848-49 годов

Революции, прокатившиеся по европейским странам в 1848–1849 годах, несомненно имели в своей основе объективные причины: от роста национального самосознания и стремления к объединению разрозненных герцогств и княжеств в единое государство-нацию (Германия, Италия, Венгрия, Польша, Дунайские княжества) до требований гражданских свобод, ликвидации феодальных пережитков, введения конституционного правления или участия буржуазии в государственном управлении (Франция, Дания, Австрия, Швеция). Вместе с тем во Франции и Италии роль внешней силы зафиксирована в исторической литературе вполне четко.

Безоблачные поначалу отношения между Парижем и Лондоном после прихода к власти Луи-Филиппа осложнились. Поддерживать «сердечное согласие» с французским правительством Палмерстону, который не раз выступал в поддержку Франции в британском парламенте, становилось все сложнее. Несмотря на покладистость и не слишком высокую степень амбициозности Луи-Филиппа интересы союзников довольно серьезно расходились по поводу границ Бельгии, в 1830 вышедшей из состава Нидерландского королевства, по поводу положения на Иберийском полуострове, а также в западном и центральном средиземноморье.

В Париже левая оппозиция требовала от Луи-Филиппа занять более решительную позицию в отношении Бельгии и попросту присоединить ее к Франции. В самой Бельгии имелось течение в пользу такого решения вопроса. Луи-Филипп сделал робкую попытку выдвинуть кандидатом на новый бельгийский престол своего сына, герцога Немурского. Палмерстон, сделав вид, что лично он ничего бы против этого не имел, но император Николай, ненавидящий Луи-Филиппа, будет протестовать. Талейрану, в то время французскому послу в Лондоне, было ясно, что Палмерстон ни за что не допустит воцарения сына французского короля. Талейран пробовал, при определении Лондонской конференцией окончательных границ Бельгии, выгадать что-нибудь для Франции, но и это натолкнулось на упорное сопротивление Палмерстона. В начале июня 1831 года национальным конгрессом на бельгийский престол был избран принц Леопольд Саксен-Кобургский, родной дядя королевы Виктории, на кандидатуре которого сошлись все державы. Талейрану удалось только добиться решения конференции о том, что бельгийские крепости на границе с Францией должны быть срыты. При определении границы между Бельгией и Голландией Талейран оказался удивительно сговорчив, и Бельгия лишилась довольно значительных территорий. Эта мягкость старого князя объяснилась лишь 100 лет спустя, в 1934 году, когда голландский государственный архив опубликовал документы, уличавшие Талейрана в том, что он получил от голландского короля Вильгельма I взятку в 10 тысяч фунтов стерлингов золотом[16].

В 1843 году в Испании была объявлена совершеннолетней и коронована 13-летняя Изабелла, дочь Фердинанда VII. Практически сразу же после коронации в Европе начался спор за её руку. Поиски супруга для испанской королевы снова сопровождались дипломатическим конфликтом между Великобританией и Францией. Главы французской и британской дипломатии рассчитывали выдать Изабеллу за представителя правящей династии из дружественной им державы и в равной степени не хотели уступать друг другу, поскольку в противном случае это означало бы нежелательное усиление другой стороны. Луи-Филипп не решился предложить в мужья Изабелле своего младшего сына, герцога де Монпансье, понимая, что может вызвать острое противодействие со стороны Британии. Луи-Филипп и французский министр иностранных дел Франсуа Гизо настаивали на том, чтобы Изабелла вышла замуж за испанского или неаполитанского представителя правящего в Испании дома Бурбонов, например,

[16] Потемкин В.П., История дипломатии, с.413.

за ее кузена, герцога Кадисского, а Монпансье он предложил женить на младшей сестре Изабеллы, инфанте Фернанде. Замысел Луи-Филиппа был достаточно прост: он знал, что герцог Кадисский не может иметь детей, поэтому наследником испанской короны, как он рассчитывал, станет ребенок Фернанды. В июне 1846 года британский министр иностранных дел, лорд Абердин от имени королевы Виктории и ее мужа, принца-консорта Альберта предложил устроить брак Изабеллы с дружественным Британии принцем Леопольдом Саксен-Кобургским — двоюродным братом Альберта. Абердин настаивал на том, что Утрехтский договор 1713 года воспрещал браки между французскими и испанскими Бурбонами. Предложение англичан, естественно, не вызвало энтузиазма в Париже и Мадриде, поскольку означало усиление влияния Лондона на королеву Изабеллу. В результате сложных переговоров между Луи-Филиппом и Гизо, с одной стороны, и королевой Викторией, принцем Альбертом и лордом Абердином — с другой, было достигнуто соглашение. Виктория отказалась поддерживать кандидатуру Леопольда в качестве претендента на руку королевы Испании, а Луи-Филипп клятвенно заверил англичан в том, что герцог де Монпансье не женится на инфанте Фернанде до тех пор, пока Изабелла не выйдет замуж и не родит наследника престола.

Летом 1846 года Палмерстон вновь возглавил министерство иностранных дел. По версии британского историка Х.С. Белла, он без консультаций с королевской семьей направил телеграмму британскому послу в Мадриде, в которой упомянул кандидатуру Леопольда Саксен-Кобургского среди возможных претендентов на руку испанской королевы, а заодно в нелицеприятных выражениях высказался по поводу деспотического испанского режима. Каким-то образом телеграмма была показана Гизо, и Луи-Филипп увидел свой шанс — Англия нарушила соглашение и освободила его от клятвы, данной Виктории. Свадьба Изабеллы и герцога Кадисского, а также инфанты Фернанды и герцога де Монпансье состоялись в один день. Это было оскорбление. Как пишет Белл, «не прошло и восемнадцати месяцев, как монархия Луи-Филиппа, непопулярная и смертельно ослабленная потерей английской поддержки, канула в Лету, а сам он вместе с семьей, как нищий беженец, бросился в ноги к Витории»[17].

Трудно поверить, что Палмерстон оказался столь неопытен и непредусмотрителен, чтобы дать повод Луи-Филиппу нарушить данную королеве Виктории клятву. Скорее всего, он просто искал повод, чтобы активизировать английскую агентуру во Франции. Луи-Филипп и его первый министр Гизо многое сделали для того, чтобы во Франции опять возникла революционная ситуация. Восемнадцать лет правления Луи-Филиппа (так называемая Июльская монархия) стали эпохой постепенного отказа от идей либерализма, эпохой политических скандалов и небывалой коррупции. Хотя революционеры 1830 года выдвигали главным образом республиканские лозунги, в конечном итоге июльская революция восстановила монархию Бурбонов, а поскольку среди основных сторонников Луи-Филиппа преобладали банкиры во главе с его другом Лаффитом, то именно они «приватизировали» власть во Франции причем в ущерб интересам других французских буржуа. Эта власть была закреплена жестким цензовым порядком осуществления избирательного права. Избирать могли только те, кто платил не меньше 200 франков в виде прямых налогов, а правом быть избранными могли пользоваться только плательщики 500 франков прямых налогов. В результате из девяти с лишним миллионов совершеннолетних мужчин пользоваться избирательным правом могли не более 250 тысяч человек. Французский парламент превратился в фикцию. Депутаты представляли интересы исключительно крупной буржуазии, которая пользовалась покровительством двора наряду с родственниками и друзьями Луи-Филиппа и высшими правительственными чиновниками. Государственная казна, раздутая более чем в два раза по сравнению со временами наполеоновских войн, стала источником обогащения всей этой камарильи. Расходы постоянно росли, что вынуждало правительство прибегать ко все новым займам на крайне затруднитель-

[17] Bell H.C., IBID/

ных условиях. Начинавшееся в ту пору железнодорожное строительство осуществлялось на почти паритетных, но крайне непрозрачных условиях государственно-частного партнерства, что порождало небывалую коррупцию. Биржевые операции с ценными бумагами использовались банкирами для махинаций, основанных на инсайдерской информации, что приводило к массовым банкротствам среди неосведомленных биржевых игроков. Все это вылилось в ряд коррупционных скандалов, самые громкие из которых произошли в 1847 году. Общество воспринимало правящую группу как шайку сплошных воров и уголовников.

К середине 1840-х годов во Франции наметились признаки социального и экономического кризиса. Несмотря на заметное ускорение промышленного переворота положение промышленных предприятий оставалось сложным, из-за отсутствия в стране дешевого кредита участились банкротства, рабочие теряли работу и безработица превратилась в заметное общественное явление. К концу 1847 года на улице в результате кризиса оказались до 700 тысяч рабочих; помимо Парижа, где из миллиона населения примерно треть приходилась на рабочих и мелких ремесленников, значительные пролетарские и полупролетарские массы сосредоточились в Лионе, Марселе, Руане, Бордо. Безработица в таких отраслях, как строительство и производство мебели достигала 60-65 процентов. Резко возрос уровень эксплуатации пролетариата, рабочий день, например, на шахтах и в металлургии достигал 15-16 часов, а условия жизни в городе, скученность, антисанитария были ужасающими. Нищенство в городах и в деревне достигло уровня Великой революции 1789 года. Для рабочих кризис был вдвойне невыносим, так как наступил на фоне голода, вызванного неурожаем 1846 года и «картофельной болезнью» 1847 года — цены на продовольствие подскочили вдвое. Дело доходило до голодных бунтов, разгромов хлебных лавок, для подавления которых пришлось использовать войска.

Луи-Филипп, «народный король и король-буржуа», с его камарильей не устраивал уже никого, особенно промышленную буржуазию и пролетариат, который еще не отделял себя полностью от хозяев, видя главным образом в правительстве причину своих несчастий. Нарастала оппозиционность парламента, где радикалы и умеренные все настойчивее требовали изменения избирательной системы, вплоть до введения всеобщего избирательного права. Король, однако, под влиянием Франсуа Гизо упорно отвергал всякую мысль о переменах. Стоит ли удивляться, что на жизнь короля было совершено более десятка покушений, а в конце февраля 1948 года произошла очередная революция. Король, как уже отмечалось, бежал в Англию со всей семьей, а во Франции была провозглашена республика.

Сюжет революции 1848 года подробно описан в различных исторических исследованиях, поэтому рассматривать его в деталях здесь не имеет смысла. Необходимо только хотя бы бегло рассмотреть механизм запуска революции. Традиционно указывают на три группы оппозиционных сил, которые участвовали в революции: династическая оппозиция или орлеанисты, а также правые и левые республиканцы. Решающую роль в революции сыграли левые республиканцы во главе с адвокатом и издателем популярной газеты «La Reforme» («Реформа») Александром Огюстом Ледрю-Ролленом. Утверждают, что Ледрю-Роллен не был социалистом, но его соредактор Луи Блан был настоящий социалист. Свои критические взгляды по поводу перспектив капитализма он излагал в многочисленных статьях, а также в книге «Организация труда», которая оказалась чрезвычайно популярной, особенно среди рабочих, и выдержала несколько изданий. Писал статьи для газеты и Фридрих Энгельс. К редакции «Реформы» был близок Александр Мартен Альбер, или просто рабочий Альбер, лидер тайной бланкистской и коммунистической организации «Общество времен года». Он уже упоминался в связи с «июльской революцией» 1830 года, когда еще подростком защищал баррикады. В большинстве источников можно найти указание на то, что «Общество» после неудачного восстания бланкистов в 1839 году было ликвидировано, а его лидеры Огюст Бланки и Арман Барбес находились в заключении. На самом деле «Общество» продолжало свою подпольную деятельность, главным направлением которой стала пропаганда среди рабочих. К 1848 году число законспири-

рованных членов общества приближалось к шести сотням активистов, которые имели тесные связями с рабочими коллективами столичных и провинциальных предприятий. Таким образом, редакция газеты «Реформа» представляла собой одновременно и пропагандистский, и организационный центр восстания, который задавал тон в официальной антиправительственной прессе и был в состоянии регулировать накал общественных настроений, а рабочий Альбер осуществлял связь и координацию усилий с рабочими.

Главным «инструментом», использованным для свержения режима Луи-Филиппа и правительства Гизо, стали «политические банкеты»[18], собиравшие многие сотни и даже тысячи участников из всех слоев общества и больше походившие на политические митинги. Основным лозунгом многочисленных ораторов, выступавших на «банкетах», стало требование справедливой избирательной реформы, а Ледрю-Роллен и Луи Блан прямо требовали введения всеобщего избирательного права.

Поначалу Луи-Филипп и Гизо не видели большой опасности. Луи-Филиппу даже приписывают фразу о том, что «парижане никогда не делают революцию зимой», а Гизо издевательски заявил в парламенте: «Обогащайтесь, господа, и вы станете избирателями». Однако постепенно стало ясно, что если не прекратить банкетную кампанию, то правительству придется прибегнуть к силе оружия, чтобы погасить открытые антимонархические и антиправительственные выступления, которые начали собирать свыше ста тысяч человек одномоментно. Поводом для восстания стал запрет «банкета», намеченного на 22 февраля. Запрет был немедленно нарушен. С раннего утра 22 февраля на площади Мадлен начали собираться участники «банкета», в основном рабочие. Затем к ним присоединились студенты и все направились к месту проведения «банкета», но по дороге толпу ловко завернули к министерству иностранных дел, где была расположена и резиденции Гизо. Здесь произошла первая, еще бескровная стычка с солдатами пехотного полка. Демонстранты проследовали дальше по городу, по пути громя оружейные лавки. Настоящее восстание началось в ночь на 23 февраля, когда рабочие кварталы Парижа покрылись баррикадами. Луи-Филипп был вынужден опираться исключительно на Национальную гвардию, он не желал использовать для подавления восстания войска, так как армия была непопулярна и он опасался обвинений в повторении жестокостей Карла X. Однако национальные гвардейцы, выходцы из буржуазных кварталов и сами сторонники избирательной реформы, наотрез отказались стрелять в народ, а часть их даже перешла на сторону повстанцев. Днем 23 февраля Луи-Филипп отправил Гизо в отставку, но было уже поздно. Вечером того дня произошла новая стычка у министерства иностранных дел. Из толпы демонстрантов провокаторы открыли стрельбу по солдатам, началось побоище, были жертвы. Убитых возили на повозках по столичным кварталам, провоцируя всеобщее возмущение. Восстание разгорелось с новой силой, теперь уже открыто выдвигался лозунг: «Да здравствует Республика!». Утром на стенах появилось воззвание, составленное в редакции газета «Le Reforme»: «Луи-Филипп приказал нас убивать, как это сделал Карл X; пусть он и отправляется вслед за Карлом X». На следующий день король бежал из страны.

В декабре 1848 года состоялись выборы президента Республики, которым неожиданно стал вернувшийся после революции из Англии Луи Наполеон. Луи Наполеон, племянник Наполеона I, и будущий Наполеон III устроил несколько заговоров против короля Луи-Филиппа, 6 лет провел в заключении в крепости Гам, бежал в Англию. Там он сошёлся с некой Гарриет Говард, актрисой, которая «сумела войти в высшее общество благодаря состоянию»[19], доставшемуся ей от одного из ее любовников. К тому же она имела множество полезных знакомств. Как утверждают, при её финансовой поддержке принц Луи смог реализовать

[18] В 1905 году кадеты во главе с П.Н. Милюковым прибегнут к аналогичной практике и сумеют с помощью «политических банкетов» серьезно «раскачать» все русские оппозиционные силы, да и общество в целом.

[19] Более вероятно, что за Гарриет Говард стояли люди влияния, вроде лорда Малмсберри.

свои политические амбиции. Через нее же Луи Наполеон сошелся с Джеймсом Харрисом, третьим лордом Малмсбери, внуком первого лорда Малмсберри, который дал «путевку в жизнь лорду Палмерстону. Третий лорд Малмсберри был влиятельным членом консервативной партии, неоднократным министром иностранных дел в кабинетах Дизраэли, графа Дерби, Кларендона, членом тайного королевского совета. Похоже, однако, что это не самая достоверная версия знакомства Луи Наполеона и лорда Малмсбери. Судя по воспоминаниям самого лорда[20], их знакомство состоялось гораздо раньше, где-то около 1832 года, когда он по окончании курса в Оксфорде путешествовал по Европе и заводил полезные знакомства в европейских политических и дипломатических кругах. В 1845 году, то есть за год до побега Луи Наполеона из крепости Ган, Малмсбери посетил «дорогого друга» в тюремной камере и провел с ним почти полдня. Первым человеком, который увидел Луи Наполеона в Лондоне после побега, был опять же лорд Малмсбери. Правда, по его словам, эта встреча была совершенно случайной. Луи Наполеон увидел его на улице, когда лорд ехал в экипаже. Вечером того же дня, во время какого-то обеда лорд сообщил эту новость французскому послу, который немедленно отправился в посольство, чтобы передать информацию в Париж.

Неизвестно какую роль Малмсбери сыграл в возвышении Луи Наполеона, но следует помнить, что он тесно сотрудничал с лордом Палмерстоном, которого Линдон Ларуш прямо называет «куратором» будущего французского императора Наполеона III. Представляется, однако, что на роль «куратора» больше подходит сам лорд Малмсбери. Прочитав в газете в декабре 1848 года сообщение об избрании Луи Наполеона президентом Французской Республики, лорд с удовлетворением записал в дневнике: «Нет сомнений в том, что это первый шаг к империи». Как представляется, у лорда Малмсбери действительно не было оснований сомневаться в планах французского президента, если предположить, что весь замысел Луи Наполеона был заранее согласован в Лондоне и поддержан английским правительством. Благодарный Наполеон III в 1860 году в обход законодательного корпуса и вопреки мнениям французских предпринимателей утвердил новый, откровенно либеральный таможенный тариф. Английские товары незамедлительно заполонили французский рынок. Дружба лорда Малмсбери и Наполеона продолжалась много лет. В 1870 году французский император, несмотря на серьезно пошатнувшееся здоровье, посетил своего друга в Лондоне. Не исключено, что ему срочно потребовалось обсудить со старым другом отчетливую перспективу войны с Пруссией и прояснить позицию Британии по этому вопросу. Тогда лорд Малмсберри нашел Наполеона ужасно постаревшим. Кстати, в 1850-х годах за здоровьем Наполеона приглядывали английские врачи. В частности, в 1856 году английский врач Роберт Фергюссон, осматривавший императора, писал в Лондон в донесении правительству, что император «нервно истощён». После поражения французской армии при Седане в 1870 году и пленения бывший император Наполеон III некоторое время проживал в Пруссии под домашним арестом. После подписания мирного договора Луи Наполеон был освобожден и остаток жизни провел в Англии, в Чизлхёрсте, пригороде Лондона.

Но тогда, в 1848 году за племянника Наполеона проголосовали три четверти избирателей. В исторической литературе можно встретить утверждения о том, что это было протестное голосование крестьян, возмущенных налоговыми мерами временного правительства. Встречаются также высказывания о том, что дело в пользу Луи Наполеона решили английские деньги, которые щедро раздавали в провинции его многочисленные агенты — ветераны наполеоновской армии. Ледрю-Роллен, главный организатор революции 1848 года, получил всего пять процентов голосов, но в мае 1849 года был избран депутатом парламента от Парижа, а в июне был вынужден бежать в Лондон после неудачного восстания, одним из руководителей которого он выступал. С тех пор он жил в английской столице, редактировал газету «La Voix de

[20] Earl of Malmesbury, Memoirs of an ex-minister; autobiography.

Proscrit» («Голос изгнанника»). В 1850 году вместе с венгерским революционером Лайошом Кошутом, Джузеппе Мадзини и творцом первой теории социалистической революции Арнольдом Руге Ледрю-Роллен участвовал в создании «Центрального комитета демократов Европы», который был призван объединить все силы европейских либералов. Судьба рабочего Альбера оказалась прозаичней. Рабочий Альбер остался просто рабочим. Когда нужда в его услугах отпала, его просто вытеснили изо всех руководящих органов революции.

Как и 18 лет до того февральская революция 1848 года во Франции спровоцировала мартовские революции в Вене, Берлине, Мюнхене, Дрездене и других государствах Германского союза, бегство Меттерниха, полный провал всей его системы, панический испуг перед революцией, который парализовал Фридриха-Вильгельма в Пруссии и императора Фердинанда в Австрии. Везде буржуа требовали политических свобод, права участия в управлении государством, либеральных реформ в экономике. Везде в беспорядках самое активное участие принимали пролетарские слои населения.

Россию эта волна революционных выступлений не затронула. Буржуазное сословие было еще весьма немногочисленно, а политическая оппозиция присутствовала в виде редких и разрозненных кружков разночинной интеллигенции. В 1847 году произошло знаковое событие: русская оппозиция стала собираться за границей, преимущественно в Лондоне. Герцен, которого в 1834 году выслали в Пермь, а потом разрешили жить в Москве, выехал за границу и отказался вернуться в Россию. О противостоянии Герцена и Николая I, попытках наложить арест на его имущество в России и помощь, оказанную французским Ротшильдом скандальному изгнаннику, было достаточно подробно написано во второй книге. Герцен и Бакунин принимали участие в революции в Париже в 1848 году, а в 1852 году Герцен поселился в Лондоне. В 1853 году на деньги, полученные из неизвестного источника, основал там Вольную русскую типографию, издававшую альманах «Полярная звезда», газету «Колокол», сборник «Голоса из России» и др. Скорее всего это были деньги английских и французских Ротшильдов, но нельзя исключать, что это было непрямое финансирование со стороны Палмерстона, в котором посредником выступал Дэвид Уркварт, поддерживавший отношения с Герценым. Наследство, полученное по смерти отца, Герцен в целях пропаганды на Россию не использовал, о чем писал в письмах своей постоянной корреспондентке в Париже М.К. Рейхель. Через Рейхель Герцен поддерживал связь с соратниками в России. Рейхель, давний друг семьи Герцена, не вызывала подозрений у петербургской полиции, и ее корреспонденция не перлюстрировалась. О том, как для распространения в России продукции Вольной русской типографии, а также обеспечения связи с русскими корреспондентами Герцена использовалась дипломатическая почта британского посольства в Петербурге, было подробно рассказано во второй книге. Не стоит забывать, что в 1853 году началась Крымская война и британскому кабинету было важно получать подробную информацию о настроения в русском обществе, особенно в русской глубинке, и иметь возможность оказывать на них влияние. Издания Вольной русской типографии на протяжении почти десяти лет пользовались большой популярностью, несмотря на запрет их официального распространения. Читали их и в Зимнем дворце. В 1863 году Герцен поддержал польских повстанцев, что стоило его изданиям полной потерей популярности, однако свое дело они сделали — русское общество всколыхнулось после четверти века «николаевского застоя».

Революционные выступления и Англия

«Весна народов», так стали называть серию европейских революций середины столетия, со всей очевидностью продемонстрировала, что утверждающийся капитализм и побеждающая буржуазия в европейских странах несут с собой совершенно новое порожденное капитализмом явление, новый общественный класс с его требованиями улучшения жизненных условий, права участия в общественной жизни и в политике.

В Англии, где промышленный переворот произошел намного раньше, чем в других государствах Европы, неорганизованное рабочее движение, вызванное кризисными явлениями в промышленности, ростом безработицы, повышением цен на хлеб, ухудшением условий жизни, набирало силу с конца XVIII века. Уже тогда можно было предполагать, что процесс осознания пролетариатом своих интересов, отличных от интересов работодателей, грозил появлением нового общественного конфликта. Новое явление требовалось осмыслить, выявить тенденции и закономерности развития, оценить его перспективы, предложить эффективные методы контроля над ним и предотвращения взрывоопасных столкновений. Великая французская революция показала насколько опасны для стабильности общества могут быть такие столкновения, но адекватный рецепт предотвращения общественных конфликтов долго не находился. В 1795 году британский парламент пошел на беспрецедентную меру — в соответствии с Законом Спинхемленда в дополнение к зарплате беднякам стали выдавать денежные пособия с целью компенсировать рост цен на хлеб. Результат оказался неожиданным — многие семьи просто перестали работать, предпочитая жить на пособие, и общество стало быстро деградировать.

Революции во Франции и Бельгии 1830 года отозвались и в Англии. В конце года правительство тори, защитников феодальных порядков, во главе с лордом Веллингтоном пало, новый премьер от вигов Чарльз Грей первым делом предложил вернуться к проекту закона о парламентской реформе и прямо заявил: «… принцип моей реформы заключается в предотвращении необходимости революции». Потребовалось два года, чтобы преодолеть сопротивление противников реформы. В соответствии с законом большим городам, возникшим в ходе промышленной революции, было предоставлено представительство в парламенте, а представительство в палате так называемых «гнилых местечек» было ликвидировано. Закон в три с половиной раза увеличил количество лиц, имеющих право голоса. Если до 1832 года таковых было около 220 000 человек из 10 207 000 мужского населения (около 2 процентов), то после число избирателей возросло до 720 184 человек (7,1 процента). Реформа ознаменовала переход от феодального принципа представительства в парламенте к демократическому, открыв буржуазии доступ к принятию решений и оставив за бортом рабочих, которые помогли своим хозяевам добиться доступа к власти.

Более того, в 1834 году был принят Закон о бедных, заменивший Закон Спинхемленда, который лишил рабочих социальных пособий. Закон Спинхемленда, на 40 лет притормозивший развитие рабочего движения в Англии, оказался весьма затратным, хотя дал время правящей элите осмыслить положение и выработать новые более адекватные подходы к управлению социальной динамикой. Вопросами облегчения положения бедных занимались ведущие умы того времени, включая Т. Мальтуса, Д. Рикардо, И. Бентама. Эд. Чедвика. В основу Закона о бедных были положены аргументы Бентама, который утверждал, что «люди выбирают приятные варианты и не стали бы делать то, что неприятно». На смену денежным пособиям пришли работные дома, условия труда и проживания в которых были хуже тюремных. Иными словами, в соответствии с идеей Бентама, если облегчение положения бедняка будет «источником здорового ужаса», люди не будут его требовать, соответствующим образом сократятся и расходы правительства. Новый закон «о новых бедных» не решал, однако, проблему социальной стабильности. Более того, он породил волну протестов. Начиная с 1836 года в стране происхо-

дили митинги, собиравшие десятки и даже сотни тысяч протестующих. На митингах собирали подписи под петициями с требованиями отмены закона, которые направлялись в парламент. В одну из парламентских сессий 1838 года было подано 333 петиции, под которыми стояли 268 тысяч подписей.

В 1836 году в Лондоне возникла Лондонская ассоциация рабочих, примеру которой последовали рабочие во многих других городах. Возникшие ассоциации весьма условно можно было назвать рабочими, тон в них задавали журналисты, мелкие буржуа и даже аристократы. Под их влиянием в ассоциации была выработана программа требований из шести пунктов, предполагавшая введение в Соединенном Королевстве всеобщего избирательного права и вошедших позднее в народную хартию. Начиная с 1837 года Лондонская ассоциация рабочих начала призывать другие ассоциации направлять в парламент петиции именно с такими требованиями, но потребовался еще год для того, чтобы идея всеобщего избирательного права увлекла значительные слои английских рабочих и радикальное крыло английской буржуазии. Помимо «The Poor Man's Guardian» и «The National Reformer» появилось еще несколько журналов, пропагандировавших всеобщее избирательное право как средство, способное защитить экономические интересы рабочих масс.

Чартизм[21] начал обретать признаки формального движения, и почти сразу в нем возникли два крыла. Одно, во главе которого стояли радикальный депутат-экономист Томас Эттвуд и секретарь Лондонской ассоциации рабочих, мелкобуржуазный активист Уильям Ловетт, высказывалось за союз буржуазии с рабочим классом и отстаивало борьбу исключительно духовными средствами воздействия на парламент — митингами, процессиями, петициями. Левое крыло, во главе которого стояли несколько радикальных журналистов, допускало и более действенные методы, включая насилие. В мае 1838 года в Глазго состоялся грандиозный митинг, на котором присутствовало около 200 тысяч человек, преимущественно рабочих. Затем последовали митинги в Манчестере, Бирмингеме, Лондоне, Ньюкасле и ряде других городов. На митинге в Ньюкасле была принята резолюция с требованием отстаивать всеобщее избирательное право «всеми, и притом не только законными средствами». В феврале 1839 года в Лондоне собрался первый национальный конвент чартистов, в котором участвовали 53 делегата от различных чартистских ассоциаций. Примечательно, что конвент, по замыслу его устроителей, должен был иметь значение народного или рабочего парламента в противоположность парламенту аристократически-буржуазному, заседающему в Вестминстере. Сразу же обозначилась борьба между левым и правым крылом чартистов, между сторонниками физической силы и нравственного воздействия, и победа, как казалось, склонялась на сторону первых. Тем не менее удалось согласовать текст хартии и было принято решение передать ее в парламент. В случае отказа парламентариев принять петицию делегаты конвента согласились обратиться ко всем сторонникам реформы с предложением в один день, который предполагалось указать позднее, изъять из сберегательных касс все вклады и предъявить их к размену на золото, а затем вооружиться и при помощи оружия отстаивать народную свободу. В июле 1839 года хартия, под которой стояли подписи одного миллиона двухсот восьмидесяти тысяч человек, была передана в палату общин. 12 июля парламентарии рассмотрели требования хартии и подавляющим большинством голосов ее отвергли. Как и следовало ожидать, 15 июля митинг негодования в Бирмингеме окончился кровавым столкновением народа с полицией. Полиция стреляла, народ, хотя и плохо вооружённый, стрелял в ответ. Было много убитых с обеих сторон, в городе возник большой пожар, последовали многочисленные аресты и судебные процессы. В ноябре 1839 года толпа в 10 тысяч слабо вооруженных человек напала на тюрьму в Ньюпорте и попыталась освободить заключенных чартистов. Опять были убитые и раненные.

[21] Чартизм — от слова charter — хартия.

В конце 1839 года 380 чартистов во главе с вождями были приговорены к тюремному заключению на сроки от 1 месяца до 2 лет. Чартистское движение на время затихло.

События лета и осени того года не прошли бесследно для общества. Нашлись люди, которые доказывали, что невозможно уничтожить чартизм не уничтожив нужду. Уже летом 1840 года в чартистских ассоциациях началось оживление. В конце июля в Манчестере собрался съезд представителей чартистских ассоциаций, на котором была создана Национальная ассоциация чартистов. На этот раз верх одержали представители умеренных чартистов. Под их влиянием на съезде была принята резолюция с требованием добиваться реализации хартии исключительно конституционными способами. Их победа оказалась, однако, временной. По мере освобождения из тюрем осужденных радикальных чартистов революционная фракция вновь стала обретать силу и влияние. Радикалы доказывали, что речь идёт не о частных реформах, а о коренном преобразовании всего экономического строя и выступали категорически против каких бы то ни было соглашений с консерваторами в парламенте. Немало оказалось и тех, кто ненавидел вигов и были готовы поддержать консервативных тори. Как выяснилось позднее, они составляли большинство и благодаря их поддержке тори в 1841 году одержали убедительную победу на парламентских выборах.

В 1842 году была составлена вторая редакция хартии с теми же шестью требованиями, но вторая редакция звучала откровенно дерзко. В петиции говорилось о необходимости отмены нового Закона о бедных, о несправедливости высокозатратного содержания членов королевской фамилии и церковных сановников при сохраняющейся нищете народных масс; дурные законы объяснялись «стремлением безответственного меньшинства притеснять и довести до голодной смерти большинство»; говорилось о господстве монополий, о недостатках фабричного законодательства, о чрезмерном рабочем дне и низкой заработной плате, о необходимости уничтожения государственной церкви и о предоставлении самоуправления Ирландии (гомруль). Средство устранения несправедливости авторы петиции видели исключительно во введении всеобщего избирательного права. Под петицией стояли подписи трех миллионов трехсот тысяч человек. В начале мая 1842 года петиция была передана в палату общин. Судьба ее оказалась аналогична первой. Последовали бесчинства, грандиозные забастовки, погромы машин, оборудования, булочных, съестных лавок, столкновения с полицией, аресты рабочих и их вождей, суды. Приговоры судов, однако, были кассированы и дела прекращены. Правительство Роберта Пиля явно не хотело разжигать страсти. Чартистское движение вновь замерло, на этот раз на 6 лет. Сказалось и оживление в промышленности, которое сделало требования рабочих менее актуальными.

В 1847 году в Англии начался новый промышленный кризис, начала расти безработица, и в 1848 году на фоне очередной революции в Париже чартизм вновь оживился. В Лондоне собрался новый конвент чартистов, на котором была принята третья хартия. Она была оперативно передана в палату общин с подписями почти пяти миллионов человек. Комиссия, рассматривавшая хартию, насчитала, правда, только два миллиона, а среди них обнаружила подписи королевы Виктории, герцога Веллингтона, апостола Павла и т.п. Когда эти факты стали достоянием гласности, чартизм, по выражению историка Белла, стал предметом насмешек и как-то постепенно о нем забыли. Чартизм, однако, помог несколько улучшить положение рабочих: в 1842 году в Британии ввели подоходный налог, в 1846 году отменили хлебные пошлины, в 1847 году ввели фабричный закон, установивший 10-часовой рабочий день для женщин и детей. Тем не менее рабочий вопрос и рабочее движение оставались актуальной проблемой, а противоречие между трудом и капиталом было осознано в обществе со всей ясностью — не существовало никаких гарантий невозможности появления новой агрессивной идеологии, способной поставить под сомнение законность претензий буржуазии и аристократии на монопольную политическую власть, а также появления ее носителей и пропагандистов, которые

оказались бы в состоянии «вооружить» пролетариат революционной теорией. И для этого были вполне определенные основания.

«Союз справедливых»

Июльская революция в Париже в 1830 году, в которой активное участие принимали рабочие из парижских предместий, не принесла окончательного успокоения. Более того, Лионское восстание ткачей, последовавшее в 1831 году, дало пример сугубо рабочего революционного выступления, правда стихийного и неорганизованного. Это упущение быстро исправили эмиссары парижских республиканцев, которые в несколько лет создали в Лионе сеть подпольных рабочих организаций, уже в 1834 году поднявших второе восстание лионских ткачей. Восстание было подавлено, но оно стало ярким свидетельством зарождения рабочего движения во Франции.

В том же 1834 году в Париже на базе запрещенного Немецкого народного клуба, созданного немецкими политическими эмигрантами и ремесленниками, часть его бывших членов, около 500 человек, основали тайное общество под названием «Союз отверженных» с иерархической структурой и авторитарным руководством. В своих действиях это общество придерживалось заговорщической тактики. Достаточно быстро в рамках «Союза отверженных» произошло размежевание на умеренных и на радикалов. Радикальное крыло состояло главным образом из рабочих и ремесленников, находившихся под влиянием идей утопического социализма. Среди радикалов выделялся портной-подмастерье Вильгельм Вейтлинг, мировоззрение которого складывалось под влиянием революционно-коммунистических воззрений Гракха Бабёфа о возможности достижения всеобщего социального равенства. Вейтлинг стал одним из инициаторов раскола «Союза отверженных» и создания осенью 1836 года на основе его радикального крыла «Союза справедливых» — первой коммунистической организации немецких рабочих.

«Союз справедливых» представлял собой чисто пролетарскую организацию. Среди его первых членов были рабочие, уже имевшие практический опыт революционной борьбы, в том числе Карл Шаппер, член «Молодой Германии, участник республиканского восстания во Франкфурте-на-Майне («Франкфуртское покушение») и т. н. Савойского похода Мадзини. Шаппер, впоследствии занял место одного из виднейших руководителей «Союза справедливых». В новую организацию перешла основная масса членов «Союза отверженных» — около 400 человек. После этого деятельность «Союза отверженных» сошла на нет. Организационная структура «Союза справедливых» была более демократичной, чем у «Союза отверженных». Низовой организацией «Союза» стала община, в которую входило от 5 до 10 человек. Общины объединялись в области, которыми руководили областные комитеты. Во главе стояла Народная палата. Устав «Союза» в соответствии с традициями обществ заговорщиков не предусматривал созыва съездов организации. «Союз справедливых» принял участие в бланкистском восстании в Париже в мае 1839 года. После поражения восстания часть членов «Союза» во главе с руководством эмигрировали в Лондон, где в начале февраля создали «Просветительское общество немецких рабочих», которое стало как бы легальной «крышей» «Союза». В Лондоне «Союз» стал быстро превращаться в интернациональную организацию, в состав которой помимо немцев входили скандинавы, голландцы, венгры, чехи, южные славяне, русские, эльзасцы и пр. Воззрения участников «Союза» формировались под влиянием идей утопического социализма Оуэна, Фурье, христианского социализма Сен-Симона. Многие из них были последователями примкнувшего к «Союзу» В. Вейтлинга. Активное участие в деятельности «Союза» принимали Г. Аренде, Г. Бауэр, И. Молль, Г. Мойрер, Г. Эвербек.

В 1843 году в Лондоне Шаппер и Моль познакомились с молодым Фридрихом Энгельсом. Обстоятельства знакомства неизвестны, но встреча состоялась вполне в логике интересов Энгельса. Энгельс в то время работал в Англии на хлопкопрядильной фабрике «Ehrmann & Engels», которой на паях владел его отец вместе со своим партнёром по бизнесу — Эрме-

ном. С 18 лет Энгельс начал печатать в немецкой прессе статьи, критикуя социальные последствия индустриализации. Уже в первой статье «Письма из Вуппераля», опубликованной в «Telegraph fur Deutschland», органе литературного объединения «Молодая Германия»[22], Энгельс выступил с критикой отношений между нищенствующими рабочими и купцами и фабрикантами с их вполне обеспеченной жизнью, с разоблачением церковного мракобесия и отрицанием «вуппертальской веры»[23], освящающей эти отношения, а также средневековых пережитков в виде сословного строя, абсолютизма, шовинизма германского дворянства.

[22] Литературное объединение «Молодая Германия» не следует путать с подпольной «Молодой Германией», созданной Мадзини.

[23] «Вупертальская вера» — пиетизм, изначально движение внутри лютеранской церкви, характеризующееся приданием особой значимости личному благочестию, религиозным переживаниям верующих, ощущению живого общения с Богом.

Фридрих Энгельс

Для восемнадцатилетнего юноши из богатой семьи, который всего четыре года посещал гимназию, а в 17 лет под давлением отца, был вынужден оставить учебу и начать стажировку в качестве ученика коммерсанта в семейной компании, подобная статья выглядела несколько неожиданно, поэтому она появилась под псевдонимом «Фридрих Освальд». В это время наблюдательный юноша с огромным энтузиазмом самостоятельно загружал свой пытливый ум философскими идеями Гегеля, необычайно популярного в то время в южной Германии. В 1841 году во время службы в прусской армии в качестве артиллериста Энгельс посещал лекции по философии в Берлинском университете и сблизился с кружком «младогегельянцев» или «гегельянских левых», которые с увлечение разрабатывали мысли Гегеля о том, что цель и предназначение исторического процесса состоит в полном отрицании всего того, что ведет к ограничению свободы и способности посредством сознательных логических умозаключений приходить к значимым выводам при анализе новой или имеющейся информации с целью приближения к истине. «Младогегельянцы» подвергали беспощадной критике религию и прусскую политическую систему. Энгельса, однако, интересовали другие проблемы. В это время он начал публиковать в «Rheinische Zeitung» анонимные статьи о бедственных жизненных условиях фабрично-заводских рабочих, безработице и произволе хозяев. Редактировал газету Карл Маркс, но первая личная встреча молодого автора с редактором произошла только в 1842 году, когда Энгельс, направлявшийся в Англию для продолжения коммерческого образования на еще одном семейном предприятии, заехал в Кёльн. Маркс встретил «младогегельянца» холодно, он уже разошелся с бывшими единомышленниками. На Энгельса Маркс тоже не произвел сильного впечатления.

В промышленно развитой Англии Энгельс имел возможность познакомиться с повседневным бытом английского рабочего класса, условиями его труда, нравами и взглядами высших сословий. Кроме того он познакомился с английскими чартистами, писал статьи для их газеты «The Northern Star», а также социалистической газеты Роберта Оуэна «Owenisten». Продолжал писать он и для «Rheinische Zeitung».

В 1843 году Энгельс написал серьезную работу «Наброски к критике политической экономии», в которой еще не в четком виде сформулировал практически все основные идеи новой политэкономии и даже исторического материализма. Исследуя историю возникновения капитализма и становления его как общественной системы, Энгельс пришел к выводу, что в основании этого явления лежит феномен частной собственности[24]. По его словам, прошлым «экономистам не пришло в голову поставить под сомнение саму обоснованность частной собственности; таким образом, новая экономика была вынуждена отказаться от собственных принципов и прибегнуть к лицемерию». А между тем, именно частная собственность на средства производства, по оценке Энгельса, стала первопричиной разъединения изначально единых труда и капитала, привела к образованию антагонистических классов — капиталистов и пролетариев. Энгельс прямо указал, что «… если упразднить так называемую частную собственность, то это неестественное разделение (характерное для способа производства) также исчезнет». В еще нечеткой формуле он дал таким образом сущностное определение общественно-экономической формации и предсказал условие «упразднения» капитализма.

В этой работе он сделал большой шаг вперед к формулированию «закона стоимости», усовершенствовав идею А. Смита о том, что в основе стоимости товаров лежит определенное количество труда, затрачиваемое на их производства, и их обмен производится в соответ-

[24] Первым назвал собственность причиной всех социальных зол П.-Ж. Прудон в брошюре «Что есть собственность», изданной в 1840 году. Возможно, Энгельс тогда еще не был с ней знаком.

ствии с предположением, что они содержат в данное время и в данном месте стоимость такого же количества труда. Он пошел дальше в анализе абстрактной и реальной ценности товара и меновой стоимости, вплотную приблизившись к понятию неэквивалентного обмена: «Никакого эквивалентного обмена не существует: товары не продаются по своей реальной стоимости, происходит постоянное отклонение …»

Подводя итог своим размышлениям о капитализме Энгельс констатировал, что при этом способе производства все сводится к конкуренции. По его мнению, «это основная категория экономиста», антитезой которой является монополия. Он утверждал, что «…если бы люди сознательно относились к производству как к человеческому занятию, а не как к бездумному занятию, то эти искусственные противоречия были бы преодолены. Поскольку этого ещё не произошло, каждый кризис будет усугубляться. Это приведёт к увеличению числа людей, которые живут только за счёт продажи своего труда. Это создаст благоприятные условия для социальных движений». По оценке английского историка Белла, статья Энгельса содержала «плодотворные корни научного коммунизма в области экономической, и Энгельс, действительно, первый открыл эти корни».

Статья Энгельса была опубликована в «Deutsch-Franzosische Jahrbucher», новом парижском издании, которое редактировал Карл Маркс, вынужденный по цензурным соображениям прекратить сотрудничество в «Rheinische Zeitung». В том же выпуске Маркс разместил еще одну статью Энгельса о положении рабочего класса в Англии. Энгельс утверждал, что «образованный англичанин, по которому на континенте судят об английском национальном характере, — самый презренный раб под солнцем, утопающий в своих предрассудках, главным образом религиозных». «Лишь неизвестная континенту часть английской нации, лишь рабочие, парии Англии, бедняки действительно достойны уважения, несмотря на всю их грубость и на всю их деморализацию. От них-то и придет спасение Англии; они представляют собой еще пригодный для творчества материал; у них нет образования, но нет и предрассудков, у них есть еще силы для великого национального дела, у них есть еще будущее».

Ранний Маркс

Маркс тоже опубликовал две статьи в февральском номере «Deutsch-Franzosische Jahrbucher», но их содержание отражало главным образом отголоски политической борьбы, которую молодой Маркс вел на страницах оппозиционной прусскому режиму «Rheinische Zeitung». По оценке одного из первых биографов Маркса Франца Меринга[25], серия тех статей на местные политические темы свидетельствовала о том, что взгляды Маркса еще не совсем устоялись, однако несмотря на это стало ясно, что «в нем пробуждается великий борец за беднейшие классы». В течение лета 1842 года «Rheinische Zeitung» предприняла несколько небольших экскурсов в область социальных вопросов — по всей вероятности, по инициативе Мозеса Гесса, соредактора газеты и коммуниста по убеждениям. Один раз газета перепечатала из парижского журнала Вейтлинга статью о берлинских жилищах рабочих и ремесленников, относя ее «к важному злободневному вопросу». В другой раз, печатая отчет о съезде ученых в Страсбурге, на котором также обсуждались социалистические вопросы, газета прибавила маловразумительное замечание о том, что если неимущие домогаются богатств, которыми владеет среднее сословие, то это можно сравнить с борьбой средних классов против дворянства в 1789 году. Одна из конкурирующих газет обвинила «Rheinische Zeitung» в заигрывании с коммунизмом, отметив, что надо совершенно не понимать жизнь, чтобы в экономически столь отсталой стране, как Германия, грозить среднему классу, едва начинающему свободно дышать, судьбой французского дворянства. Защищаясь Маркс писал: «За коммунистическими идеями в их теперешней форме газета не признает даже теоретической реальности, а следовательно, еще менее может желать их практического осуществления или же хотя бы считать его возможным. Но тем не менее она намерена подвергнуть их основательной критике «после упорного и углубленного изучения», ибо такие произведения, как труды Леру, Консидерана и, в особенности, остроумную книгу Прудона нельзя критиковать на основании поверхностной минутной фантазии»[26]. Тем не менее, оппозиционный тон газеты не вызывал сомнений, цензурирование политических статей было усилено, и после угрозы правительства закрыть газету Маркс в марте 1843 покинул пост ее редактора. В целом это соответствовало его настроениям. В одном из писем он писал: «Противно быть под ярмом — даже во имя свободы; противно действовать булавочными уколами, вместо того чтобы драться дубинами».

В том же году Маркс вместе с молодой женой переехал в Париж, где ему предстояло редактировать новое издание «Deutsch-Franzosische Jahrbucher», которое он намеревался издавать вместе с Арнольдом Руге[27]. Журнал привлек к изданию журнала видных немецких авторов: вместе с издателями в него вошли Гейне, Гервег, Иоганн Якоби — имена первого ранга, а также люди из числа менее известных, но заслуживающих внимания, как, например, Мозес Гесс и Ф. К. Бернайс, молодой пфальцский юрист. Среди авторов издания, как уже отмечалось, с самого начала числился и Фридрих Энгельс, самый молодой из всех. Первый двойной выпуск журнала оказался и единственным: Маркс и Руге разошлись в отношении редакционной политики.

---

[25] Меринг Ф., Карл Маркс. История его жизни. М.: Политиздат, 1990. До сих пор биография Маркса, написанная Мерингом, считается самой значимой и глубокой.

[26] Меринг Ф., Карл Маркс. История его жизни, с. 71.

[27] Арнольд Руге — немецкий философ и публицист. В 1850 году Руге возвратился в Лейпциг и принял там активное участие в мартовских революционных событиях. После их подавления Руге был объявлен в розыск и вместе со своей семьей бежал через Брюссель в Брайтон. Оттуда его забрал в Лондон Джузеппе Мадзини. Руге, Мадзини, Лайош Кошут и Александр Ледрю-Роллен начали работать над созданием новой буржуазно-демократической оппозиции — «Европейский Комитет», который провозгласил своей целью создание общеевропейской республики.

В первом выпуске была опубликована переписка Маркса, Руге, Фейербаха и Бакунина, посвященная главным образом состоянию умов в германских княжествах, прежде всего в Пруссии, отсутствию политических свобод и реакционной политике правительства. «Романтическая реакция ведет к революции. … Задача состоит в том, чтобы полностью разоблачить старый мир и совершать положительную работу для образования нового мира. … мы не стремимся догматически предвосхитить будущее, а желаем только посредством критики старого мира найти новый мир», — писал Маркс в первом письме. «Мы не намереваемся, — писал Маркс, — водружать какое-нибудь догматическое знамя». Коммунизм в той форме, как его проповедовали Кабе, Дезами, Вейтлинг, был тоже догматической абстракцией в его глазах. Преимущественный интерес в теперешней Германии вызывают, во-первых, религия, а во-вторых, политика, и не следует противопоставлять им какую-нибудь готовую систему».

Помимо этого Маркс напечатал в ежегоднике две собственные статьи — введение к критике гегелевской философии права и разбор двух книг Бруно Бауэра по еврейскому вопросу. Обе статьи появились как результат строгой логической последовательности в духовном развитии автора. Первая статья до некоторой степени продолжила критику Л. Фейербахом религии с материалистических позиций и на этой основе строила свой собственный критический анализ, «являющийся предпосылкой всякой другой критики».

Маркс начинает свое изложение с призывов отказаться от критики религии и перейти к критике существующих общественных порядков: «Для Германии критика религии по существу окончена, а критика религии – предпосылка всякой другой критики». Людвиг Фейербах по существу развенчал христианство как ложное мировоззрение, как способ манипуляции сознанием людей, не позволяющий им увидеть реальный мир; на очереди переход к критике земной жизни, общества, человека. Следующим объектом критики по логике вещей является критика гегелевской философии права, которая является идеологическим фундаментом прусских порядков и по сути консервирует отсталость германского общественного устройства по сравнению с передовыми порядками Англии и Франции, которые уже давно пережили буржуазные революции и далеко продвинулись по пути капитализма. Германский народ должен осознать, что сохранение германских порядков означает консервацию несвободы германского общества, а для того чтобы начать борьбу с германскими порядками, необходимо, чтобы германский народ осознал действительное положение вещей: «Надо заставить народ ужаснуться себя самого, чтобы вдохнуть в него отвагу».

Конечная цель критики германских общественных порядков и критики философии, являющейся их отражением на уровне мысли, состоит в преобразовании действительности. А преобразовать действительность, можно лишь изменив общественное сознание, создав новую революционную теорию, которая бы указывала пути и методы таких преобразований. Теория как таковая, конечно, не сможет изменить действительность. Материальные условия могут изменить только материальные процессы. «Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, — писал Маркс, — материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой: но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами». Для Германии даже теоретическая эмансипация, то есть уже само создание нового революционного учения, имеет безусловное положительное значение.

Однако возникает закономерный вопрос о том какой класс германского общества в состоянии взять на вооружение революционное учение с целью изменения всей структуры общественных отношений? Различные имущие и образованные слои Германии, как заметил Маркс, мечтают лишь о «частичной эмансипации», эмансипации для себя, только о политической революции, оставляющей нетронутыми самые устои здания. По-настоящему революционным может быть только такой класс, в котором «как бы сосредоточены все недостатки общества», … «класс, скованный радикальными цепями, такой класс гражданского общества, который не есть класс гражданского общества», такой класс, наконец, который не может себя эманси-

пировать, не эмансипируя себя от всех. Таким классом, заявляет Маркс, является пролетариат, именно пролетариат, лишенный всего, является той материальной силой, которая должна соединиться с новой, еще только формирующейся революционной теорией. «Подобно тому, как философия находит в пролетариате свое материальное оружие, так и пролетариат находит в философии свое духовное оружие, и как только молния мысли основательно ударит в эту нетронутую народную почву, свершится эмансипация немца в человека. … Эмансипация немца есть эмансипация человека. Голова этой эмансипации – философия, ее сердце – пролетариат»[28]. Правда, что есть «пролетариат» в реальной жизни Маркс в этой статье не уточнил.

В статье по еврейскому вопросу, поднятому его учителем Б. Бауэром в двух ранее опубликованных памфлетах, Маркс без обиняков признал право евреев на политическую эмансипацию, которая есть признание за ними политических прав наравне с другими жителями Германии. Социальную эмансипацию евреев Маркс видел в весьма отдаленной перспективе. Маркс назвал еврейство химерической национальностью и утверждал, что «деньги — это ревнивый бог Израиля, перед лицом которого не должно быть никакого другого бога». В представлении Маркса мирским культом еврея является торгашество; еврейская религия презирает теорию, искусство, историю, человека как самоцель. Эти формулировки Маркс заимствовал у М. Гесса, высказывавшего их в младогегельянский период своей деятельности. Отождествление еврейства с буржуазным началом, которое было в то время общепринято у французских социалистов и немецких младогегельянцев, вело Маркса к парадоксальной идее, что «эмансипация евреев в её конечном значении есть эмансипация человечества от еврейства», другими словами, социальная эмансипация евреев предполагает их полный отказ от еврейского духовного наследия, устранение «еврейских начал» из жизни и культуры всего человечества. Такая эмансипация, по Марксу, возможна только при совершенно новой организация общественных сил, при которой человек становится господином своих источников жизни. Тут, по оценке Ф. Меринга, в еще не отчетливых очертаниях вырисовывается картина социалистического общества[29], но Маркс был еще далек от полноценного материалистического понимания истории, от того, что Энгельс уже сформулировал в своей статье в том же издании, от понятия способ производства, от условия «упразднения» капитализма путем ликвидации частной собственности на средства производства.

Весной и летом 1844 года Маркс решил выполнить свое давнее обещание и погрузился в изучение социалистических и коммунистических теорий. В исторической литературе о Французской революции 1789 год он нашел подтверждение своей догадки о том, что движителем истории является борьба классов. В сочинениях историков Ф. Гизо и О. Тьери, которые проследили борьбу третьего сословия за политические права, начиная с XI века, прямо утверждалось, что история Франция со средних веков представлялась как непрерывный ряд классовых столкновений. С экономической анатомией этой борьбы Маркс познакомился по сочинениям буржуазных экономистов, из которых он в первую очередь указывал на Рикардо. По словам Меринга, с тех пор Маркс всегда отрицал, что именно он открыл теорию классовой борьбы[30]. К тому времени он лишь пришел к выводу, что основным содержанием наступавшей эпохи станет борьба пролетариата за политическую власть. Он теоретически обосновал то, что великий Гейне провидел силой своего поэтического таланта и уже тогда провозглашал: «Коммунисты — единственная партия во Франции, заслуживающая серьезного внимания… ими владеет демоническая сила необходимости; они — те предопределенные судьбой слуги, при посредстве которых высшая мировая воля проводит гигантские решения»[31]. Марксу стало также оче-

[28] Горюнов А., «К критике гегелевской философии права. Введение», https://vk.com/wall-168021516_11337

[29] Меринг Ф., там же, с. 101.

[30] Меринг Ф., там же, с. 104.

[31] Меринг Ф., там же, с. 106.

видно, что необходимо как можно скорее вооружить рабочее движение новой революционной теорией, новой революционной философией, а также войти в это движение и создать в нем теоретический авангард.

Можно констатировать, что к осени 1844 года взгляды Маркса уже достаточно оформились. Особенно наглядно они проявились в его дискуссии с Руге по поводу природы революции, который не видел в пролетариате революционного потенциала. Маркс разъяснял сущность революции с эпиграммной меткостью: «Каждая революция, — говорил он, — разрушает старое общество, и постольку она социальна. Каждая революция низвергает старую власть, и постольку она имеет политический характер». Социальная революция с политической душой, какой требует Руге, есть бессмыслица, но политическая революция с социальной душой имеет разумный смысл. Революция вообще — ниспровержение существующей власти и разрушение старых отношений — есть политический акт. Социализм нуждается в этом политическом акте, поскольку он нуждается в уничтожении и разрушении старого. Но там, где начинается его организующая деятельность, где выступает вперед его самоцель, его душа, — там социализм отбрасывает политическую оболочку». Маркс раскрыл глубочайшее различие между освободительным движением буржуазии и освободительным движением пролетариата, доказав, что первое есть продукт общественного благополучия, а второе — общественной нужды. Преграды к участию в политической жизни — причина буржуазной революции, преграды к участию в человеческой жизни, в истинной общности людей — причина революции пролетарской. Он признавал труды Вейтлинга, одного из первых французских социалистов, гениальными для своего времени, тем более гениальными, что немецкий портняжный подмастерье, выступивший еще до Луи Блана, Кабе и Прудона и гораздо более эффективно, чем они, подготовил союз рабочего движения с социализмом»[32].

В сентябре 1844 года Маркса в Париже навестил Энгельс. На этот раз это была совершенно иная встреча, встретились единомышленники. Они провели вместе десять дней. Результатом их бесед стала первая совместная работа «Святое семейство…»[33], которая стала своеобразным «соглашением о сотрудничестве». Этой работой была оформлена общность их философских взглядов. Примечательно, что Энгельсу потребовалось десять дней, чтобы написать свою часть, один печатный лист — примерно шестнадцать листов современного машинописного формата. Маркс никак не мог остановиться, он работал до ноября, а его часть превышала двадцать печатных листов. По своему обыкновению он еще раз тщательно и пространно с материалистических позиций раскритиковал философию младогегельянства. Особенно досталось братьям Бауэр за отрицание объективных закономерностей общественного развития, за выдвижение на первый план «критически-мыслящих личностей» как движущей силы истории и отрицание роли народных масс, за отказ пролетариату в способности к самостоятельной социальной деятельности. Братья потом ответили на критику, утверждая, что Маркс их неправильно понял, но ценность работы, которую Энгельс нашел слишком пухлой и малопонятной, особенно для будущих поколений, состояла в том, что критика идеалистов позволила сформулировать основные положения материалистического понимания истории: взгляд на историю, как результат человеческой деятельности; диалектическое взаимовлияние политики и экономики при решающей роли общественной экономической системы с точки зрения формирования политического строя и общественных институтов; материальное производство как основа всей истории человечества; решающая роль народных масс в истории и возрастание этой роли в ходе общественного прогресса; роль пролетариата как главной действующей силы социалистической революции. По сути, соавторы вплотную подошли к довольно стройному формулированию теории общественно-экономической формации, где базис, то есть способ производ-

[32] Меринг Ф., там же, с. 110.

[33] Полное название «Святое семейство или критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании».

ства, выступает определяющей силой по отношению к надстройке, прежде всего к государству и системе права.

На примере рассмотрения антагонистического противоречия между пролетариатом и буржуазией Маркс и Энгельс подошли к понятию единства и борьбы противоположностей как основного закона диалектического материализма: «Таким образом, в пределах всего антагонизма частный собственник представляет собой консервативную сторону, пролетарий — разрушительную. От первого исходит действие, направленное на сохранение антагонизма, от второго — действие, направленное на его уничтожение. … Оно <противоречие> разрешается в ходе упразднения частной собственности. С победой пролетариата исчезает как сам пролетариат, так и обусловливающая его противоположность — частная собственность». Впрочем, тогда для Маркса как для большинства немецких философов все эти рассуждения носили исключительно теоретический характер.

Во время пребывания в Париже Энгельс много рассказывал Марксу о своем опыте работы в Англии. Он понял из истории, а также из близкого знакомства с сущностью английской промышленности, что экономические явления, — которым до того историческая наука не придавала никакого значения или даже относилась к ним с презрением, — представляют собою, по крайней мере в современном обществе, решающую историческую силу, что они являются основой возникновения современных классовых противоречий, что эти классовые противоречия, полностью развившиеся благодаря росту промышленности, в свою очередь образуют основу возникновения политических партий, партийной борьбы и тем самым всей политической истории.

Энгельс рассказывал о своих беседах в Лондоне с руководителями «Союза справедливых» часовщиком Иосифом Моллем, сапожником Генрихом Бауэром и Карлом Шаппером, который был некогда студентом, изучал лесоводство, а потом пробивал себе дорогу в жизни то наборщиком, то преподавателем языков. Рассказы Энгельса о «внушительном впечатлении», которое производили эти «три настоящих человека», весьма заинтересовали Маркса, впервые услышавшего об этой организации. Это добавило остроты в его споры с Руге. «Полтора подмастерья», на которых Руге презрительно смотрел сверху вниз, создали свою тайную организацию, которая распространяла свою деятельность на Францию и на Швейцарию, где свобода союзов и собраний открывала им большее поле действия. Встреча с Энгельсом вдохновила Маркса, но не надолго. В январе Маркс был выслан из Парижа, он уехал в Брюссель.

Энгельс, по-видимому, не совсем удовлетворенный парижскими беседами с Марксом, засел за работу и летом 1845 года в Лейпциге вышел его новый труд «Положение рабочего класса в Англии». Это было основательное исследование, подготовленное на базе собственных наблюдений автора, а также на основании множества газетных публикаций, судебных отчетов, обширной экономической, финансовой и социальной статистики. Энгельс писал в предисловии к книге: «Положение рабочего класса является действительной основой и исходным пунктом всех социальных движений современности, потому что оно представляет собой наиболее острое и обнажённое проявление наших современных социальных бедствий. Французский и немецкий рабочий коммунизм прямо, а фурьеризм и английский социализм, так же как и коммунизм немецкой образованной буржуазии, косвенно обязаны ему своим происхождением. … Немецкий социализм и коммунизм более чем всякий другой исходили из теоретических предпосылок: мы, немецкие теоретики, ещё слишком мало знали действительный мир, чтобы действительные отношения могли непосредственно пробудить в нас стремление к преобразованию этой «дурной действительности. … В этом вопросе нам, немцам, больше чем кому-либо, недостаёт знания фактов. И если условия существования пролетариата в Германии не получили ещё такого классического выражения, как в Англии, то всё же в основе у нас — тот же социальный строй, и рано или поздно его проявления должны достигнуть той же степени

остроты, что и по ту сторону Северного моря, если только к тому времени разум нации не примет таких мер, которые заложат новый базис для всей социальной системы»[34].

Невольно складывается впечатление, что главным немцем, для которого была написана книга, был сам Маркс. Энгельсу по каким-то причинам было крайне важно обратить внимание Маркса на реальное положение пролетариата в Англии. Энгельс начинает с краткого экскурса в историю промышленной революции в этой стране, описания последствий внедрения паровых машин, механических станков, новых транспортных средств, строительства каналов, приведших к резкому ускорению экономического развития, росту городов и городского населения, углублению разрыва между богатыми и бедными, появлению самого понятия пролетариата. По его расчетам, которые в целом подтверждаются современными исследованиями[35], быстрый рост национального дохода в Англии в период между 1800 и 1840-ми годами сопровождался стагнацией реальной заработной платы английских рабочих.

После этого Энгельс переходит к главному. Он приводит множество почерпнутых из английской прессы, судебных отчетов конкретных примеров бедствий и несчастий, переносимых рабочими и их домочадцами в непривычном для них городе. Он описывает ужасающие условия существования рабочих семей в городских постройках, неприспособленных для приема многотысячных толп новых жителей. Он приводит карты хаотической городской застройки, непригодной для нормальной жизни, рисует картины гор мусора, захламляющих узкие кривые улицы, антисанитарию и нечистоты внутри убогих жилищ английских рабочих, крайнюю нищету обстановки, бедность и скудость питания, вызывающих массовую детскую смертность, особенно в группе детей до пяти лет. Много внимания Энгельс уделил распространению пьянства и росту преступности в бедных районах большинства промышленно развитых городов Англии. Совершенно очевидно, Энгельс рассчитывал произвести глубокое эмоциональное воздействие на немецкого читателя — первое издание вышло на немецком языке.

По свидетельствам современников, книга произвела на Маркса впечатление, на которое рассчитывал Энгельс. Кроме того, он получил много полезной информации из истории английского рабочего движения. «Мы также увидим, — писал Энгельс, — что, за исключением разве ирландцев, уровень развития различных рабочих находится в прямой зависимости от их связи с промышленностью, что, следовательно, промышленные рабочие лучше всех сознают свои интересы, горнорабочие уже хуже, а сельскохозяйственные рабочие ещё почти совсем их не сознают. Мы обнаружим эту зависимость также и в рядах самого промышленного пролетариата: мы увидим, что фабричные рабочие—эти первенцы промышленной революции — с самого начала и до настоящего времени являлись ядром рабочего движения и что остальные рабочие примыкали к движению в той мере, в какой их ремесло захватывалось промышленным переворотом. Таким образом, на примере Англии, наблюдая это соответствие между рабочим движением и промышленным развитием, мы лучше поймём историческое значение промышленности»[36]. Энгельс полагал, что Англия на пороге революции и следует немедленно вооружить рабочее движение передовой социалистической теорией. Справедливость требует признать, что тогда так думали многие. Об этом писали даже в «The Times», главном идеологическим органе английского истеблишмента.

Описывая невыносимо тяжёлые условия жизни и труда рабочих в Англии, Энгельс показывал, что само положение пролетариата неизбежно толкает его на борьбу за своё освобождение, за свержение капиталистического строя. Энгельс увидел в классовой борьбе про-

---

[34] Энгельс Ф., «Положение рабочего класса в Англии», https://altkprf.ru/upload/iblock/e00/e003688f15c616416121ca8059fb95d1.pdf, с.238.

[35] Профессор экономической истории Роберт Аллен предложил назвать длительный период стагнации заработной платы в Великобритании с 1800 по 1860 год «паузой Энгельса». В это время ВВП страны вырос на 46 процентов, а реальная заработная плата только на 12 процентов.

[36] Энгельс Ф., там же, с. 268.

летариата могучую силу исторического развития и выступил резко против английских социалистов-оуэнистов за их проповедь всеобщей любви и братства. Обобщая опыт английского рабочего движения, Энгельс пришел к выводу, что стачки и союзы, являясь действенным средством организации и воспитания рабочего класса, всё же бессильны освободить его от наёмного рабства. Высоко оценивая чартизм как первое самостоятельное политическое движение пролетариата, Энгельс, однако, критиковал чартистов за ограниченность их целей и выдвинул важнейшее теоретическое положение о необходимости соединения чартизма с социализмом.

Весной 1845 года, передав книгу в издательство, Энгельс приехал в Брюссель и оба друга на шесть недель отправились в Англию изучать обстановку на месте. В путешествиях Маркс узнал много нового об Англии, чартизме, положении рабочих, а также ближе познакомился с английской экономической литературой, с который начал знакомиться еще в Париже, в частности с трудами Джона Мак-Куллоха и Давида Рикардо. Тем не менее по прочтении книги Энгельса у Маркса не сложилось мнение о необходимости перенести центр тяжести своих философских размышлений о взаимоотношениях труда и капитала в область теоретических политэкономических исследований и конкретной практической работы с пролетариатом. Он продолжил как в экономико-философских рукописях 1844 года рассматривать труд и капитал с философских позиций, видя главный вред капитализма в отчуждении рабочего от труда, в лишении его человеческой сущности, и усматривал возможность решения проблемы в ликвидации частной собственности, но когда такое станет возможным — он не брался предсказывать.

Примерно тогда же, около 1845 года вокруг Маркса в Брюсселе стала группироваться коммунистическая колония, в которую входили главным образом немецкие эмигранты, в том числе Мозес Гесс, Карл Грюн, Отто Люнинг, Герман Пютман. Немцы-коммунисты издавали ряд периодических газет и ежегодников, которые из-за финансовых проблем существовали, как правило, недолго, но тем не менее какие-то деньги в эмигрантских кругах водились. Например, Энгельс вместе с Гессом издавал ежемесячный журнал ««Gesellschaftsspiegel» («Зеркало»), выходивший с лета 1845 года по лето 1846 года. Все эти социалисты и коммунисты претендовали на «истинное знание» и вносили довольно много путаницы в рабочее движение. Маркс относился к ним критически снисходительно, полагая, что со временем из них может выйти какой-то толк. Маркс даже время от времени публиковался в этих изданиях. Но Энгельс уже в 1846 году выступил с резкой критикой против «истинных социалистов» в большой статье в «Deutsches Burgerbuch», указав на их «безграничное невежество в отношении политической экономии и действительного состояния общества», в результате чего «весь этот «социализм» утрачивает последнюю каплю крови, последние следы энергии и силы в результате своей беспартийности в области теории, своего «абсолютного спокойствия мысли». И таким переливанием из пустого в порожнее хотят революционизировать Германию, привести в движение пролетариат, побудить массы к действию!»[37] Подобное наблюдалось и в Париже, где Грюн вносил вреднейшую смуту в ряды рабочих и оказывал крайне вредное влияние на Прудона, убеждая его в том, что рабочие не должны поддерживать даже либеральную буржуазию, и по сути поддерживая реакционные правительства. Маркс поддержал критику своего друга в адрес «истинных социалистов» и в итоге столкновение Маркса с Прудоном, а также с Вейтлингом стало неизбежным.

Вейтлинг и Прудон вышли из недр рабочего класса; это были здоровые, сильные и богато одаренные натуры. Они имели все шансы добиться немалого в жизни, но они избрали путь борьбы за своих товарищей по классу, то есть путь лишений. Прудон тяготел к немецкой философии, в представителях которой Вейтлинг, напротив, видел только «сеятелей тумана». «На долю Вейтлинга и Прудона выпали одинаковая слава и одинаковая судьба. Они были пер-

[37] Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 2, стр. 584.

выми пролетариями современности, которые дали миру историческое доказательство высокого духа и силы, присущих рабочему классу, историческое доказательство того, что современный рабочий класс может сам взять в руки дело своего освобождения», — так писал о них Ф. Меринг. Именно им принадлежит заслуга практического соединения рабочего движения с социализмом. Маркс поначалу относился к их деятельности с большим энтузиазмом. В начале 1846 года Вейтлинг приехал в Брюссель. Его агитация в Швейцарии вследствие ее внутренних противоречий остановилась на мертвой точке, а потом навлекла на себя дикие преследования. Тогда он отправился в Лондон, но не мог там поладить с деятелями «Союза справедливых». Маркс принял Вейтлинга самым радушным образом, но идейное взаимопонимание оказалось невозможным. Помешала обычная человеческая ревность Вейтлинга к авторитету, который успел себе создать Маркс в Брюсселе. На одном из собраний брюссельских коммунистов между ними произошло крайне резкое столкновение. В то время велись переговоры об организации нового книгоиздательства, и Вейтлинг вздумал утверждать, что Маркс хочет отрезать его от «денежных источников», чтобы самому воспользоваться «хорошо оплачиваемыми переводами». Маркс, однако, и после этого продолжал помогать Вейтлингу чем мог. В мае Гесс, на основании слов самого Вейтлинга, писал Марксу: «Как я и ожидал от тебя, ты, несмотря на столкновения с Вейтлингом, не закрываешь перед ним кошелька, пока у тебя есть в нем что-нибудь»[38]. Но разрыв все-таки произошел. Вейтлинг отказался подписать циркулярное письмо, написанное Марксом и Энгельсом, к товарищам в разных странах, которое предполагалось опубликовать в газетах местных социалистов и коммунистов и дистанцироваться от одного американского социалиста, компрометировавшего европейское социалистическое сообщество. Более того, Вейтлинг направил письмо в США с предостережениями против «отъявленных интриганов». «Для этих интриг, — писал он, — у них есть теперь громадные деньги, а я нигде не нахожу издателя. Мы с Гессом стоим совершенно особняком от этой компании; но Гесс, как и я, в опале»[39].

В эти же дни назревал разрыв и с Прудоном. Не имея собственного печатного органа Маркс и его единомышленники использовали циркулярные письма, которые направлялись корреспондентам в крупные европейские центры, где концентрировались коммунисты. Такие корреспондентские комитеты существовали в Лондоне и в Брюсселе, предполагалось учредить комитет и в Париже. Маркс обратился с просьбой о сотрудничестве к Прудону, который согласился, но оговорился, что не может обещать писать много и часто. При этом дал Марксу «длиннейшее наставление», призвав не впадать в догматизм и полностью отказаться от идеи социальной революции, а также заметив, что намерения французского рабочего класса полностью совпадают с его взглядами и «они окажут очень плохую встречу всякому, кто не сможет предложить им иного напитка, кроме крови».

В августе того же года Энгельс решил временно переселиться в Париж, который оставался важнейшим центром коммунистической пропаганды, чтобы взять на себя функции корреспондента. Оказалось, однако, что Прудон и Грюн успели здорово разложить местных рабочих, а осенью вышла новая книга Прудона — «Система экономических противоречий. Философия нищеты».

В ответ Маркс в 1847 году написал «Нищету философии…», которая не оказала заметного влияния на пролетариев романских стран, где популярность Прудона продолжала расти. Работа Маркса, однако, стала важной вехой в разработке марксовой теории. Разозленный Прудоном он впервые достаточно подробно разработал важнейшие пункты историко-материалистического мировоззрения. Эти положения уже встречались и в прежних сочинениях Маркса, но там они встречались в контексте философских размышлений. «Но именно в работе, направ-

[38] Меринг Ф., там же, с.149.

[39] Меринг Ф., там же, с.150.

ленной против Прудона, — писал Меринг, — его положения развертываются с убедительной ясностью победоносной полемики. Обоснование же исторического материализма было самой крупной научной заслугой Маркса. Он сделал этим для исторической науки то же, что Дарвин для естествознания»[40]. Правда, Меринг отмечал большие заслуги и Энгельса в написании этой книги, хотя сам Энгельс всегда уклонялся от разговоров на эту тему, подчеркивая что уже весной 1845 года во время свидания в Брюсселе Маркс изложил ему в совершенно законченном виде основные положения исторического материализма: что материальное производство и с необходимостью вытекающая из его условий общественная дифференциация каждого данного исторического периода являются основой для его политической и умственной истории, что поэтому вся история человечества была историей борьбы классов, историей борьбы между эксплуатируемыми и эксплуататорами, порабощенными и поработителями на различных ступенях общественного развития и что борьба достигла теперь той ступени, когда эксплуатируемый и угнетенный класс, пролетариат, не может уже освободить себя от класса угнетателей и поработителей, т. е. от буржуазии, не освободив в то же время все общество от всякого порабощения и угнетения — раз и навсегда. Этот основной тезис и является краеугольным камнем «Нищеты философии». В противоположность, как заметил Меринг, многословной, подчас утомительной полемике, которую Маркс вел против Бруно Бауэра и Штирнера, «Нищета философии» отличается необыкновенной сжатостью и ясностью.

Он достаточно кратко, но жестко критикует квинтэссенцию учения Прудона, его теорию конституированной стоимости, представляющей теоретическую основу предлагаемых им реформ в сфере обмена и кредита. Как и все категории Прудон рассматривал стоимость как вечную абстрактную категорию, взятую вне всяких конкретных исторических условий. В ней, в этой категории, заложено, по его мнению, основное экономическое противоречие, к разрешению которого сводится вся суть социальных преобразований. Стоимость, по его мнению, — это понятие, включающее две противоположные идеи: идею потребительной стоимости и идею меновой стоимости. Таким образом, потребительная стоимость и меновая стоимость — это «различие внутри стоимости». Примирением этих противоречивых сторон, синтезом потребительной стоимости и меновой стоимости является, по утверждению Прудона, конституированная, или синтетическая стоимость. Она возникает в результате превращения потребительной стоимости в меновую стоимость, в результате взаимопроникновения этих противоположностей. Осуществляется это примирение сторон, как указывал Прудон, в обмене, в котором происходит установление конституированной стоимости.

Уподобляя общественное богатство химическому соединению, Прудон утверждал, что обмен объединяет различные элементы богатства, созданные отдельными отраслями промышленности, в единое целое. Таким образом, именно обмен превращает их (эти элементы) в конституированные стоимости. Те продукты, которые «не захватываются обменом», не реализуются и не включаются, стало быть, в состав социального богатства, не являются стоимостями. Конституированная стоимость — это, следовательно, согласно Прудону, такая стоимость, которая возникает в обмене, обязательно реализуется на рынке и погашает все противоречия экономической системы.

При помощи своей «конституированной стоимости», писал Маркс, Прудон хотел обеспечить рабочему все возрастающий продукт труда, увеличивающийся с каждым днем благодаря прогрессу коллективной работы. Иными словами, по Прудону, в процессе обмена решался и вопрос о противоречиях между рабочими и буржуа. Маркс указал на невозможность обмена товарами между индивидами без классовых противоречий, ибо это есть буржуазная иллюзия. «Допустить положение Прудона, — писал Маркс, — значит видеть в буржуазном обществе

[40] Меринг Ф., там же, с.152.

вечную справедливость и гармонию, при которых ни один человек не имеет возможности обогащаться за счет других людей». В живой действительности происходит совершенно иное, и Маркс определял это следующим образом: «С самого начала цивилизации производство начинает базироваться на антагонизме рангов, сословий, классов, наконец, на антагонизме труда накопленного и труда непосредственного. Без антагонизма нет прогресса. Без антагонизма нет прибавочного труда. Чтобы стал возможен прибавочный труд, должны существовать классы, которые на этом наживаются, и классы, которые вследствие этого деградируют».

Капитализм порождает анархию производства. «Правильная пропорция между предложением и спросом», к которой стремился Прудон, была возможна только в те времена, когда средства производства были ограниченны, когда обмен совершался в необычайно узких пределах, когда спрос господствовал над предложением, потребление — над производством. Такая пропорция сделалась невозможной с возникновением крупной промышленности. «В современном обществе, в промышленности, основанной на индивидуальном обмене, анархия производства, будучи источником стольких бедствий, есть в то же время причина прогресса», — указывал Маркс.

Прудон, по Марксу, совершенно не понял гегелевскую диалектику. Прудон искал в каждой экономической категории хорошую и дурную сторону и искал такого синтеза, такой научной формулы, которая уничтожала бы дурную сторону и оставляла в неприкосновенности хорошую. Маркс, как подлинный ученик Гегеля, очень хорошо знал, что именно дурная сторона, которую Прудон хотел всюду истребить, делает историю, ибо она вызывает борьбу. Если бы человечество поставило себе задачей искоренить только отрицательные стороны феодализма — крепостное право, привилегии, анархию — и сохранило бы его привлекательные стороны — патриархальную жизнь городов, процветание сельской домашней промышленности, развитие ремесел в городах, — то это уничтожило бы все элементы, которые вызывали борьбу, задушило бы в зародыше буржуазию. Этим поставлена была бы абсурдная задача — отменить историю[41].

Тот же исторический процесс развития Маркс проследил и на буржуазии. Производственные отношения, в которых она движется, не просты и не единообразны, а сложны и двойственны. В рамках одних и тех же отношений одновременно производится и богатство и нищета. В той же мере, в какой развивается буржуазия, в недрах ее развивается и пролетариат, а вслед за тем и борьба между этими двумя классами. Экономисты являются теоретиками буржуазии, коммунисты и социалисты — теоретиками пролетариата. Эти последние остаются утопистами и выдумывают из головы всеспасающие системы до тех пор, пока пролетариат еще недостаточно развит, чтобы конституироваться как класс, до тех пор, пока производительные силы недостаточно развились в рамках буржуазного общества и не стали вырисовываться материальные предпосылки, необходимые для освобождения пролетариата и создания нового строя. «Но по мере того как движется вперед история, а вместе с тем и яснее обрисовывается борьба пролетариата, для них становится излишним искать научную истину в своих собственных головах; им нужно только отдать себе отчет в том, что совершается перед их глазами, и стать сознательными выразителями этого. До тех пор, пока они ищут науку и только создают системы, до тех пор, пока они находятся лишь в начале борьбы, они видят в нищете только нищету, не замечая ее революционной, разрушительной стороны, которая и ниспровергнет старое общество[42].

«Антагонизм между пролетариатом и буржуазией есть борьба класса против класса, борьба, которая в своем высшем выражении означает полную революцию. Общественное дви-

[41] Меринг Ф., там же, с. 154. У Маркса написано несколько иначе: «Все элементы, порождающие борьбу, были бы уничтожены, развитие буржуазии было бы пресечено в самом зародыше. Экономисты поставили бы себе нелепую задачу устранить историю». Маркс К., «Нищета философии», М. Госполитиздат, 1941 г., с. 104.

[42] Меринг Ф., там же, с. 155.

жение не исключает политического, ибо нет такого политического движения, которое в то же время не было бы общественным. Общественные эволюции перестанут быть политическими революциями только в бесклассовом обществе», — пишет Маркс[43].

И, наконец, Маркс выяснил историческое значение стачек и коалиций, о которых Прудон и знать ничего не хотел. Сколько бы социалисты и буржуазные экономисты, исходя при этом из противоположных побуждений, не предостерегали рабочих против применения этого оружия, — тем не менее наряду с крупной промышленностью неизбежно будут развиваться стачки и коалиции. Конкуренция разделяет рабочих, но, несмотря на это, у них есть один общий интерес: поддержать заработную плату хотя бы на данном уровне. Общая мысль о сопротивлении объединяет их в коалиции, в которых содержатся все элементы грядущей битвы. Так и буржуазия начала в свое время с частичных коалиций против феодалов, чтобы затем конституироваться в класс и в качестве конституированного класса превратить феодальный строй в буржуазный[44].

И тут возникает ряд неудобных вопросов. Что представляет собой общественная эволюция в бесклассовом обществе? Возможна ли вообще общественная эволюция в бесклассовом обществе ведь из него удалена борьба классов, которая по утверждению Маркса является универсальным движителем истории, и не есть ли это в таком случае конец истории? Возможна ли эволюция, прогресс без антагонизма, ведь Маркс утверждал, что «без антагонизма нет прогресса. Таков закон, которому подчинялась цивилизация до наших дней»[45]. Ответа на эти вопросы Маркс не дал.

[43] Меринг Ф., там же, с. 159.

[44] Меринг Ф., там же, с. 158.

[45] Маркс К., «Нищета философии», М. Госполитиздат, 1941 г., с. 51.

«Союз коммунистов»

С лета 1847 года Маркс, наконец, получил в свое распоряжение «Deutsche-Brusseler-Zeitung» («Немецкая брюссельская газета»), периодический орган, предоставивший ему возможность активной общественной деятельности. Газета выходила дважды в неделю на деньги новеллиста и журналиста Адальберта фон Борнштедта, который, как выяснилось позднее, состоял на службе у прусского и австрийского правительств. В сборнике «Гейне в воспоминаниях современников»[46] приводится найденное в Венских архивах донесение Борнштедта австрийскому правительству о настроениях в кругах германских эмигрантов в Париже от октября 1835 года. Слухи об этом ходили среди эмигрантов и в Брюсселе, но Маркс отмахивался от них, считая главным возможность пользоваться случаем и печататься в газете, когда обстановка в Германии накаляется. Энгельс тоже публиковал в этой газете статьи по экономическим вопросам и требовал от рабочих не давать правительству поводов натравливать себя на буржуазию, в попытках предотвратить захват власти третьим сословием. Маркс и Энгельс писали, что буржуазия найдет в пролетариате самую сильную поддержку, если не ограничится требованием расширения своих сословных прав, а потребует учреждения суда присяжных, равенства перед законом, отмены барщины, свободы печати, свободы ассоциаций и подлинного народного представительства. Все это пойдет на пользу и рабочему делу.

Между тем к 1847 года коммунистическая колония в Брюсселе разрасталась, пользуясь снисходительным отношением властей к эмигрантам и их попыткам наладить международные связи со своими единомышленниками. Париж, все еще остававшийся очагом революционных движений, был для этого неудобен, там свирепствовали «сентябрьские законы». В самой Бельгии у Маркса установились хорошие отношения с германскими революционерами 1830 года. В Париже Энгельс завязал контакты с партией социальных демократов Ледрю-Роллена, главным образом с ее литературным крылом в лице Луи Блана и Фердинанда Флокона, соредакторов печатного органа этой партии «La Reforme» («Реформа»). Еще более тесные отношения установились с революционной фракцией английских чартистов — с Джулианом Гарни, редактором «The Northern Star», и с Эрнестом Джонсом. Эти чартистские вожди оказывали сильное влияние на «Братских демократов» — международную организацию, основанную в Лондоне в 1845 году. Девизом общества было «Все люди — братья», оно выступало за единство трудящихся всех стран. В это общество входил и «Союз справедливых», который как раз в это время согласился выполнять функции «Лондонского коммунистического корреспондентского комитета» для «Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета», которым руководил Маркс. Отношения с Шаппером и Молем и другими лидерами «Союза» у Энгельса и Маркса были непростые: рабочие испытывали определенное недоверие к теоретикам, а теоретиков отталкивала ремесленнически-цеховая ограниченность немецких пролетариев. Спустя десять лет Маркс объяснял свое тогдашнее отношение к «Союзу справедливых» следующим образом: «В тоже время мы выпускали ряд частью печатных, частью литографированных памфлетов, в которых подвергали беспощадной критике ту смесь французско-английского социализма или коммунизма с немецкой философией, которая составляла тогда «тайное учение» «Союза»; вместо этого мы выдвигали изучение экономической структуры буржуазного общества как единственно твердую теоретическую основу и, наконец, в популярной форме разъясняли, что дело идет не о проведении в жизнь какой-нибудь утопической системы, а о сознательном участии в происходящем на наших глазах историческом процессе революционного преобразования общества». По мнению Маркса, эти издания побудили коммунистов прислать в Брюссель в январе 1847 года члена Центрального комитета «Союза», часовщика Иосифа

[46] Сборник, «Гейне в воспоминаниях современников», Москва, 1998 г., с. 178.

Молля, который предъявил доверенность, написанную рукой Шаппера. Предъявитель доверенности был уполномочен сообщить о деятельности «Союза» и «дать разъяснения по всем важным пунктам». При личной встрече Молль сообщил, что «Союз» намерен решительно перестроить свою деятельность, отказаться от пропаганды революционных взглядов исключительно среди немецких рабочих, принять теоретическую программу Маркса и Энгельса и продвигать ее в международном масштабе. В Лондоне «Союз» по сути уже превратился в международную организацию, в которой представлены пролетарии большинства европейских стран. Молль сообщил, что Центральный комитет «Союза» принял решение провести летом 1847 года в Лондоне международный конгресс, на котором предполагалось огласить манифест с изложением теоретических разработок Маркса и Энгельса относительности роли рабочего класса и представить его как политическую программу «Союза». Молль предложил Марксу[47] вступить в «Союз» и помочь преодолеть идейную путаницу, захватившую многих его членов.

Маркс и Энгельс решили принять это предложение. Однако международный конгресс, который состоялся летом 1847 года в Лондоне, сумел рассмотреть исключительно организационные вопросы «Союза». Организационная структура «Союза» представляла собой пирамиду из общин, включавших от трех до десяти членов, округов, руководящих округов, Центрального комитета и Конгресса. Это было важное новшество — подпольщики не могли позволить себе никаких публичных мероприятий. Отныне «Союз», действовавший конспиративно, делал шаг к легальности, превращался в организацию, отвергающую бланкистские, заговорщические методы борьбы, и предполагал пропагандировать свои взгляды открыто. Своими целями «Союз» провозглашал свержение власти буржуазии, установление «доминирующей власти» пролетариата, уничтожение старого классового общества и создание нового общества без классов и частной собственности.

На конгрессе было принято решение переименовать «Союз справедливых» в «Союз коммунистов», был также утвержден временный устав организации, который разослали в национальные общины для обсуждения и последующего утверждения на втором конгрессе «Союза», который был намечен на конец того же года. На первом конгрессе Маркс не присутствовал. Энгельс представлял парижскую общину, Вильгельм Вольф — брюссельскую.

По возвращении в Париж Энгельсу пришлось вступить в серьезную борьбу с Мозесом Гессом, который отредактировал временный устав «Союза» в цветистых и витиеватых выражениях и придал ему форму катехизиса. На заседании парижского окружного комитета Энгельс подверг уничтожающей критике «божественно исправленный» катехизис Гесса. В письме к Марксу в Брюссель Энгельс сообщал, что он разобрал проект Гесса вопрос за вопросом и не успел еще дойти до середины, как присутствовавшие объявили себя удовлетворенными. Без всяких возражений комитет поручил Энгельсу составить новый проект. Через месяц Энгельс представил проект программы Союза под названием «Принципы коммунизма», но остался неудовлетворен. В письме к Марксу он предложил: «Подумай над «Символом веры», я считаю, что лучше всего было бы отбросить форму катехизиса и назвать эту вещь «Коммунистическим манифестом». Ведь в нем придется в той или иной мере осветить историю вопроса, для чего теперешняя форма совершенно не подходит. Я привезу с собой здешний проект, составленный мною. Он написан в простой повествовательной форме, но ужасно плохо, наспех отредактирован. Я начинаю с вопроса, что такое коммунизм, и затем перехожу прямо к пролетариату — история его происхождения, отличие от прежних работников, развитие противоположности пролетариата и буржуазии, кризисы, выводы. Попутно — различные второстепенные вещи, и в конце партийная политика коммунистов, поскольку о ней можно говорить открыто. Здешний проект целиком еще не утверждался, но я надеюсь добиться того, чтобы в него не попало — за

[47] Позднее от сделал такое же предложение Энгельсу, который в это время работал в Париже.

исключением некоторых не имеющих значения мелочей — ничего такого, что противоречило бы нашим взглядам»[48].

В Брюсселе Марксу пришлось погрузиться в пропагандистскую работу. «Союз коммунистов» в качестве официального прикрытия своей деятельности создавал просветительские кружки для рабочих, в которых было удобно вести открытую пропаганду, привлекать новых членов. Все кружки работали по общей схеме. Один день в неделю назначался для дискуссий, другой — для развлечений (пение, декламация и т. д.). Всюду устраивались библиотеки и по возможности классы для обучения рабочих чтению и письму. По этому образцу было организовано и Немецкое рабочее общество, основанное в конце августа 1847 года в Брюсселе; вскоре оно насчитывало уже около ста членов. Общество собиралось вечерами по средам и воскресеньям. По средам обсуждались важные вопросы, касавшиеся защиты интересов пролетариата, а по воскресеньям Вильгельм Вольф делал обыкновенно еженедельный обзор политических событий и проявил себя в этом деле как настоящий аналитик и умелый оратор. После его выступления следовали развлечения, в которых принимали участие и женщины.

Следует иметь в виду, что деятельность коммунистов нигде в Европе не оставалась бесконтрольной. Членом Немецкого рабочего общества в Брюсселе в сентябре 1847 года стал Адальберт фон Борнштедт, о работе которого на Берлин и Вену уже указывалось. В конце того же месяца он устроил «международный банкет», на который были приглашены рабочие самых разных национальностей: бельгийцы, немцы, швейцарцы, французы, поляки, итальянцы и даже один русский. В то время банкеты представляли собой самую безобидную форму политической пропаганды, они позволяли избегать излишнего внимания со стороны полиции. Кроме того, Борнштедт и некоторые недовольные члены немецкой колонии хотели использовать банкет для того, чтобы перехватить руководство обществом у Маркса и Энгельса. Последний присутствовал на банкете и ему без труда удалось пресечь интригу.

В конце ноября того же года Маркс и Энгельс приехали в Лондон официально, чтобы принять участие в торжественном заседании общества «Братских демократов», устроенного в связи с очередной годовщиной Польского восстания. Маркс огласил адрес брюссельской Демократической ассоциации. Речь его была выдержана целиком в пролетарски-революционном тоне. «Старая Польша, несомненно, погибла, — сказал он, — и мы меньше, чем кто бы то ни было, хотели бы ее восстановления. Но погибла не только старая Польша. Старая Германия, старая Франция, старая Англия — все старое общество отжило свой век. Но гибель старого общества не является потерей для тех, кому нечего терять в старом обществе, а во всех современных странах в таком положении находится огромное большинство». Маркс был убежден в том, что победа пролетариата над буржуазией близка и предсказывал, что победоносное шествие начнется с победы английских пролетариев над английской буржуазией. Польшу, по его мнению, следовало освободить не в Польше, а в Англии.

Передача приветствия «Братским демократам» была, однако, не единственной целью поездки Маркса в Лондон. Непосредственно после митинга в честь Польши в том же помещении — в зале собрания лондонского Просветительного общества немецких рабочих — состоялся второй конгресс «Союза коммунистов», на котором предполагалось окончательно утвердить устав и обсудить программу «Союза». Энгельс тоже присутствовал на этом конгрессе. По дороге из Парижа он встретился с Марксом в Остенде, и они вместе совершили поездку в Англию. После прений, длившихся не менее десяти дней, им обоим было поручено изложить принципы коммунизма в публичном манифесте.

Около середины декабря Маркс вернулся в Брюссель, а Энгельс — через Брюссель в Париж. Они, по-видимому, не очень торопились выполнить возложенное на них поручение. Во всяком случае лондонский Центральный комитет направил 24 января 1848 года очень настоя-

[48] Серебрякова Г.И., Маркс и Энгельс, с. 142.

тельное напоминание окружному комитету «Союза» в Брюсселе, предлагая оповестить гражданина Маркса, что «против него примут более сильные меры, если манифест коммунистической партии, составление которого он взял на себя, не будет доставлен в Лондон до 1 февраля»[49].

По признанию Ф. Меринга, скорее всего, необязательность Маркса была связана с тем, что как раз в это время он читал в Немецком рабочем обществе цикл лекций, посвященных противоречиям труда и капитала. К сожалению, текст этих лекций не сохранился. Михаил Бакунин, судя по всему, эти лекции прослушал. Он как раз в этом время за подстрекательские выступления был изгнан из Франции и был вынужден переехать в Брюссель. В конце декабря он писал своему другу в Россию: «Маркс занимается здесь тем же суетным делом, что и раньше, — портит работников, делая из них резонеров. То же самое теоретическое сумасшествие и неудовлетворенное, недовольное собой самодовольствие». Еще более резко Бакунин нападал на Маркса и Энгельса в письме к Гервегу: «Одним словом ложь и глупость, глупость и ложь. В этом обществе нельзя дышать свободно и полной грудью. Я держусь в стороне от них и решительно заявил, что не вступлю в их коммунистический союз ремесленников и не желаю иметь с ним ничего общего».

Манифест Коммунистической партии

Марксу все же пришлось взяться за манифест, порученный ему лондонским конгрессом. Фактически ему предстояло кратко и ясно изложить то, что Энгельс и он уже написали в своих многочисленных сочинениях. Как утверждает Ф. Меринг, стиль манифеста в большей мере соответствует стилю Маркса, но его содержание вполне совпадает с планом изложенным Энгельсом в его уже цитированном письме Марксу. Он допускал, что форма катехизиса больше соответствовала целям пропаганды, а Манифест, в котором коммунизм выступает как всемирно историческое явление, должен быть произведением непреходящего значения, а не полемической брошюрой для беглого чтения. Правда, Меринг признает, что тональность и первые слова манифеста о том, что «по Европе бродит призрак коммунизма» содержали некоторую переоценку реального положения дел. Впрочем, авторы Манифеста сами указывали впоследствии на то, как ограничены были тогда пределы распространения пролетарских организаций и особенно подчеркивали отсутствие их в России и в Соединенных Штатах[50].

Как бы то ни было, «Манифест» стал первым программным документом марксизма. В нем в сжатой и в общем ясной форме изложены основные идеи научного коммунизма, открыто провозглашены конечные цели борьбы пролетариата. В первой части «Манифеста», озаглавленной «Буржуа и пролетарии», рассказывается о сути капиталистического способа производства, эксплуатации, обнажены непримиримые противоречия капитализма, обоснована неизбежность его гибели, указан путь к новому общественному строю — социализму. Маркс и Энгельс писали, что вся история общества, за исключением первобытно-общинного строя, была историей борьбы классов. Буржуазное общество расколото на два враждебных друг другу основных класса — буржуазию и пролетариат.

Маркс под влиянием Энгельса явно переоценил уровень развития производительных сил современного ему капитализма, утверждая, что крупное машинное производство уже практически вытеснило мелкотоварных производителей. Явная переоценка содержалась и в утверждении, что экономически господствующий класс захватил также и политическое господство и сделал государственную власть орудием для осуществления корыстных классовых интересов буржуазии, для подавления трудящихся. Бурная эпоха буржуазных и национальных революций в Европе только разворачивалась. Тем более спорно выглядит даже с позиций сегодняшнего дня утверждение о том, что буржуазные производственные отношения стали узкими для дальнейшего развития производительных сил, а буржуазия стала реакционным классом, задержи-

[49] Меринг Ф., там же, с. 173.

[50] Меринг Ф., там же, с. 174.

вающим прогресс общества. Вызывает вопросы утверждение о том, что сам капитализм породил «своего могильщика» в лице современных рабочих, пролетариев, последовательно и до конца революционного класса, единственного класса способного создать коммунистическое общество. Даже современники Маркса и Энгельса, наблюдая общественную динамику, высказывали сомнения в обоснованности «теории обнищания» рабочих при капитализме, которая была положена в обоснование революционной роли пролетариата.

В следующей части «Пролетарии и коммунисты» утверждается, что у коммунистов нет никаких интересов, отдельных от интересов всего пролетариата в целом. На практике они — самая решительная, самая динамичная часть рабочих партий всех стран, вооруженная верной теорией, дающей ключ к пониманию условий, хода и общих результатов пролетарского движения.

Центральная идея «Манифеста» — это идея диктатуры пролетариата, хотя сам этот термин авторы не использовали. Они писали: «Когда в ходе развития исчезнут классовые различия и все производство сосредоточится в руках ассоциации индивидов, тогда публичная власть потеряет свой политический характер. Политическая власть в собственном смысле слова — это организованное насилие одного класса для подавления другого. Если пролетариат в борьбе против буржуазии непременно объединяется в класс, если путем революции он превращает себя в господствующий класс и в качестве господствующего класса силой упраздняет старые производственные отношения, то вместе с этими производственными отношениями он уничтожает условия существования классовой противоположности, уничтожает классы вообще, а тем самым и свое собственное господство как класса. На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех». И опять возникает вопрос откуда в бесклассовом обществе возьмется энергия развития, если исчезнет классовый антагонизм, а о возможности появления других противоположностей в бесклассовом обществе классики марксизма ничего не написали. Они предпочитали не предсказывать далекое будущее, используя удобную формулу, в соответствии с которой «коммунистические проявления» будут ускоренно зарождаться в недрах самого капитализма по мере его приближения к высшей, завершающей стадии его развития.

В третьей части «Манифеста» Маркс и Энгельс подвергли уничтожающей критике современные им реакционные буржуазные и мелкобуржуазные течения, а также различные формы реакционного социализма: феодальный социализм, мелкобуржуазный социализм, так называемый немецкий, или «истинный», социализм. Досталось консервативному или буржуазному социализму Прудона, а также социалистам-утопистам. По сути Маркс и Энгельс заявили о своей монополии на истину, предопределив ригидность своего учения, ограничили его способность развиваться применительно к меняющимся условиям, что создало почву для его догматического, полурелигиозного толкования многочисленными последователями марксизма.

В четвертой, заключительной части авторы манифеста записали: «На Германию коммунисты обращают главное свое внимание потому, что она находится накануне буржуазной революции, потому, что она совершит этот переворот при более прогрессивных условиях европейской цивилизации вообще, с гораздо более развитым пролетариатом, чем в Англии XVII и во Франции XVIII столетия. Немецкая буржуазная революция, следовательно, может быть лишь непосредственным прологом пролетарской революции». «Буржуазная революция действительно произошла в Германии непосредственно после появления в свет Манифеста, но условия, при которых она свершилась, возымели как раз обратное действие: они остановили буржуазную революцию на полпути, и несколько месяцев спустя июньская битва[51] в Париже отбила у буржуазии и в особенности у немецкой буржуазии охоту к каким бы то ни было рево-

[51] Восстание парижских рабочих.

люционным поползновениям»[52]. Предсказанная пролетарская революция в Германии не состоялась.

Уже в 1872 году в предисловии к новому немецкому изданию Манифеста Маркс и Энгельс сами признали, что их программа «местами устарела», но тем не менее они были убеждены в том, что «как ни сильно изменились условия за последние двадцать пять лет, однако развитые в этом «Манифесте» общие основные положения остаются в целом совершенно правильными и в настоящее время». Трудно судить насколько верно данное утверждение. Исчезновение КПСС и страны советов, строго говоря, не является доказательством порочности марксизма как революционной теории, однако до сих пор в мире не произошло ни одной социальной революции, осуществленной местным пролетариатом во главе с марксистской партией, и революция в России не является исключением, но об этом ниже.

[52] Меринг Ф., там же, с. 179

Маркс и революции 1848 года

После начала революционных выступлений во Франции и Бельгии Маркса выслали из Брюсселя и ему пришлось вернуться в революционный Париж. Французское временное правительство даже направило ему любезное приглашение. Немедленно после начала февральской революции лондонский Центральный комитет «Союза коммунистов» передал свои полномочия брюссельскому окружному комитету, который ввиду осадного положения, фактически введенного в Брюсселе, передал 3 марта свои права Марксу с полномочием образовать новый Центральный комитет в Париже.

Маркс образовал новый Центральный комитет из прежних, частью брюссельских (Маркс, Энгельс, Вольф), частью лондонских (Бауэр, Молль, Шаппер), членов «Союза». Он выпустил воззвание, содержавшее в себе семнадцать требований «в интересах немецкого пролетариата, мелкой буржуазии и крестьянства». Среди этих требований были: провозглашение всей Германии единой и неделимой республикой, всеобщее вооружение народа, национализация княжеских и других феодальных поместий, рудников, копей, транспортных средств, организация национальных мастерских, всеобщее бесплатное народное образование и т. д. … Никто, как пишет Меринг, лучше самого Маркса не понимал того, что действительное осуществление такой программы произойдет не с сегодня на завтра, а потребует долгого революционного процесса развития.

Тем временем революция победила в Вене тринадцатого марта, а в Берлине восемнадцатого — важнейшая часть революционной программы Коммунистического манифеста была выполнена, правда буржуазная революция не переросла в пролетарскую, но казалось, что это вопрос времени. «Союз коммунистов» оказался на распутье. «Союз», оставаясь замкнутой организацией, был еще слишком слаб, чтобы ускорить революционное движение, но складывалось ощущение, что это уже не имело значения: в сохранении «Союза» больше не было смысла, так как революция дала рабочему классу средства и возможность вести открытую пропаганду.

Маркс и Энгельс переехали в Кёльн, мечтая о создании рабочей партии. Энгельс благодаря своим связям и неуемной энергии создал акционерное общество и с 1 июня стала выходить в свет «Neue Rheinische Zeitung» («Новая рейнская газета»). В качестве главного редактора ее подписывал Маркс, а в состав редакции вошли Энгельс, Дронке, Веерт и оба Вольфа. Марксу и Энгельсу сразу пришлось считаться с положением, которое создалось в каждом из больших или малых немецких княжеств, а также в королевской Пруссии. Немецкий трудовой народ состоял в большинстве своем из ремесленников. Промышленность значительно отстала от французской и особенно английской. В политически раздробленной Германии не было еще условий для создания массовой пролетарской партии. Несколько сот членов Союза коммунистов, прибывших, как Маркс и Энгельс, на родину, работали не покладая рук. Однако они не могли сразу привести в движение массу тружеников, полных предрассудков и не видевших в своих хозяевах непримиримых классовых врагов.

Акционеры «Neue Rheinische Zeitung», давая деньги на ее издание, настаивали на том, чтобы основой политики газеты было «пленившее и успокаивавшее их слово демократия», однако уже с первого номера стало ясно, что основой политики газеты стало беспокоящее слово «коммунизм». Отношения с акционерами портились, но газета продолжала выходить. И здесь раскрылся необыкновенный талант Энгельса. «Никто не мог превзойти Энгельса в блеске и неповторимости, ясности и глубине его публицистических выступлений. Не было темы, которую подчас в последнюю минуту, перед самой отправкой газеты в набор, он не превратил бы в полную глубочайшего ума и знаний или уничтожающей иронии статью. Для газеты он был сущий клад и не раз помогал Марксу, который нес всю тяжесть общего политического руководства и множества организационных дел. Большинство передовиц создавал Энгельс почти

на ходу, и, как Юлий Цезарь, он мог одновременно писать, говорить и просматривать подоспевший редакционный материал.

— Ты подлинно ходячая энциклопедия! — восторгался Карл другом. — И сообразителен, как черт, и способен работать в любое время дня и ночи, после еды и натощак»[53].

«Neue Rheinische Zeitung» жестко бичевала измену буржуазии, предавшей рабочих и крестьян. В своих статьях ее авторы-коммунисты разрушали ложное представление, утвердившееся в народе, что мартовские бои 1848 года завершили революцию и несут с собой будущие блага. «Ты думаешь, что покончил с помещичьим государством? — писал Энгельс в одной из своих статей. — Заблуждение! Ты думаешь, что теперь тебе уже обеспечено право свободного объединения, свобода печати, вооружение народа и прочие высокие слова, которые летели к тебе через мартовские баррикады? Заблуждение! Чистейшее заблуждение!» Однако скоро стало ясно, что революция обречена. В Пфальце и Баденской республике повстанцы под руководством бывшего прусского офицера Августа Виллиха какое-то время продолжали сопротивление, но силы были неравны. Временами Энгельс отрывался от газетных дел и помогал Виллиху в армии повстанцев, выступая в роли его адъютанта.

После подавления революций в Берлине и Вене «Neue Rheinische Zeitung» в декабре 1848 года изложила в ряде блестящих статей историю прусской революции и контрреволюции. Долгое время считалось, что эти статьи вышли из-под пера Маркса, однако недавно было установлено, что их автором является Энгельс. Маркс писал о другом. В начале 1849 года газета с надеждой направила свой взор на Париж, ожидая скорого восстания французского рабочего класса, а затем — «неизбежной мировой войны». Но никакого пробуждения революции во Франции не состоялось. В декабре, как уже отмечалось, Луи Наполеон был неожиданно для всех избран президентом республики и началась скрытая борьба за восстановление империи. Но Маркс ничего не хотел замечать, ему нужно было это пробуждение Франции, он грезил о мировой войне, которая сметет все монархические режимы, и прежде всего Англию. «Страна, которая превращает целые нации в своих наемных рабочих, которая своими гигантскими руками охватывает весь мир, которая уже однажды взяла на себя расходы европейской Реставрации, страна, в собственном лоне которой классовые противоречия развились в наиболее резкой и бесстыдной форме, — Англия кажется скалой, о которую разбиваются революционные волны, которая хочет уморить голодом новое общество еще во чреве матери, Англия господствует над мировым рынком. Переворот в экономических отношениях любой страны европейского континента или даже всего европейского континента без Англии — только буря в стакане воды. Промышленные и торговые отношения внутри каждой нации зависят от ее сношений с другими нациями, они обусловлены ее отношением к мировому рынку. Но Англия господствует над мировым рынком, а буржуазия — над Англией». Поэтому всякий французский социальный переворот разобьется об английскую буржуазию, о промышленное и коммерческое мировое господство Великобритании. Всякая частичная социальная реформа во Франции и вообще на европейском континенте, поскольку она мыслится окончательной, есть лишь пустое доброе пожелание. А старую Англию свергнет только мировая война. Только такая война создает для чартистов, для английской организованной рабочей партии, условия успешной борьбы против их исполинских угнетателей. Только в тот момент, когда чартисты окажутся во главе английского правительства, социальная революция выйдет из царства утопии и вступит в царство действительности». Чего было больше в рассуждениях Маркса — отчаяния или необоснованных фантазий — остается только гадать.

Примечательно, что в это время «Neue Rheinische Zeitung» практически ничего не писала о рабочем движении того времени в Германии. А следует отметить, что это движение активизировалось даже в восточноэльбских районах и было вовсе не так уж незначительно. Оно

[53] Серебрякова Г.И., там же, с. 164.

имело свои съезды, свои организации, свои газеты. Его самый даровитый вождь, Стефан Борн был дружен еще с Брюсселя и Парижа с Энгельсом и Марксом. Он и в ходе революции писал из Берлина и Лейпцига в «Neue Rheinische Zeitung». Борн очень хорошо понимал «Коммунистический манифест», но ему было сложно пропагандировать его положения в среде совершенно неразвитого пролетарского сознания. Германский пролетариат, по определению Маркса, все еще пребывал в состоянии класса в себе, еще не осознал свои подлинные интересы, не сумел конституироваться как класс. Отчасти это могло объяснять невнимание «Neue Rheinische Zeitung» к германскому рабочему движению. Кроме того, в Кёльне выходил тогда два раза в неделю особый орган кёльнского Рабочего союза под редакцией Молля и Шаппера. Маркс же, уступая все-таки требованиям владельцев газеты, рассматривал ее как «орган демократии», т. е. считал необходимым отстаивать общие интересы буржуазии и пролетариата против абсолютизма и феодализма.

В мае 1849 года Маркс получил предписание о высылке из Кёльна. Газету пришлось закрыть, распродать имущество, рассчитаться по долгам издательства и заложить в ломбард серебряный сервиз жены, чтобы получить средства на первое время жизни в Париже, куда Марксам пришлось переехать в очередной раз. В Париже Маркс сошелся с «монтаньярами», которые замышляли что-то против режима Луи Наполеона. Заговор был раскрыт. Марксу было приказано переселиться в болотистый и малопригодный для здоровой жизни Морбиан в Бретани, но в конце августа 1849 года он предпочел совсем покинуть Францию.

Лондонское изгнание

В письме, которое Маркс отправил Энгельсу еще из Парижа, он сообщал, что ему представляется возможность основать в Лондоне немецкий журнал и что часть денег уже обеспечена[54]. Он приглашал Энгельса, жившего после краха баденско-пфальцского восстания эмигрантом в Швейцарии, немедленно приехать в Лондон. Энгельс откликнулся на призыв, совершив путешествие через Геную на парусном судне. Издание, которое получило название «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-Okonomische Revue» («Новое рейнская газета. Политико-экономическое обозрение») не задалось. Конрад Шрамм, который заведовал канцелярией журнала, плохо организовал подписную кампанию, подписчиков было немного. Вейдемейер выписал на себя во Франкфурт 100 экземпляров журнала, но покупали плохо. Лассаль сообщал из Дюссельдорфа, что ему удалось привлечь менее 50 подписчиков. Одной из причин, как признавал Меринг, была слабая редакционная подготовка издания: Маркс и Энгельс по сути вдвоем готовили редакционные макеты к выпуску, поэтому январский номер отправили в Гамбург, где планировалось печать журнал, только в начале февраля 1850 года. Всего было выпущено шесть номеров журнала, а потом издание пришлось прекратить. Мешали эмигрантские дрязги и интриги.

Параллельно с изданием журнала пришлось создавать эмигрантский комитет. После поражения революции в германских государствах и начавшихся гонений на социалистов в Швейцарии бывшие революционеры массами приезжали в Лондон. Их надо было принять, обустроить хотя бы на первое время, все это требовало денег, и деньги находились, правда, как утверждают историки, небольшие. Марксу и Энгельсу помогали кёльнские соратники Бауэр, Пфендер и Виллих.

Пришлось также заняться возрождением «Союза коммунистов». Прежние члены «Союза коммунистов» начали собираться в Лондоне с осени 1849 года. За исключением Молля, который погиб в Германии, собрались почти все прежние члена Центрального комитата. Шаппер приехал летом 1850 года, Вильгельм Вольф переселился из Швейцарии на год позже. Кроме того, удалось привлечь к делу некоторые новые силы, в том числе Августа Виллиха, бывшего прусского офицера. Во время баденско-пфальцского похода Виллих проявил себя очень умелым руководителем отрядов добровольцев. Теперь бывший адъютант Виллиха, Энгельс, завербовал его для революции. Виллих был человек дела, но как теоретик он оказался слаб.

Первым делом Центральный комитет издал в марте 1850 года Обращение, написанное скорее всего Марксом. Авторы Обращения исходили из того, что предстоит новая революция, которая «будет... вызвана самостоятельным восстанием французского пролетариата или вторжением Священного союза в революционный Париж». Они были уверены в том, что подобно тому как мартовская революция 1848 года доставила победу буржуазии, новая революция принесет победу мелкой буржуазии; она же снова предаст рабочий класс. Тем не менее мелкая буржуазия будет в состоянии реформировать капиталистическое общество настолько, чтобы сделать его более удобным и терпимым для нее самой, а до известной степени и для рабочего класса. Но пролетариат ни в коем случае не может этим удовлетвориться. Задача рабочих заключается в том, чтобы сделать революцию перманентной, «пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти, пока ассоциация пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьется настолько, что конкуренция между пролетариями в этих странах прекратится, и что, по крайней мере, решающие производительные силы будут сконцентрированы в руках пролетариев. … Конечно, в начале движения рабочие не должны предла-

[54] Франц Меринг не смог установить источник средств для издания немецкого журнала.

гать непосредственно коммунистические меры; но они могут оказывать достаточное давление на демократов, чтобы последние вынуждены были по возможности во многих направлениях врываться в теперешний общественный порядок, препятствовать его нормальному течению и тем самым компрометировать себя, а также сосредоточивать в руках государства как можно больше производительных сил, транспортных средств, фабрик, железных дорог и т. д. Прежде всего рабочие не должны допустить, чтобы при уничтожении феодализма поместья, как это было в эпоху Великой французской революции, перешли в свободную собственность крестьян. Этим сохранилось бы существование сельскохозяйственного пролетариата, и наряду с таковым возник бы мелкобуржуазный крестьянский класс… Рабочие должны, напротив, требовать, чтобы конфискованные феодальные поместья оставались государственным достоянием и чтобы их превращали в рабочие колонии. Возделывание земель должно стать делом ассоциированного сельского пролетариата, располагающего всеми средствами крупного земледелия. Таким путем принцип общественной собственности станет на твердую почву в обстановке расшатывающихся буржуазных отношений собственности…»[55] Вооруженный этим Обращением, Бауэр отправился в Германию. Ему удалось восстановить связи со старыми соратниками, которым посчастливилось остаться на свободе, а также завязать новые с остатками союзов рабочих, крестьян, поденщиков и гимнастических союзов. Наиболее влиятельные члены «Рабочего братства», основанного Стефаном Борном, тоже согласились примкнуть к «Союзу коммунистов».

Во втором Обращении, помеченном июнем 1850 года, Центральный комитет извещал, что Союз утвердился в целом ряде германских городов и образовал руководящие центры: в Гамбурге для Шлезвиг-Гольштейна, в Шверине для Мекленбурга, в Бреславле для Силезии, в Лейпциге для Саксонии и Берлина, в Нюрнберге для Баварии, в Кёльне для Рейнской провинции и Вестфалии. То же Обращение называло лондонский округ самым сильным оплотом «Союза», ибо он нес почти исключительно на себе все расходы, руководил Лондонским просветительным обществом немецких рабочих, а также большей частью тамошних эмигрантов. Кроме того, лондонский Центральный комитет стоял в тесной связи с «революционной партией англичан, французов и венгров». В Обращении не сообщалось, однако, что в лондонском округе разгорается серьезная борьба среди различных эмигрантских групп.

Летом 1850 года стало очевидно, что надежды на продолжение революции уже не имеют под собой никаких оснований. Во Франции было ликвидировано всеобщее избирательное право, что не вызвало восстания рабочего класса. Президент Луи Бонапарт готовил государственный переворот, намереваясь возродить империю. В Германии мелкобуржуазная демократия не собиралась бороться с крупной буржуазией. В Италии господствовала реакция. В Венгрии революционеров практически не осталось. Тем не менее часть лондонских эмигрантов не желали считаться с реалиями, их охватило лихорадочное стремление во что бы то ни стало затеять новую революцию. Среди них возобладали упования на чудеса, на революционную волю, на то, что пролетарские массы с неизбежностью поддержат отважных повстанцев. Тем жестче они воспринимали оценки политической ситуации в Европе, исходившие от Маркса, который уже успел отказаться от прежних надежд и мыслей, изложенных в первом Обращении. Отношения Маркса и Энгельса с товарищами по «Союзу» обострились до крайности и приобрели даже оттенок личной вражды.

На заседании Центрального комитета 15 сентября 1850 г. дело дошло до открытого раскола. Марксу, Энгельсу, Бауэру, Эккариусу, Пфендеру и Шрамму противопоставили свою позицию Виллих, Шаппер, Френкель и Леман. На этом решающем заседании Маркс в следующих словах определил сущность возникшего разногласия: «На место критических воззрений меньшинство ставит догматические, на место материалистических — идеалистические.

[55] Меринг Ф. там же, с. 228.

Движущей силой революции для него становится просто воля вместо действительных отношений. Между тем как мы говорим рабочим: «Вы должны пережить 15, 20, 50 лет гражданской войны и международных битв, не только для того чтобы изменить существующие отношения, но чтобы и самим измениться и стать способными к политическому господству». Вы говорите наоборот: «Мы должны сейчас же достигнуть господства… . В то время как мы специально указываем германским рабочим на неразвитое состояние германского пролетариата, вы самым грубым образом льстите его национальному чувству и сословным предрассудкам германских ремесленников, что, разумеется, популярнее…»

Дело дошло до того, что французские коммунисты стали готовить покушение на Маркса, но Виллих упростил ситуацию. Он публично оскорбил Маркса и вызвал его на дуэль. Маркс отказался стреляться. Вместо него в Антверпен, поскольку в Англии дуэли были запрещены, поехал Шрамм. Виллих, отличный стрелок, почти промахнулся, пуля легко задела голову Шрамма. Можно предположить, что он не хотел убивать Шрамма.

После этого марксовское большинство попыталось спасти «Союз», передав функции Центрального комитета в Кёльн, а прежний лондонский округ было предложено разделить на два независимых друг от друга округа и состоящими в общении лишь с Центральным комитетом. Кёльнский округ избрал новый Центральный комитет, но лондонское меньшинство отказалось его признать. Виллих, Шаппер и компания пользовались поддержкой большинства в лондонском округе и главным образом в Просветительном обществе немецких рабочих. Маркс и его ближайшие друзья вышли из «Союза» и из Общества.

Более обстоятельно Маркс обосновал свою позицию в сдвоенном и последнем пятомшестом выпуске «Revue», который завершил его недолгую историю в ноябре 1850 года. Маркс писал: «При таком всеобщем процветании, когда производительные силы буржуазного общества развиваются настолько пышно, насколько это вообще возможно в рамках буржуазных отношений, о действительной революции не может быть и речи. Подобная революция возможна только в те периоды, когда оба эти фактора, современные производительные силы и буржуазные формы производства, вступают между собой в противоречие. Бесконечные распри, которыми занимаются сейчас представители отдельных фракций континентальной партии порядка, взаимно компрометируя друг друга, отнюдь не ведут к новым революциям; … Все реакционные попытки затормозить буржуазное развитие столь же несомненно разобьются об эту основу, как и все нравственное негодование и все пламенные прокламации демократов. Новая революция возможна только вслед за новым кризисом. Но наступление ее так же неизбежно, как и наступление этого последнего»[56].

Против Маркса выступили члены европейского Центрального комитета демократов во главе с Мадзини, Ледрю-Ролленом, Дарашем и Руге. Они распространили воззвание, в котором попытались опровергнуть марксов анализ положения в Европе и по сути обвинили его в бонапартистских замашках, в претензиях на монополию учить революционеров и пролетариат, в честолюбивой ревности и нетерпимости ко взглядам других вождей революции.

Вся лондонская революционная эмиграция раскололась. Энгельс на долгие двадцать лет уехал в Манчестер и снова занялся делами бумагопрядильной фабрики «Эрмен и Энгельс». Маркс остался в Лондоне и погрузился в политическую журналистику — надо было кормить уже многочисленную семью, но отголоски внутрипартийной борьбы еще долго давали себя знать в переписке двух коммунистов. «Все более и более убеждаешься в том, — писал Энгельс Марксу в феврале 1851 года, — что эмиграция — это такой институт, благодаря которому каждый человек неизбежно должен превратиться в дурака, осла или просто мошенника, если он совершенно не устранится от эмиграции и не удовлетворится положением независимого литератора, которому нет решительно никакого дела до так называемой «революционной пар-

[56] Меринг Ф., там же, с. 232.

тии»». На это Маркс ему ответил: «Мне очень нравится та настоящая общественная изоляция, в которой находимся теперь мы оба, ты и я». Энгельс снова писал ему в том же духе: «Мы имеем теперь, наконец, опять, в первый раз за долгое время, возможность показать, что мы не нуждаемся ни в какой популярности, ни в какой поддержке со стороны какой-либо партии какой бы то ни было страны… разве мы в продолжение стольких лет не притворялись, будто у нас бог весть какая партия, между тем как у нас не было никакой партии, и люди, которых мы, по крайней мере официально, считали принадлежащими к нашей партии... не понимали даже элементарных начал наших теорий»[57].

Пришло разочарование и в национальные группы эмигрантов. «Итальянцам, полякам и венграм я скажу достаточно ясно, что во всех современных вопросах им бы следовало молчать», — писал Энгельс. Несколько месяцев спустя он сказал полякам, что «они — никудышная нация, а как орудие годятся лишь до тех пор, пока Россия не будет сама втянута в революцию». Поляки, по его словам, «никогда ничего другого не делали в истории, кроме храбрых, драчливых глупостей. Даже по отношению к России они не совершили ничего, что имело бы историческое значение, в то время как Россия действительно прогрессивна по отношению к Востоку. Русское владычество при всей его низости и славянской грязи является носителем культуры на Черном и Каспийском морях и в Центральной Азии, для башкир и татар. Россия восприняла гораздо больше элементов просвещения и в особенности промышленного развития, чем барски-ленивая по своей натуре Польша». Сам же Маркс написал в альбом прославленному герою итальянской революции: «Г-н Мадзини знает только города с их либеральным дворянством и их просвещенными гражданами. Материальные потребности итальянского сельского населения, из которого выжаты все соки и которое так же, как и ирландское, систематически доводилось до полного истощения и отупения, конечно, слишком низменны для парящих в поднебесье фраз его космополитически-неокатолически-идеологических манифестов. Но, несомненно, нужно много мужества, чтобы заявить буржуазии и дворянству, что первый шаг к независимости Италии состоит в полном освобождении крестьян и в превращении испольной системы аренды в свободную буржуазную собственность». Правда, современные историки признают, что сами Маркс и Энгельс ни в грош не ставили крестьянство. Подвизавшемуся в Лондоне хвастливому Кошуту Маркс разъяснил в открытом письме, что «… европейские революции являются крестовым походом труда против капитала. Их нельзя низвести до социального и духовного уровня такого темного, полуварварского народа, как мадьяры, которые живут еще в полукультуре XVI века, а воображают, будто имеют право указать путь великому просветительному движению Германии и Франции; они лишь выманивают уважение к себе легковерной Англии». Но дальше всего от традиций «Neue Rheinische Zeitung» Маркс ушел в своем отношении к Германии. Он не только перестал сосредоточивать на ней преимущественное внимание, но почти совсем изгнал ее со своего политического горизонта[58].

В эти годы Маркс и Энгельс тесно сотрудничали с несколькими около социалистическими изданиями, но наибольшей удачей оказалась предложение о постоянном сотрудничестве со стороны Дана, одного из редакторов «New-York Daily Tribune», самой распространенной североамериканской газеты. В то время тираж газеты доходил до 200 тысяч экземпляров. Во время европейских революционных событий Дана побывал в Кёльне и успел оценить статьи Маркса и Энгельса. Эта работа могла дать достаточно стабильный заработок. Маркс обязался писать по две статьи в неделю, за которые ему причиталось по два фунта стерлингов за каждую или по сорок марок. В пересчете на год доход мог доходить до четырех тысяч марок, а это было уже кое-что. На деле все сложилось несколько иначе. За десять лет сотрудничества с газетой (с 1851 по январь 1862 года) Маркс и Энгельс написали самостоятельно и сообща 407 статей,

[57] Меринг Ф., там же, с. 233

[58] Меринг Ф., там же, с. 269.

большую часть — 310 статей — написал Маркс, следовательно его среднегодовой доход мог составлять чуть более тысячи марок[59]. Стоит учесть, что в трудные времена издательство снижало гонорар до одного фунта за статью, кроме того раза два в этот период Маркс болел и не мог много работать. Выручал старый товарищ, поэт Фрейлигрaт, который натурализовался в Англии и завел успешную банковскую контору. Он по договоренности с газетой выплачивал Марксу гонорары авансом, но положение осложнялось тем, что Маркс и его супруга из рук вон плохо вели домашнее хозяйство и постоянно залезали в долги.

Среди других изданий стоит выделить «The Free Press», которую в 1850-х годах издавал уже упоминавшийся тайный сторонник Палмерстона Дэвид Уркварт, крайний русофоб, ненавистник русского царизма и горячий сторонник укрепления отношений с Турцией. С Урквартом Маркса заочно познакомил Энгельс. В марте 1853 года он писал Марксу в письме: «Сейчас у меня дома Уркарт[60], сумасшедший депутат, который считает Пальмерстона наемником России. Дело объясняется очень просто. Человек этот — шотландец кельтского происхождения, получивший саксонско-шотландское образование, По настроению он романтик, по своему образованию фритредер, Он поехал в Грецию в качестве филэллина, но, повоевав три года с турками, уехал в Турцию и стал поклонником этих самых турок. Он обожатель ислама и его лозунгом является: если б я не был кальвинистом, я мог бы быть только магометанином». В общем Энгельс находил Уркварта человеком занятным и полезным. По другой версии рабочие кабинеты Уркварта и Маркса в библиотеке Британского музея находились по соседству и их знакомство вполне могло состояться без посредничества Энгельса. В феврале 1854 года Уркварт встретился с Марксом, причем приветствовал его изящным комплиментом, отметив, что «статьи его таковы, будто они написаны турком». Когда Маркс, пишет Меринг, ответил ему, что он «революционист», это очень разочаровало Уркварта, так как одной из его причуд было мнение, что европейские революционеры служат сознательным или бессознательным орудием <русского> царизма, который пользуется ими, чтобы создавать затруднения европейским правительствам. «Он — форменный маниак», — писал Маркс Энгельсу после этой беседы, прибавляя, что, как он и заявил Уркарту, он ни в чем не согласен с ним, кроме взгляда на Палмерстона. Публично Маркс при всех своих критических оговорках неоднократно признавал заслуги Уркварта и не скрывал также, что Уркварт если и не убедил его, то во всяком случае навел на мысль о «продажности» Палмерстона, подкупленного русскими. Маркс поэтому не видел ничего предосудительного в том, чтобы писать статьи в еженедельный журнал Уркварта, и разрешил ему распространить в виде брошюр несколько своих критических статей из «New-York Daily Tribune». Эти брошюры о «продажном Палмерстоне» выходили тиражом от 15 до 30 тысяч экземпляров и производили первое время большое впечатление. Потом от них устали и, глядя на Уркварта, вертели пальцем у виска… Собственно, это и требовалось Палмерстону.

Следует отметить, что восемь статей, посвященных фигуре и политике Палмерстона, руководившего Форин офис почти полвека, при всей их критичности были достаточно сбалансированы и отдавали должное талантам и достижениями британского министра иностранных дел, а потом и премьер-министра. Кроме статей о Палмерстоне специально для «The Free Press» Маркс написал пять статей, а также опубликовал в этом издании большое исследование[61] по вопросам англо-русских связей, подготовленное на базе материалов фонда Британского музея, в котором хранились донесения английских послов из Петербурга.

После 1859 года сведений о контактах Маркса с Урквартом обнаружить не удалось, хотя есть косвенные свидетельства, позволяющие предположить, что контакты продолжались до самой смерти Уркварта в 1877 году. Возможно, Маркс просто не хотел афишировать эти отно-

[59] https://www.marxists.org/archive/marx/works/subject/newspapers/new-york-tribune.htm

[60] Орфография Энгельса.

[61] Это исследование называлось «Раскрытие дипломатических тайн XVIII века».

шения, после того как ему стало известно, что Уркварт на самом деле отнюдь не враг Палмерстона, а его секретный сотрудник. Дипломат и разведчик[62] Уркварт привлекался Палмерстоном для публикации между 1835 и 1837 годами в специально созданном для этой цели периодическом издании «The Portfolio…» донесений русских дипломатов в европейских странах. Эти донесения были захвачены польскими повстанцами в 1830 году вместе с архивом наместника русского императора в Царстве Польском, великого князя Константина Павловича, который был вынужден в спешке бежать из Варшавы. Это было неслыханный демарш для дипломатии того времени. Волна русофобии и откровенной ненависти к России и русской дипломатии была невероятной. Именно эти публикации наложили отпечаток на всю внешнюю политику Британии XIX – XX веков. Этот прием потом неоднократно использовался британской разведкой, когда было необходимо поддержать антирусские настроения в британском обществе. Неудивительно, что Палмерстон всеми силами стремился отвести от себя подозрение в столь дерзком антирусском предприятии, а потом двадцать лет «терпел нападки» Уркварта, открыто обвинявшего его в том, что он «продался русским». Уркварт утверждал, что Палмерстон получил от княгини Ливен, супруги русского посла в Лондоне, то ли двадцать, то ли тридцать тысяч фунтов. Княгиня якобы придумала ловкий ход. Посредником в «операции» выступал некто Якоб Джеймс Харт — владелец игорного дома, расположенного в аристократическом районе Сэнт Джемс. Харт якобы умело проиграл эти деньги Палмерстону где-то около 1825 года, когда тот был чуть ли ни на грани банкротства[63]. С тех пор можно было смело утверждать, что все антирусские выпады Палмерстона объясняются тем, что «он находится на содержании у русского царя». Как бы то ни было Маркс поучаствовал в «операции прикрытия» Палмерстона, которая была призвана отвести от него и его правительства подозрения в русофобии, чтобы не мешать англо-русской торговле. В то время она была очень выгодна Британии.

Конечно, этот факт не может служить основанием подозревать Маркса в работе на английские спецслужбы. Маркс был слишком крупной фигурой, масштабным мыслителем, неординарной личностью, чтобы допустить саму мысль о возможности сделать ему вербовочное предложение. Невозможно также представить, что им можно было манипулировать, использовать его «втемную», «подкинуть» незаметно идею, направить в нужном направлении работу мысли. Для этого был бы нужен второй Маркс, человек способный вести философскую, политическую, политэкономическую дискуссию на его уровне. Судя по всему, Уркварт не был таким сверхчеловеком. Только Энгельс по уровню своего интеллектуального развития, глубине мысли, апофеничности ума, то есть способности интуитивно ухватывать взаимосвязи между явлениями, казалось бы, не имеющими никакого отношения друг к другу, приближался к Марксу, но какое отношение он мог иметь к спецслужбам Палмерстона?

[62] Уркварт был одним из создателей английской разведывательной сети в Турции и был причастен к поставкам оружия адыгам-повстанцам в Черкесии.

[63] Улунян А.А., «Дэвид Уркварт, «The Portfolio» и начало конца тайной дипломатии Санкт-Петербурга. Секретные дипломатические документы в британской печати (1835-1837 гг.)»

Энгельс и Маркс

Историк Ф. Меринг приводит интересное сравнение личностей Энгельса и Маркса. Энгельс, как отмечает Меринг, был светловолосый тевтон, высокий, с английскими манерами, всегда тщательно одетый, вымуштрованный дисциплиной не только казармы, но и конторы. Он говорил, что ему легче организовать какую-нибудь отрасль управления с шестью приказчиками, чем с шестьюдесятью правительственными советниками, которые не умеют даже четко писать и так все перепутают в книгах, что потом сам черт в них не разберется. Но при всей респектабельности члена манчестерской биржи Энгельс был не чужд занятий и развлечений английской буржуазии, травли лисиц, компаний хорошеньких барышень и еженедельных воскресных пиров, которые он устраивал у себя в лондонском доме и которые могли затягиваться до утра. И все-таки, пишет Меринг, Энгельс оставался прежде всего идейным работником и борцом. В своем домике на далекой окраине города он скрывал свое сокровище — простую ирландскую девушку Мэри Бёрнс, работницу с фабрики его отца. С нею он отдыхал от надоедавших ему пошлых людей, а когда она умерла взял к себе в дом ее сестру, Лизи Бёрнс. Энгельс был противником церковного брака, но перед смертью каждой из своих двух подруг оформил с ними официальные отношения[64]. Детей у них не было, если не считать усыновленного Энгельсом незаконнорожденного сына Маркса от Ленхен, женщины прислуживавшей в доме Марксов. Нужно же было как-то скрыть скандал.

Маркс, по словам Меринга, в противоположность Энгельсу был приземистый, коренастый человек. Сверкающие глаза и черная как смоль львиная грива выдавали его семитское происхождение. Он мало заботился о своей внешности. Измученный семейными заботами, по словам Меринга, Маркс жил вдали от общественных развлечений мировой столицы. Поглощавшая его умственная работа, продолжавшаяся до глубокой ночи, едва оставляла ему время наскоро пообедать и пожирала его физические силы. Маркс был неутомимый мыслитель, и мышление было для него высшим наслаждением; в этом отношении он был истинный наследник Канта, Фихте и в особенности Гегеля. Маркс часто повторял слова Гегеля: «Даже преступная мысль злодея возвышеннее и значительнее, чем все чудеса неба». Однако в отличие от этих философов, мысль беспрерывно толкала Маркса к действию. Он был непрактичен в мелочах, но практичен в великих делах. Совершенно беспомощный в тех случаях, когда приходилось справляться с собственным маленьким хозяйством, Маркс с несравненным талантом умел вербовать армию и руководить армией, которая должна совершить переворот в мире. Пожалуй, это серьезное преувеличение со стороны Меринга. Вербовать войско и руководить им — это было призвание Энгельса. Недаром его в глаза и за глаза называли «Генералом».

Поскольку стиль, замечает Меринг, — это человек, Маркс и Энгельс очень различны как писатели. Каждый из них был в своем роде мастером стиля и обладал талантом к языкам: оба владели многими языками и даже диалектами. Энгельс превосходил Маркса в этом отношении, но когда он писал на своем родном языке даже письма, не говоря уже о сочинениях для печати, он был очень осмотрителен и не вплетал в ткань своей речи ни одной иноземной ниточки, не впадая, однако, в причуды тевтонствующего пуризма. Он писал легко и ясно, течение его речи было чисто и прозрачно до дна. Маркс писал более небрежно и вместе с тем более тяжеловесно. В его юношеских письмах, как и в письмах молодого Гейне, сильно заметна еще борьба с языком, а в письмах зрелых лет, главным образом со времени переселения в Англию, он

[64] Энгельс считал официальный брак буржуазным предрассудком, а полигамию — новой добродетелью. «Если бы у меня был доход в 5000 франков, я бы ничего не делал, кроме как работал и развлекался с женщинами, пока не развалился на части. Если бы не было француженок, жизнь не стоила бы того, чтобы жить. Но пока есть гризетки, это хорошо и прекрасно!» – из письма Энгельса Марксу от 1846 года.

перемешивал немецкие слова с английскими и французскими. Да и в произведениях Маркса встречается больше иностранных слов, чем это можно объяснить разумной необходимостью. Но вместе с тем он такой мастер немецкой речи, что при переводе на другой язык многое из тонкостей его стиля теряется. Когда Энгельс прочел главу из книги своего друга во французском переводе, над последней отделкой которого сам Маркс тщательно работал, он нашел, что вся сила и сочность, вся жизнь этой главы «пошли к черту». Маркса часто упрекали коллеги по философскому цеху в том, что он излагает свои мысли очень неопределенно и порой двусмысленно, «сшивая их лоскутьями образов». Попытки Меринга оправдать Маркса тем, что он якобы исчерпывал трактуемые им вопросы лишь настолько, чтобы предоставить читателю простор для собственного плодотворного мышления, явно несостоятельны. Многословие Маркса и излишнюю любовь к деталям отмечал даже Энгельс.

Энгельс, указывает Меринг, всегда признавал превосходство гения Маркса и считал себя лишь второй скрипкой в их общем деле. Все же он никогда не был только истолкователем и помощником Маркса; он — самостоятельный соратник Маркса, не подобный ему, но равный с ним по силе ума. О том, что Энгельс в начале их дружбы давал в одной существенной области знания больше, чем получал, свидетельствует сам Маркс в письме к Энгельсу двадцать лет спустя: «Ты знаешь, — писал он, — что, во-первых, все у меня приходит поздно и что, во-вторых, я всегда следую по твоим стопам». Энгельс благодаря «легкости своего вооружения» двигался гораздо быстрее; взгляд его был достаточно проницателен, чтобы сразу проникнуть в суть какого-нибудь вопроса или положения, но не настолько глубок, чтобы сразу же обозреть всякие «но» и «однако», которыми осложнены все важные решения. Этот недостаток составляет большое преимущество для людей действия, и Маркс не принимал никаких политических решений, не посоветовавшись с Энгельсом, который всегда умел попасть в точку. Но по этой же причине в теоретических вопросах, с которыми Маркс тоже постоянно обращался к Энгельсу, советы Энгельса были менее плодотворны, чем в политике. Тут Маркс, пишет Меринг, шел всегда впереди своего друга.

В своих рассуждениях Меринг, следует признать, не особенно объективен, он явно пытается показать Маркса более значительным мыслителем, чем Энгельс. При этом он забывает, что именно Энгельс подвел Маркса к концепции материалистического понимания истории. Именно Энгельс почти силком заставил Маркса заинтересоваться пролетариатом и его ролью в историческом процессе, а потом требовал, чтобы Маркс засел, наконец, за свой главный политэкономический труд. «Будь хоть раз менее добросовестен по отношению к своей собственной работе, — советовал Энгельс, — для этой паршивой публики она все еще слишком хороша. Главное, чтобы вещь была написана и вышла в свет; слабые стороны, которые тебе бросаются в глаза, ослы и не заметят»[65]. И здесь возникает вопрос о мотивации Энгельса. Какую цель он преследовал, подталкивая друга к важнейшим открытиям? Невольно складывается впечатление, что бонвиван, гедонист, эпикуреец и жуир Энгельс не хотел обременять себя излишними писательскими трудами и заниматься хитроумными философскими выкладками. Он, как уже отмечалось, работал быстро и в его изложении постановка и описание проблем отличались ясностью и недвусмысленностью, отсутствием необходимости давать дополнительные толкования. Можно напомнить, как быстро в десять дней он написал свою часть «Святого семейства» и как долго писал и несоразмерно много написал в итоге Маркс. Но задача была решена, тогда в 1844 году соавторы по сути сформулировали программу дальнейшей творческой деятельности, вплотную подошли к довольно стройному формулированию теории общественно-экономической формации, где базис, то есть способ производства, выступает определяющей силой по отношению к надстройке, прежде всего к государству и системе права. Очень похоже на то, что эта совместная работа стала для Маркса программной, на всю оставшуюся жизнь определила

[65] Меринг Ф., там же, с. 258.

дальнейший ход его политэкономических и философских размышлений. И разве можно на этом основании подозревать Энгельса в попытке манипулировать Марксом? А если допустить такую возможность, то вновь придется поставить вопрос о цели, которую в этом сотворчестве преследовал Энгельс. Очень похоже на то, что молодой Энгельс уже обладал способностью тонко чувствовать нерв общественных настроений, хорошо различал нюансы взаимоотношений труда и капитала, предвидел неизбежность перерождения партнерских отношений в антагонистические, перерастания экономических стачек в политические революции. Трудно сказать насколько искренне он как представитель класса буржуазии сочувствовал бедственному положению рабочего класса и желал революции социальной. Не стоит забывать, что охота на лис в Англии, которой увлекался Энгельс, — занятие сугубо аристократическое, а не буржуазное, как утверждал Меринг. Оно требует от всадника быстрой реакции, сноровки и хорошего умения держаться в седле, которое достигается годами тренировок, умения преодолевать препятствия, наконец, хорошей лошади, а главное — охота на лис коллективное занятие джентльменов, способных на завершающем этапе охоты изловчиться и выхватить загнанную лисицу из клубка разъяренных гончих или хотя бы клочок шкуры[66]. Лошади у Энгельса были, он даже Марксу писал о том, что «купил новую лошадь». Следовательно, Энгельс обладал определенным социальным статусом в британском высшем обществе и его знакомство с Урквартом, «секретным сотрудником Палмерстона», дает основание составить некоторое представление о том, каким образом этот статус образовался. Нельзя поэтому исключать, что взаимоотношения труда и капитала занимали его, скорее всего, с позиции поиска путей и способов предотвращения социальной революции. И здесь важно обратить внимание на эволюцию взглядов Маркса, которая привела к его столкновению с радикальным крылом «Союза коммунистов». Он перестал ожидать революции «с сегодня на завтра», а убежденно доказывал Виллиху и его сторонникам, что социальная революция будет возможна только тогда, когда производительные силы буржуазного общества достигнут своего высшего предела, и буржуазные отношения превратятся в путы мешающие его дальнейшему развитию. «До достижения апогея этого антагонизма о действительной революции не может быть и речи — указывал Маркс в своей статье в последнем номере «Revue…», — а все попытки затормозить буржуазное развитие следует решительно признать реакционными». Он также указывал, что рабочим придется пройти длинный путь осознания своих классовых интересов и достигнуть такой высоты овладения революционной теорией, когда она неизбежно превратиться в практику. Более того, он подчеркивал, что социальная революция может быть успешной лишь в том случае, если она произойдет во всех странах капитализма одновременно.

После развала «Союза коммунистов» Энгельс преспокойно вернулся в Манчестер, возобновил свою предпринимательскую деятельность и забросил «пролетарскую борьбу», углубившись в изучение языков, военного дела и военной истории. Кстати, его годовой доход на фабрике отца, составлял 100 фунтов стерлингов, то есть был не намного больше того, что зарабатывал Маркс в «New-York Daily Tribune». Правда в 1851 году Энгельс договорился с отцом об уплате ему дополнительно 100 фунтов на представительские расходы. Это были уже вполне приличные деньги, из которых он посылал Марксу периодически 1, 2 или 5 фунтов. Кроме жалованья и денег на представительство Фридрих получал процент от прибыли компании. В середине 1850-х годов это было пять процентов, в конце десятилетия — 7,5 процентов. Так, в 1856 году его часть прибыли за год составила 408 фунтов, в 1860 году — 978 фунтов. В Лондон Энгельс вернулся только в октябре 1870 года, когда продал свою долю в хлопкопрядильне «Эрмен и Энгельс», и когда Маркс втянулся или его втянули в попытки наладить международное сотрудничество рабочих и профсоюзных организаций. Кроме того, в августе Франция

[66] В начале 2000-х годов охоту на лис запретили в Шотландии, а потом в Англии и Уэльсе.

объявила Пруссии войну, в сентябре пруссаки уже окружили Париж и начали его осаду. Стало ясно, что французов ждут большие перемены, а возможно, и новая революция.

Финансовое положение семьи Марксов становилось явно лучше примерно с середины 1850-х годов. Летом 1856 года жена Маркса поехала с тремя дочерями в Трир еще раз увидеться со своей старой матерью, но в живых ее уже не застала. Наследство, оставшееся от матери, было невелико, но все же на долю жены Маркса пришлось несколько сот талеров[67], и, кроме того, вероятно, она еще получила маленькое наследство от шотландских родных. Это дало Марксам возможность переехать осенью 1856 года в маленький домик неподалеку от их излюбленного Хэмпстед-Хита. Они платили за домик 36 фунтов стерлингов в год. «Это поистине княжеская квартира по сравнению с прежними дырами, в которых нам приходилось жить, — писала жена Маркса одной своей приятельнице, — и, хотя все ее устройство обошлось немногим больше 40 фунтов стерлингов, вначале я казалась себе прямо-таки величественной в нашей уютной гостиной[68]. Летом 1864 года Маркс хвастался в письме своему дяде, что заработал 400 фунтов на биржевых спекуляциях. Кроме того, после 1870 года Маркс получал от Энгельса, точнее от хлопкопрядильни «Эрмен» не менее 350 фунтов ежегодно. Таким образом, доходы семьи Марксов, включая подозрительное наследство шотландских родственников прусской дворянки, были не так уж и малы, но «чертовская бесхозяйственность четы Марксов», о которой не раз с досадой говорил Энгельс, каждый раз подрывала семейное благополучие.

[67] В Бауэр, биограф Маркса, описывает расточительность Маркса в книге «Гений и богатство»: «Будучи студентом в Берлине, сынок получал от папы карманных денег 700 талеров в год. Эта сумма была колоссальной, ибо в то время только 5 процентов населения Германии получали более 300 талеров в год».

[68] Меринг Ф., там же, с. 276.

Начало Интернационала

После кризиса 1857 года рабочее движение в Европе начало постепенно оживать. В Англии пробудились тред-юнионы, обеспокоенные неэффективностью стачечного движения в результате завоза штрейкбрехеров с континента. Лидеры тред-юнионов признали необходимость политической борьбы и в качестве первоочередной задачи выдвинули требование избирательной реформы. Они устроили грандиозный митинг в Сент-Джемс Холле, который обернулся бурным протестом против намерений Палмерстона вмешаться в американскую гражданскую войну на стороне южных рабовладельческих штатов. Затем эти же вожди тред-юнионов устроили торжественный прием Гарибальди, когда он приехал в Лондон.

Во Франции рабочие тоже постепенно забывали ужасы подавления революции 1848 года. В 1862 году при поддержке правительства Луи Бонапарта — Наполеона III — в Лондон на всемирную выставку была направлена делегация от рабочих в количестве 200 человек. Император явно хотел заручиться поддержкой пролетариата в своем противостоянии с крупной промышленной буржуазией, поэтому членам делегации по возвращении в Париж было разрешено опубликовать отчеты о поездке, которые часто выходили за пределы чисто деловых вопросов. Стало, в частности, известно, что в Лондоне был устроен «праздник братания» между французскими делегатами и английскими рабочими. Новое Польское восстание 1863 года стало поводом для нового проявления солидарности рабочих. В митинге в поддержку Польши, устроенном английскими рабочими в Лондоне, приняли участие рабочие представители из Франции. Комитет английских рабочих под председательством лидера профсоюза сапожников Оджера составил и направил благодарственный адрес французам[69], особо подчеркнув, что отсутствие организационных связей между пролетариями двух стран позволяет капиталу обходить забастовки, ввозя в Англию иностранных рабочих. Этот адрес вызвал оживленный отклик среди французских рабочих, которые решили направить новую делегацию в Лондон, чтобы, в свою очередь, выразить благодарность английским рабочим за добрые слова и выразить солидарность с польскими повстанцами.

28 сентября 1864 года в Сент-Мартинс Холле состоялся грандиозный митинг английских и французских рабочих, которым руководил профессор Лондонского университета Бизли[70]. Помимо этого присутствовали представители самых различных общественных и революционных организаций, включая мадзинистов, гарибальдистов и пр. Выступавшие высказали горячие слова поддержки Польше, но основными стали требования, обращенные к правительствам европейских государств, прислушиваться к голосу народа во всех важных политических и общественных вопросах. Прозвучали требования сломить деспотическую власть капитала, предотвратить превращение рабочего в механическое орудие, к чему ведет разделение труда, и новое порабощение людей в результате разгула свободной торговли. Большинство выступавших выразили твердое убеждение в том, что без соединения усилий рабочих всех стран добиться ограничения власти капитала — задача невыполнимая. После оживленных прений, в которых от имени немецких рабочих выступил Эккариус, было принято решение создать Меж-

[69] На французский язык адрес перевел профессор Лондонского университета Бизли.

[70] К 1860-м годам английские тред-юнионы быстро превращались в крупные общественные организации, мощные объединенные союзы (объединенное общество механиков в 1851 году, амальгированное общество плотников и столяров в 1859 году, национальный союз горняков в 1863 году). В Лондоне, Глазго и Шеффилде образовались Советы тред-юнионов. С 1861 года начала выходить рабочая тред-юнионистская газета "Beehive" ("Улей"). К 1860 году английская промышленная буржуазия создала свою "великую либеральную партию". В декабре 1863 года видными либералами (Бизли, Гаррисон, Таузенд и др.) была организована "Лига для благоденствия индустриальных классов" ("Universal League for the Welfare of the Industrial Classes"). К активному участию в работе этой лиги были привлечены лидеры тред-юнионов Оджер и др. Лига занималась благотворительностью, буржуазным культурничеством и пропагандой реформ.

дународную ассоциацию трудящихся (МАТ). По предложению одного из лидеров тред-юнионистов Уилера постановили избрать временный комитет с правом кооптации дополнительных членов и поручить ему выработать временный устав интернационального союза, чтобы на следующий год собрать международный конгресс в Бельгии, на котором предполагалось утвердить его окончательную редакцию. В состав комитета вошли многочисленные представители английских тред-юнионов и ряд иностранных представителей. Среди них был и представитель германских рабочих, в газетном отчете он был назван последним — Карл Маркс.

Маркс не принимал участия в подготовке митинга. В последний момент его пригласил француз Ле-Любе[71] как представителя немецких рабочих и предложил ему выступить в качестве оратора, но Маркс выдвинул Эккариуса, предпочтя присутствовать в качестве слушателя и не одобряя «игру в единение». Правда, после митинга он писал Вейдемейеру: «Только что созданный Международный рабочий комитет... не лишен значения. Его английские члены являются по большей части вождями здешних тред-юнионов, т. е. настоящими рабочими королями Лондона; это те самые люди, которые устроили грандиозную встречу Гарибальди и, организовав огромный митинг в Сент-Джемс Холле (под председательством Брайта), помешали Пальмерстону объявить войну Соединенным Штатам, которую он готов уже был начать. Французские члены комитета — незначительные фигуры, но они являются непосредственными представителями руководящих «рабочих» Парижа. Существует связь также и с итальянскими обществами, конгресс которых состоялся недавно в Неаполе. Хотя я систематически в течение ряда лет уклонялся от какого-либо участия во всяческих «организациях», тем не менее на этот раз я принял предложение, так как в данном случае дело идет о такой организации, в которой можно провести большую работу»[72].

Обстоятельства приглашения Маркса на митинг, описанные Рингом, выглядят несколько странно. Непонятно почему, как утверждает Меринг, это приглашение исходило от француза Ле-Любе. Гораздо удобней это было сделать через Эккариуса, старого товарища Маркса по «Союзу коммунистов», близкого к английским тред-юнионам. Как представляется, Меринг хотел таким образом создать впечатление, что ни Оджер, ни Кример, лидеры двух крупнейших британских профсоюзов, и будущие фактические руководители Интернационала, не имели с самого начала намерения видеть в давно им известном Марксе идейного вождя будущей международной организации пролетариата. Иначе говоря, они, вполне возможно, стремились избежать подозрений в том, что организация создавалась специально под Маркса, под его идеи, хотя, следует признать, это не более чем гипотеза, которая невольно возникает под влиянием замечания Меринга по поводу «приглашения от Ле-Любе».

Временный комитет МАТ пополнил свой состав привлечением новых сил и состоял приблизительно из пятидесяти членов; половину их составляли английские рабочие. Затем наиболее многочисленно представлена была Германия — десятью членами, из которых Маркс, Эккариус, Лесснер, Лохнер и Пфендер раньше принадлежали к Союзу коммунистов. Франция имела девять представителей, Италия — шесть, Польша и Швейцария — по два. Временный комитет создал подкомиссию, которой было поручено выработать проект программы и устава. В эту подкомиссию был избран также и Маркс, но ему несколько раз не удавалось присутствовать на заседаниях. В это время он часто болел, а иногда ему, как заметил Эккариус, «просто забывали отправить уведомление». Следует обратить внимание на это тоже довольно странное замечание, которое косвенно подтверждает высказанную выше гипотезу о том, что

---

[71] Ле-Любе (Le Lubez) французский мелкобуржуазный демократ. Преподаватель музыки и французского языка в Лондоне. При основании 1-го Интернационала (1864) вошел в его временный комитет. В 1864—65 годах был секретарем-корреспондентом для Франции. В Интернационале блокировался с враждебными Марксу элементами — мадзинистами и др. — и интриговал против Маркса. В начале 1866 открыто выступил в Интернационале и печати против политики Маркса и Генерального совета. На Женевском конгрессе (1866) был исключен из Интернационала за интриги и клевету.

[72] Меринг Ф., там же, с. 346.

МАТ создавалась под Маркса, но афишировать это обстоятельство было нежелательно. Разработку программы и устава взяли на себя члены подкомиссии — майор Вольф, частный секретарь Мадзини, англичанин Уэстон и француз Ле-Любе. Представленные ими проекты оказались неудачны. Мадзини и его сторонники, несмотря на всю свою большую популярность среди английских рабочих, были слишком мало знакомы с зарождавшимся рабочим движением, классовая борьба пролетариата их не привлекала, они жили своими представлениями о тайных организациях, что прямо противоречило задачам английских профсоюзных лидеров. Кроме того, Международная ассоциация трудящихся замышлялось не столько как новая международная организация или новое движение, она была призвана выступить как механизм связи между уже возникшими в разных странах пролетарскими организациями. По крайней мере, так думали некоторые руководители английских тред-юнионов.

Маркс «взял дело в свои руки», хотя как это произошло точно неизвестно, и составил проект Манифеста к рабочему классу. Такой документ не был предусмотрен решением участников митинга в Сент-Мартинс Холле, но Маркс посчитал, что манифест должен стать программным документом, подвести идеологический фундамент под новую организацию, в которой представлены слишком различные движения и организации. Манифест был призван показать историю рабочего движения после революций 1848 года, показать место рабочего класса в системе современных общественных отношений, убедительно продемонстрировать тенденцию к неуклонному ухудшению материального положения трудящихся на фоне несомненных успехов капиталистической экономики, науки, техники и накопления богатства в руках буржуазии, показать невозможность изменить положение без захвата рабочими политической власти, что требует от рабочих организованности и научных знаний, а также согласованного противодействия захватнической колониальной внешней политике капиталистических государств, играющих на националистических инстинктах и расточающих национальное богатство. В качестве наглядного примера была приведена Россия, которая «завладевает горными крепостями Кавказа и умерщвляет героическую Польшу». По мнению Маркса, это обязывает рабочий класс «проникать в тайны международной политики, следить за дипломатическими проделками правительств, с тем чтобы при всякой возможности, всеми средствами оказывать им противодействие». Высокопарный, местами выспренный стиль манифеста не смутил членов комитета. Он был одобрен с некоторыми дополнениями и уточнениями. Об этом Учредительном манифесте профессор Бизли сказал как-то впоследствии, что он представляет собой, по всем вероятиям, самое сильное и убедительное изложение дела рабочих против буржуазии[73].

Проект устава Ассоциации тоже был выдержан в стиле идеологических призывов, которые сводились к тому, что освобождение рабочего класса должно быть завоевано самими рабочими в совместной борьбе, которая пока оказывалась безуспешной вследствие недостатка солидарности между группами рабочих различных стран. «Освобождение рабочих есть не местная и не национальная, а социальная задача, охватывающая все страны, в которых существует современное общество; оно может осуществиться лишь при планомерном сотрудничестве этих стран», — записано в уставе.

Генеральный Совет, избираемый ежегодным конгрессом из рабочих различных стран, представленных в Ассоциации, стал в соответствии с уставом его руководящим органом в период между конгрессами. На период до первого конгресса полномочия Генерального совета взял на себя избранный в Сент-Мартинс Холле временный комитет. Полномочия Генерального совета ограничивались поддержанием связи между рабочими организациями различных стран, информированием их о положении в рабочем движении в целом и в отдельных странах, сборе статистических данных о положении рабочего класса, вынесением на обсуждение

[73] Меринг Ф., там же, с. 351.

участников Ассоциации вопросов, представляющих общий интерес, организацией совместных единовременных акций в случае международных конфликтов, публикацией отчетов Генерального совета и документов ежегодных конгрессов. Конгресс определял место пребывания Генерального Совета, время и место созыва следующего конгресса. Генеральному Совету было предоставлено право кооптировать в свой состав «полезных товарищей», при необходимости менять место, но не время проведения очередного конгресса. Организациям рабочих разных стран было рекомендовано по возможности образовывать национальные объединения во главе с центральным органом. Маркс рассчитывал, что в рамках Ассоциации удастся объединить все типы национальных рабочих организаций и начать долговременную терпеливую работу по интеллектуальному воспитанию международного рабочего класса, которая сделает возможной его конечную победу в бескомпромиссной классовой борьбе.

Однако вербовка новых членов Ассоциации шла медленно, далеко не все профсоюзные или прудонистские организации поняли и разделяли программу, изложенную в учредительном Манифесте. Кроме того, Марксу было сложно совмещать агитационную деятельность в Ассоциации и научную работу, которая страдала от недостатка времени. Маркс даже хотел отказаться от работы в Ассоциации. Некоторый успех принесло участие Ассоциации в борьбе за реформу избирательного права. В руководящий орган «Лиги реформы», созданной для организованной агитации за реформу избирательной системы, вошли шесть буржуа и шестеро рабочих, все члены Ассоциации, что сразу повысило престиж Ассоциации среди руководителей британских тред-юнионов. Тем не менее назначенный на конец 1865 года конгресс МАТ Маркс считал неподготовленным и опасался больших разногласий между представителями национальных организаций. С большим трудом, особенно вследствие противодействия со стороны французов, ему удалось добиться замены открытого конгресса закрытой предварительной конференцией в Лондоне, на которую созывались только представители руководящих комитетов для подготовки будущего конгресса. Иными словами, Маркс сразу начал нарушать собственноручно написанный устав МАТ.

Лондонская конференция заседала с 25 по 29 сентября 1865 года. На конференции присутствовало более 30 делегатов, представлявших Францию, Бельгию, Германию и Швейцарию. Присутствовали пятеро представителей британских тред-юнионов, а также Маркс и два его помощника Эккариус и Юнг, хотя формально Маркс был всего лишь одним из членов Временного комитета. Конференция занялась прежде всего финансовыми вопросами. Как выяснилось, за первый год удалось собрать менее 33 фунтов стерлингов. Договориться об установлении постоянного членского взноса на конференции не получилось. Было только решено собрать на цели пропаганды и на расходы по устройству конгресса 150 фунтов стерлингов: 80 фунтов — в Англии, 40 — во Франции и по 10 — в Германии, Бельгии и Швейцарии. Таким образом, Англия в лице ее тред-юнионов с самого начала стала основным донором международной рабочей организации.

О положении дел в Англии на конференции отчитался руководитель тред-юниона плотников Кример. Его выступление свелось к жалобам на неготовность членов тред-юнионов принять политические лозунги, хотя постепенно, как он заметил, приходит понимание, что деятельность МАТ направлена на защиту и их интересов. Во Франции, как сообщили Фрибур и Толен, к Интернационалу, как все чаще стали называть Ассоциацию, относятся сочувственно. Кроме Парижа завербованы члены союза в Руане, Нанте, Эльбефе, Кайене и в других местах; продано значительное количество членских карточек с годовым взносом в 1 франк 25 сантимов, но выручка израсходована на устройство парижского центрального бюро и на поездку делегатов в Лондон. Фрибур выразил надежду, что оставшиеся нераспроданными 400 членских карточек все же удастся реализовать. Французы выразили, однако, недовольство противоречившим уставу переносом сроков конгресса, подчеркнув, что это тормозит дело. Они потребовали от Генерального совета реальных дел, чтобы показать эффективность Интернационала и

облегчить привлечение новых членов. Весьма позитивным оказался отчет швейцарца Беккера. Хотя вербовка новых членов велась всего полгода, в Женеве насчитывалось уже до 400 членов, в Лозанне — до 50 и столько же в Вевэ. Ежемесячный членский взнос равнялся 50 сантимам, но, по мнению выступавшего, взнос вполне можно увеличить в два раза — настолько велико понимание членами секции важности поддерживать деятельность Генерального совета. Денег, правда, швейцарцы не привезли — все поглотили путевые расходы. В Бельгии агитация началась всего за месяц до конференции, но удалось завербовать уже до 60 человек. Ежегодный взнос установлен в 3 франка и треть запланировано отчислять на нужды Генерального совета.

Относительного конгресса Интернационала Маркс от имени Генерального Совета предложил созвать его в сентябре или октябре 1866 года в Женеве. Место проведения конгресса возражений не вызвало, но время созыва по энергичному настоянию французов было назначено на последнюю неделю мая. Французы требовали также, чтобы на конгрессе могли присутствовать все, кто предъявит членскую карточку. Для них это было принципиальным вопросом: именно так они понимали всеобщее избирательное право. Только после жестких прений и горячих выступлений Кримера и Эккариуса удалось отстоять принцип делегирования полномочий.

Повестка дня конгресса, разработанная Генеральным Советом, оказалась весьма обширной. Предполагалось обсудить: кооперативный вопрос; сокращение рабочего времени; женский и детский труд; прошлое и будущее профессиональных союзов; влияние постоянных армий на интересы рабочего класса и т. д. Еще один вопрос добавили французы, по их настоянию в повестку внесли: «Религиозные идеи и их влияние на социальное, политическое и духовное движение». Предложение Маркса принять на конгрессе резолюцию о «необходимости сдержать усиливающееся влияние России на Европу путем восстановления — на основе принципа самоопределения наций — независимой Польши на демократических и социалистических основах». Против этого предложения решительно выступили французы, они отказались смешивать политические вопросы с социальными. Кроме того, им показалось нелогичным сдерживать влияние только русского правительства в то время, когда влияние прусского, австрийского, французского и английского правительств являлось не менее опасным с точки зрения интересов трудящихся. Польский вопрос был для Маркса принципиально важен, но только при поддержке английских представителей ему удалось включить его в повестку дня.

Французы, однако, не унимались и в феврале 1866 года выступили с резкой критикой Генерального совета и лично Маркса по польскому вопросу. Маркс не обращал внимания на выпады французов, пока основой Интернационала оставались британские тред-юнионы — он мог чувствовать себя уверенно. Центральной темой деятельности Генерального совета в этот период стала кампания в поддержку реформы избирательного права. На многотысячных митинга, созываемых тред-юнионами, в Лондоне и в других промышленных городах Британии, неизменно выступали представители Генерального совета, что способствовало укреплению отношений между руководством тред-юнионов и МАТ. Конференция представителей всех тред-юнионов, собравшаяся в Шеффилде, постановила: «Выражая свою полную признательность Международной ассоциации трудящихся за ее усилия объединить рабочих всех стран узами братства, конференция рекомендует самым настоятельным образом всем представленным здесь союзам примыкать к этой организации, ибо она убеждена, что это чрезвычайно важно для прогресса и для пользы всего рабочего класса»[74]. Английские профсоюзы потянулись в Интернационал, однако материально положение Генерального совета мало изменилось. Так, союз сапожников, насчитывавший 5 тысяч членов, платил ежегодно пять фунтов, союз плотников с 9 тысячами членов — два фунта, а союз каменщиков с числом членов от 3 до 4 тысяч — всего один фунт. Другие, пользуясь своим правом, не платили вообще.

[74] Меринг Ф., там же, с. 378.

На этом фоне продолжалась подготовка Женевского конгресса Интернационала. Маркс очень боялся провала этого мероприятия и предлагал перенести его на сентябрь-октябрь 1866 года. Французы категорически возражали. Маркс, несмотря на опасность ареста, намеревался сам поехать в Париж, чтобы их уговорить, но вопрос решился сам собой. Женевцы не успели своевременно завершить подготовку конгресса и его пришлось перенести на сентябрь. Маркс, под предлогом необходимости продолжения работы над его главным трудом, ехать в Женеву отказался. Но он позаботился, чтобы конгресс прошел без эксцессов. Он составил памятную записку для лондонских делегатов и умышленно ограничил ее только такими пунктами, «на которые рабочим можно непосредственно согласиться и действовать совместно и которые дают потребностям классовой борьбы и организации рабочих в класс непосредственный материал и толчок»[75]. Однако особенно тщательно Маркс разработал в записке польский вопрос. «Европейские рабочие, — писал он, — должны поднять этот вопрос особенно потому, что правящие классы, несмотря на свое показное увлечение всевозможными национальностями, в действительности угнетают их, а также и потому, что аристократия и буржуазия всегда рассматривали мрачную азиатскую державу в тылу как последнее прибежище против наступательного движения рабочего класса. Эту державу можно обезвредить только путем восстановления Польши на демократической основе. От этого зависит, останется ли Германия лишь форпостом Священного союза или сделается союзницей республиканской Франции. Рабочее движение будет постоянно тормозиться, прерываться и задерживаться, пока не будет разрешен этот великий европейский вопрос».

В качестве представителей Генерального Совета в Женеву поехал его председатель Оджер, генеральный секретарь Кример, а также Эккариус и Юнг, помощники Маркса, на рассудительность которых он мог положиться. Конгресс заседал с 3 по 8 сентября под председательством Юнга и при участии шестидесяти делегатов, представлявших различные европейские секции Интернационала и ассоциированные рабочие организации. Атмосферу Женевского конгресса через много лет очень ярко одним словом охарактеризовал один из его германских участников: «Неразбериха!». В официальных газетных отчетах о конгрессе преобладали более приличные выражения. Французы обладали примерно третью мандатов и их выступления на заседания преобладали. Французам удалось протащить в постановления конгресса множество тезисов Прудона, которые «уродовали выработанную Марксом с таким трудом программу конгресса». Но все же он остался доволен общим ходом конгресса.

Только в одном пункте Маркс встретил отпор, который должен был ощущаться им особенно чувствительно, — в польском вопросе. Англичане энергично выступили в защиту предложения Маркса, французы же и часть романских швейцарцев не менее активно возражали ему. Избежать открытого раскола удалось только благодаря уклончивой формуле, предложенной одним германским делегатом: «Интернационал высказывается против всякого насильственного господства: поэтому он и стремится устранить империалистическое влияние России и восстановить Польшу на социал-демократической основе»[76]. Документального подтверждения этого утверждения Ф. Меринга найти не удалось. В официальных документах Женевского конгресса, опубликованных самим Генеральным советом в том же 1866 году, нет такой резолюции и вообще не содержится упоминания о Польше и необходимости противодействовать Российской империи.

В целом Женевский конгресс Интернационала выполнил программу Маркса. Временный устав был утвержден с небольшими изменениями; Учредительный манифест даже не обсуждался, но с этого времени приводился во всех постановлениях и декларациях Интернационала как официальный документ. Генеральный Совет был переизбран практически в прежнем

[75] Меринг Ф., там же, с. 379.

[76] Меринг Ф., там же, с. 381.

составе, и местонахождением его остался Лондон. Совету было поручено собрать подробные статистические сведения о положении международного рабочего класса и, насколько позволят его средства, составлять отчеты обо всем, что может интересовать Международную ассоциацию трудящихся. Для покрытия расходов Совета на каждого члена Ассоциации был в виде исключения наложен на следующий год особый налог в 30 сантимов; в качестве же постоянного ежегодного взноса в кассу Генерального Совета конгресс предлагал взимать пенс или полпенса помимо платы за членскую карточку.

Среди программных резолюций конгресса на первое место были вынесены вопросы о законах по охране труда и о профессиональных союзах. Конгресс потребовал от национальных секций во что бы то ни стало добиваться принятия законов об охране труда. «Требуя таких законов, рабочий класс отнюдь не укрепляет власти правительства. Наоборот, власть, которой теперь пользуются против него, он превращает в свое орудие». С помощью такого закона рабочий класс достигнет того, что было бы тщетно пытаться установить путем изолированных усилий отдельных лиц. Относительно профессиональных союзов конгресс постановил, что их деятельность не только целесообразна, но и необходима. Они являются тем средством, при помощи которого пролетариат может противопоставить концентрированной социальной власти капитала единственную социальную силу, которой он обладает, — именно свою численность. Пока будет существовать капиталистический способ производства, профессиональные союзы необходимы.

Примечательно, что документы Женевского конгресса были направлены в Лондон с нарочным с целью избежать проблем с французской полицией, но на границе они были конфискованы. Британский Форин офис немедленно вмешался и французам пришлось возвратить документы представителям Генерального совета.

В духе резолюции о профсоюзах Маркс вскоре после Женевского конгресса предпринял попытку подчинить Интернационалу британские тред-юнионы. В середине октября 1866 года он писал своему старому другу Кугельману: «Лондонский совет английских тред-юнионов (его секретарь — наш президент Оджер) обсуждает в настоящее время вопрос о том, объявить ли ему себя Британской секцией Международного товарищества[77]. Если он это сделает, то руководство рабочим классом перейдет здесь, в некотором смысле, к нам, и мы в состоянии будем сильно толкать движение вперед». Но совет тред-юнионов не пошел на это, он решил сохранить свою самостоятельность. Более того, он отклонил предложение Маркса допустить к участию в заседаниях совета тред-юнионов представителя Интернационала «в целях более тесной координации забастовочной борьбы». Британские тред-юнионы явно не хотели становиться «рукой Интернационала» в Британии, но с готовностью предполагали участвовать в его международной деятельности.

[77] Так тоже часто называли Интернационал.

«Капитал»

Отказ Маркса от участия в Женевском конгрессе можно отчасти оправдать работой над главным трудом его жизни. Труд был закончен в конце 1865 года. Это была огромная рукопись. Она была настолько огромна, как писал Меринг, что даже Энгельс не смог бы подготовить ее к печати. С января 1866 по март 1867 года Маркс «отсекал» от нее все лишнее пока не образовался первый том «Капитала», на который Маркс возлагал громадные надежды, он рассчитывал, наконец, добиться признания в обществе и поправить свое материальное положение. О своих надеждах он с восторгом писал Энгельсу. Увы, при жизни Маркса лишь немногие читатели смогли одолеть его сложнейшие политэкономические выкладки. Только в России перевод «Капитала», опубликованный в 1872 году, получил признание со стороны разночинной интеллигенции и революционеров всех родов. Русская цензура разрешила издание перевода с нижеследующей мотивировкой: «Хотя автор по своим убеждениям законченный социалист и вся книга обнаруживает совершенно определенный социалистический характер, однако, принимая во внимание, что изложение ее не может быть названо доступным для всякого и что, с другой стороны, оно обладает формой научно-математической аргументации, комитет признает, что преследование этой книги в судебном порядке невозможно». За март-май того года в России было продано более тысячи экземпляров книги из трехтысячного тиража. Сам Маркс, оценивая позднее главный труд своей жизни, полагал, что ему следовало начинать анализ не с товара и закона стоимости, а с финансового капитала.

Вскоре после русского последовал перевод «Капитала» на французский. Маркс сам его редактировал. Примечательно, что современники находили в «Капитале» совершенно неожиданные и весьма несходные темы. Большинству, как писал Меринг, диалектический метод был действительно непонятен. Это обнаруживалось, между прочим, в том, что даже люди, не лишенные лучших намерений, а также и экономических знаний, лишь с трудом разбирались в книге Маркса. И напротив, люди, весьма мало подкованные в экономике и более или менее враждебные коммунизму, но некогда хорошо усвоившие диалектику Гегеля, отзывались о книге Маркса с большим воодушевлением. В 1867 году появился первый отзыв «специалиста». Таковым был Евгений Дюринг. Он написал рецензию на книгу Маркса в «Приложениях» к словарю Мейера, не уловив при этом, по мнению Маркса, новизны главных элементов содержания «Капитала». Людвиг Фейербах оценил не столько диалектику Маркса, сколько то, что «книга изобилует интереснейшими, неоспоримыми, хотя и ужасными фактами». Поэт и финансист Фрейлигрaт считал «Капитал» замечательным учебником для коммерсантов. «Я знаю, что на Рейне многие купцы и фабриканты очень восхищаются «Капиталом», — писал он Марксу. В Англии «Капитал» не заметили. О нем появился только краткий отзыв в журнале «Saturday Review» («Субботнее обозрение»), который с одобрением отозвался об изложении, сообщив, что сухие политико-экономические вопросы приобретают у Маркса своеобразную привлекательность. Более подробная статья, написанная Энгельсом для «Fortnightly Review» («Двухнедельного обозрения»), была отклонена редакцией, как «слишком сухая». Английского перевода, от которого Маркс ждал столь многого, он при жизни так и не дождался.

Снова Интернационал

Второй конгресс Интернационала проходил в Лозанне с 2 по 8 сентября 1867 года. В июле в ходе подготовки конгресса Генеральный Совет издал обращение, в котором сообщил о дате и месте проведения конгресса, а также дал обзор деятельности МАТ за третий год его существования. Обзор состоял в основном из жалоб на различные обстоятельства, мешающие пропаганде и популяризации рабочего движения. В Германии социальные вопросы отошли на задний план на фоне резкой активизации движения за объединение германской нации. Во Франции, несмотря на поддержку Интернационалом парижских забастовщиков, МАТ не пользовалась популярностью. В Англии рабочие увлеклись избирательной реформой и упустили из виду экономическое движение. Относительно благополучно обстояли дела в Швейцарии где движения продолжало развиваться. В Бельгии после кровавой расправы с бастовавшими угольщиками также наблюдался рост числа сторонников МАТ. В США, как указывалось в обращении, рабочие в некоторых штатах добились установления 8-часового рабочего дня.

В обращении был определен порядок направления делегатов на конгресс. Каждая секция получила право направить в Лозанну по одному делегату. Секции с числом членов более 500 могли направить по одному делегату от каждых пяти сотен членов. Программа конгресса оказалась расплывчатой и откровенно бестолковой. Судя по всему, Маркс, занятый изданием первого тома «Капитала», не принимал участия в ее составлении и редактировании. Предлагалось обсудить два вопроса: 1) «какими практическими средствами Интернационал рабочего класса может создать общий центр для освободительной борьбы рабочих? и 2) каким способом рабочий класс может использовать для своего освобождения кредит, который он оказывает буржуазии и правительству?»[78].

Со своим проектом программы конгресса выступили французские прудонисты. Они включили в нее такие вопросы, как взаимопомощь как основа общественных взаимоотношений, равенство во взаимных услугах, кредит и народные банки, учреждения взаимного страхования, положение мужчины и женщины по отношению к обществу, коллективные и индивидуальные интересы, государство как блюститель и защитник права, уголовное право и еще десяток других подобных же вопросов.

Генеральный совет на Лозанском конгрессе представляли Эккариус и инструментальный мастер Дюпон, секретарь-корреспондент для Франции, который в отсутствие Юнга председательствовал на заседаниях. Присутствовал 71 делегат. Больше пятидесяти делегатов представляли французов и романских швейцарцев. Как и следовало ожидать, в отсутствие четкой программы конгресс превратился в перепалку между франкофонскими прудонистами с их требованиями отказа от стачечной борьбы как безнравственной и незаконной, с одной стороны, английскими и немецкими сторонниками политической борьбы за экономические интересы рабочего класса и общественной собственности на средства производства — с другой, а также сторонниками отказа от политической борьбы за установление господства рабочего класса, будущими анархистами-бакунинцами, — с третьей. Стоит ли удивляться, что в резолюциях конгресса соседствовали тезисы о том, что «социальное освобождение трудящихся неотрывно от их политического освобождения», с требованиями огосударствления средств транспорта и обращения, с утверждениями о том, что стачечная борьба профсоюзов представляет собой средство борьбы за построение общества будущего, а прудонисты требовали отказаться от стачек вообще. В условиях надвигающейся военной грозы между Пруссией и Францией лишь вопрос об участии делегатов МАТ в первом конгрессе Лиги мира и свободы не вызвал больших разногласий.

[78] Меринг Ф., там же, с. 416.

Конгресс избрал Генеральный Совет и оставил его местопребыванием Лондон. Был установлен годовой взнос членов МАТ в размере 10 сантимов, или в 1 грош, и обусловлено право посылки делегатов на ежегодные конгрессы своевременной уплатой членских взносов.

Лозанский конгресс оказался таким образом большой неудачей, он ознаменовал начало времени острой борьбы внутри Интернационала. Энгельс считал, что все решения, принятые в Лозанне, не стоят и выеденного яйца, важно только, что Генеральный Совет остался в Лондоне. Странным образом этот неудавшийся конгресс вызвал в правительственных кругах европейских государств гораздо больше интереса, чем предшествующий. Так, английская пресса во главе с «The Times» живо интересовалась Лозаннским конгрессом, в то время как на первый конгресс она не обратила никакого внимания. Примечательно, что корреспонденции для «The Times» о ходе конгресса готовил помощник Маркса — Эккариус.

Ирландский вопрос

Сразу после Лозанского конгресса обострился ирландский вопрос. В Лондоне несколько вооруженных ирландцев напали на полицейскую карету, перевозившую арестованных борцов за независимость Ирландии. Арестованные были освобождены, полицейские убиты. Нападавших не задержали, но арестовали других ирландцев, трое из них были преданы суду и несмотря на отсутствие прямых улик — повешены. В декабре того же года ирландцы устроили взрыв у стен тюрьмы в Лондоне. Двенадцать человек были убиты на месте, многие были ранены. «Ирландское дело» произвело глубокое впечатление на население страны, а после взрыва настроения стали почти что паническими.

Генеральный совет МАТ не смог остаться в стороне. Под влиянием Маркса он встал на сторону Ирландии, хотя логика Маркса была непроста для восприятия. Важнейшей задачей Интернационала, по его мысли, является ускорение социальной революции в Англии как мировой столице капитала, но это станет возможно тогда, когда английская земельная аристократия и буржуазия лишаться возможности отвлекать английский пролетариат от политической борьбы, натравливая английских рабочих на ирландских. Ирландцы, потеряв свои земельные наделы, вынуждены массово переселяться в Англию, наниматься на заводы и фабрики, конкурируя с англичанами. Дешевая рабочая сила из Ирландии с неизбежностью ведет к снижению заработной платы английских рабочих, в результате отношение английских рабочих к ирландцам ничуть не лучше, чем отношение белых рабочих в Америке к неграм. Таким образом, освобождение английского рабочего класса, от которого в свою очередь зависело и освобождение европейского пролетариата, имеет своей необходимой предпосылкой освобождение ирландцев, а для этого необходима национально-освободительная революция в Ирландии. Простые ирландцы ведут вооруженную борьбу против своих лендлордов, которые в этой стране выступают не как официальные представители нации, как это сложилось в Британии, а как жестокие угнетатели, сгоняющие ирландских фермеров с их земель в целях укрупнения собственных хозяйств. Однако эта борьба будет безуспешной до тех пор, пока ирландские лендлорды, среди которых преобладают англичане, будут иметь возможность опираться на поддержку английской армии и полиции. Как только английская армия и английская полиция уйдут из Ирландии, там немедленно произойдет революция и Ирландия обретет национальную независимость. Поэтому Интернационал, как утверждал Маркс, должен повсюду открыто становиться на сторону Ирландии, и обязанность Генерального Совета состоит, в частности, в том, чтобы пробуждать в английском рабочем классе сознание, что национальное освобождение Ирландии является для него вовсе не вопросом отвлеченной справедливости и гуманности, а первым условием его собственной социальной эмансипации[79].

Над этой задачей Маркс работал и в последующие годы с исключительной энергией. Как в разрешении польского вопроса он видел рычаг для ниспровержения русского господства, так ирландский вопрос был для него рычагом для ниспровержения английского мирового господства. Кстати, со времени Женевского конгресса польский вопрос исчез из повестки дня Интернационала. После казни трех ирландских повстанцев Генеральный Совет отправил петицию английскому правительству и организовал в Лондоне ряд публичных митингов для защиты прав Ирландии. Вполне естественно, что подобная позиция Интернационала не могла вызывать удовольствия у английского правительства, однако лично Маркс и Интернационал как организация преследованиям не подверглись.

[79] Меринг Ф., там же, с. 419.

Третий конгресс Интернационала

Подготовка III конгресса Интернационала происходила на фоне активизации стачечной борьбы по всей Европе, вызванной последствиями глубокого экономического кризиса 1866 года, при заметной активизации контактов между рабочими организациями различных государств. Генеральный совет МАТ стремился советом и делом способствовать победам стачечников, призывая трудящихся проявлять интернациональную солидарность. Интернационалу удалось лишить буржуазию эффективного инструмента в виде «импорта иностранных рабочих», при помощи которого она привыкла бороться со стачечным движением. Национальные секции Интернационала защищали преследуемых рабочих, разоблачали в прессе и на публичных собраниях ужасы эксплуатации работников, оказывали поддержку семьям погибших и раненых стачечников, когда случались эксцессы со стороны полиции, а также обеспечивали судебную защиту арестованным. Эта деятельность Интернационала оказалась чрезвычайно полезной и создала ему общеевропейскую репутацию, которая в известной мере превышала действительно приобретенную им силу. Тем не менее среди европейских предпринимателей при урегулировании трудовых конфликтов с забастовочными комитетами распространился обычай требовать от рабочих организаций выхода из Интернационала.

III конгресс Интернационала проходил с 6 по 13 сентября 1868 года в Брюсселе. Он был многолюднее — свыше ста делегатов, чем какой-либо из прежних или позднейших конгрессов, и все же носил ярко выраженный местный характер. Более половины его членов составляли бельгийцы, около одной пятой — французы. Среди одиннадцати английских делегатов было шесть представителей Генерального Совета. Наряду с Эккариусом, Юнгом, Лесснером здесь находился также и тред-юнионист Лекрафт. Швейцарцев было только восемь человек, немцев — всего три. Италия и Испания прислали по одному представителю.

Брюссельский конгресс подтвердил важность стачечной борьбы рабочего класса, указав при этом, что «стачка не является средством полного освобождения рабочего». По предложению бельгийца Де Папа конгресс принял резолюцию о том, что «в правильно организованном обществе каменоломни, угольные копи и другие рудники, а также железные дороги должны принадлежать всему обществу, т. е. построенному на началах справедливости государству будущего, и что до наступления этого эксплуатацию их следует передать рабочим товариществам с необходимыми гарантиями соблюдения общих интересов». В резолюции подчеркивалось, что экономическое развитие общества при капитализме неизбежно ведет к победе крупного производства и что это развитие при сохранении частной собственности на орудия и средства труда идет исключительно на пользу капиталистам. Эта резолюция, также как и резолюция относительно стачек, была направлена против прудонистов, которые отстаивали тезис о необходимости сохранения частной собственности, пытались доказать возможность коренного улучшения положения мелких производителей города и деревни в рамках капитализма при условии, если ремесленники и крестьяне, получив кредит и землю, смогут непосредственно обмениваться между собой продуктами своего труда.

В резолюции о положении сельского пролетариата было отмечено, что «условия производства и применение научных достижений в агрономии требуют перехода к крупному земледельческому хозяйству, что невозможно без широкого применения машин и коллективной организации труда». Земли и леса должны быть с соблюдением гарантий общественных интересов переданы в общегосударственную собственность и предоставлены для эксплуатации обществам земледельцев.

Конгресс самым энергичным образом заявил свой протест против войны. Он призвал все секции Ассоциации и все рабочие общества сделать все возможное для того, чтобы воспрепятствовать войне народа против народа, которая «сегодня может быть расценена только как война

гражданская, поскольку, натравливая производителей друг на друга, она является лишь борьбой между братьями и гражданами». Конгресс рекомендовал всем трудящимся немедленно прекращать любую работу в случае начала военных действий.

Конгресс отметил выдающееся значение марксова «Капитала» для рабочего класса и рекомендовал рабочим взяться за его изучение в интересах скорейшего повышения сознательности рабочего движения.

Важным последствием брюссельского конгресса Интернационала во Франции и Бельгии стал переход руководящей роли в рабочем движении к левым прудонистам, сторонникам коллективной собственности на орудия и средства производства. Коллективисты признали необходимость политической борьбы рабочего класса и важную роль стачек. Но по сути они остались на позициях мелкой буржуазии.

Маркс, по его собственному заявлению, не принимал никакого участия в составлении резолюций, принятых в Брюсселе, но в целом он был доволен. Особое удовольствие он получил от брюссельской резолюции, в которой ему была выражена благодарность от имени рабочего класса за его научный труд, а также от того, что все обвинения со стороны французской секции в Лондоне по поводу авторитаризма Генерального Совета были конгрессом отвергнуты. Резолюцию по поводу возможности предотвращения войн посредством «стачки народов» Маркс назвал «ерундой».

Базельский конгресс МАТ

Очередной, четвертый конгресс Интернационала собрался в Базеле 5 и 6 сентября 1869 года в условиях быстрого роста рабочего движения в большинстве европейских государств. Хотя на конгрессе присутствовало всего 78 членов, он выглядел гораздо более интернациональным, чём прежние конгрессы: на нем были представлены девять стран. От Генерального Совета присутствовали Эккариус и Юнг и еще два влиятельных представителя тред-юнионов — Эпплгарт и Лекрафт. Французская федерация прислала 26 делегатов, Бельгия — 5, Германия — 12, Австрия — 2, Швейцария — 23, Италия — 3, Испания — 4 и Северная Америка — 1. Михаил Бакунин, принятый в Интернационал еще на предыдущем конгрессе как глава одной из секций женевской федерации Интернационала, созданной им в 1868 году на базе распущенного «Международной альянса социалистической демократии»[80], имел еще и итальянский мандат. Председательствовал на заседаниях конгресса опять Юнг.

На Базельском конгрессе были подведены итоги пятого года существования Интернационала. Это был самый оживленный из всех пережитых годов. Он ознаменовался многочисленными «партизанскими стычками между капиталом и трудом», стачками, о которых все больше и больше говорили среди имущих классов Европы, считая, что они вызваны не бедственным положением пролетариата и не деспотизмом капитала, а тайными происками Интернационала, и не только говорили. Даже в Англии дело дошло до кровавых столкновений между бастующими углекопами и войсками. Кроме того, ни один рабочий не смог воспользоваться возможностями, которые предоставлял новый избирательный закон. Все это вынудило тред-юнионы активизировать свою деятельность. На годовом конгрессе тред-юнионов в Бирмингеме в 1869 году профсоюзные лидеры самым настойчивым образом приглашали организованных рабочих королевства примкнуть к Интернационалу.

Из теоретических вопросов, которыми должен был заняться конгресс, первое место занимали вопросы об общественной собственности на землю и о наследственном праве. Дискуссия разгорелась только по второму вопросу. Бакунин, предложивший этот вопрос еще на предыдущем конгрессе как теоретический вызов Марксу, возражал против положений доклада Генерального совета, в соответствии с которыми право наследования отомрет само собой по мере упразднения тех институтов, которые предоставляют отдельным лицам право присваивать себе плоды труда многих других людей. Он утверждал, в частности, что без упразднения права наследования нельзя добиться общественной справедливости и усматривал в этом практическую задачу Интернационала. Был представлен доклад комиссии, созданной специально для рассмотрения этого вопроса. Комиссия предложила выставить отмену права наследования как основное требование рабочего класса и Интернационала. При голосовании проектов Бакунина и Генерального совета ни один не набрал абсолютного числа голосов, но за проект Бакунина

[80] «Международный альянс социалистической демократии» — парамасонская организация была создана Бакуниным в интересах революционной деятельности. В планах Бакунина Маркс усмотрел попытку подменить собой Интернационал. Бакунину было отказано в слиянии организаций. По существу мотивировка отказа сводилась к тому, что существование второй международной корпорации, действующей как внутри Интернационала, так и вне его, было бы самым верным средством разрушения самого Интернационала. По настоянию Маркса Альянс был распущен и преобразован в секцию женевской федерации Интернационала, однако, как утверждают, Альянс тайно продолжал действовать. Взгляды Маркса и Бакунина на революцию существенным образом различались. Оба они видели быстрое приближение революции, но Маркс, изучавший рабочее движение в Англии, Франции и Германии, видел именно в крупнопромышленном пролетариате ядро революционной армии. Бакунин же рассчитывал на воинствующую толпу деклассированной молодежи, на крестьянские массы и даже на люмпен-пролетариат. Сторонники Уркварта распространяли слухи о том, что Бакунин является агентом русского правительства. Статья в одной из лондонских газет с этими измышлениями была помещена за подписью Маркс — однофамильца Карла Маркса. Статья вызвала охлаждение между Марксом и Бакуниным. Позднее эти измышления были опровергнуты и отношения Маркса и Бакунина вроде бы восстановились.

проголосовало 32 делегата при 23 голосах «против», а за доклад Генерального совета, то есть за проект Маркса, было подано только 19 голосов при 37 «против». Бакунин торжествовал.

Базельский конгресс вызвал как в буржуазном, так и в пролетарском мире еще более живой отклик, чем предшествовавшие ему. Буржуазные наблюдатели «наполовину с ужасом, наполовину со злорадством» констатировали выявившийся, наконец, коммунистический характер Интернационала. В пролетарской среде решения конгресса об общественной собственности на землю вызвали подъем настроений. В Лондоне на большом митинге была учреждена Лига земли и труда. В созданном комитете заседали десять членов Генерального Совета, и ее лозунгом стало требование: «Земля — народу!».

Но внутри Интернационала назревали тревожные перемены. После базельского конгресса началась травля Бакунина, снова всплыли обвинения в том, что он агент русского правительства. Бакунину пришлось защищаться, он написал очень большую статью, в которой обвинил малоизвестных в Интернационале функционеров Боркгейма и Гесса в организации его травли, выступить открыто против Маркса он не решился, хотя не скрывал в своем окружении, что главным зачинщиком полемики считает Маркса.

Маркс неожиданно затеял склоку. Он послал «конфиденциальное послание» товарищам в Германию, которое содержало ряд обвинений в адрес Бакунина. Маркс обвинил Бакунина в том, что он сначала пытался пробраться в Лигу мира и свободы, но там зорко следили за «подозрительным русским». После того как он провалился в этой Лиге со своими «программными нелепостями», он примкнул к Интернационалу, чтобы превратить его в орудие достижения своих личных целей. Для этого он основал Альянс социалистической демократии, а затем, когда Генеральный Совет отказался признать его, он объявил его распущенным; однако фактически Альянс продолжал существовать под руководством Бакунина, который старался достигнуть своей цели другим путем: он добился включения в программу Базельского конгресса вопроса о наследовании, чтобы одержать теоретическую победу над Генеральным Советом и тем самым подготовить почву для перевода Генерального Совета в Женеву. Но затея, по словам Маркса, провалилась. Досадуя на неудачу — а с успехом этого дела Бакунин, может быть, связывал личные финансовые планы — он якобы организовал безосновательную кампанию критики в женевской газете «Egalite» против Генерального совета, упрекая его в авторитаризме, в отказе создать Английский федеральный совет с целью подчинить себе напрямую английских пролетариев.

Маркс прямо обвинил Бакунина в том, что он «задумал пролезть в руководители европейского рабочего движения, отрекся от Герцена, своего старого друга и учителя», однако после его смерти принялся расхваливать его, рассчитывая завладеть фондом в 25 тысяч франков, который Герцен якобы ежегодно получал от «сочувствующей ему псевдосоциалистической панславистской партии в России». Благодаря своим хвалебным гимнам Бакунин, как утверждал Маркс, получил в свое распоряжение эти деньги, а следовательно и «наследство Герцена», — несмотря на всю ненависть к институту наследования...». Свое письмо Маркс завершил сообщением о том, что «в Женеве образовалась колония молодых русских эмигрантов, состоявшая из честно относящихся к своим убеждениям студентов. Борьба с панславизмом была главным пунктом их программы. Они, по словам Маркса, хотели войти в Интернационал как его ветвь и выставили пока своим представителем в Генеральном Совете Маркса; оба эти предложения были приняты. Вместе с тем они заявили, что в ближайшем будущем сорвут маску с Бакунина, так что скоро игра этого в высшей степени опасного интригана будет раскрыта — по крайней мере в рамках Интернационала»[81].

Трудно понять, какие соображения толкнули Маркса на подобный весьма сомнительный демарш, тем более, что многие в его окружении отмечали недостоверность сведений,

[81] Меринг Ф., там же, с. 456.

использованных Марксом против Бакунина в его «конфиденциальном письме». Уже тогда было известно, что никакой «сочувствующей ему <Герцену> псевдосоциалистической панславистской партии в России» не было, и никаких денег он из России не получал. Источником сведений о Бакунине, которые Маркс использовал в письме немецким товарищам, был некто Николай Утин, человек откровенно сомнительной репутации. Об Утине говорили, что он, будучи сыном богатого откупщика питейных сборов, в 1860-х годах участвовал в студенческих волнениях и был вынужден бежать за границу, но потом одумался и предложил свои услуги III отделению Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. После ухода Бакунина с поста редактора газеты «Egalite», и развала ее редакционной коллегии, Утин возглавил газету. Именно он, а не Бакунин, стоял за статьями газеты, направленными против Генерального совета. Как бы то ни было, ему удалось столкнуть Маркса с Бакуниным, а последовавшая борьба в руководстве МАТ стала одной из важнейших причин развала первого Интернационала. Судя по всему, заслуги Утина по достоинству оценили в Петербурге. Ему было позволено вернуться в Россию и во время Русско-Турецкой войны 1877-78 годах он заметно пополнил отцовское «водочное наследство» капиталами, заработанными на поставках для русской армии.

Парижская Коммуна

Все планы Интернационала спутала Франко-прусская война. Очередной конгресс пришлось отложить. Луи Наполеон, он же император Наполеон III, потерпел жестокое поражение под Седаном, в результате которого оказался в германском плену. Во Франции была восстановлена республика, правительство возглавил непотопляемый Адольф Тьер. Экономика в результате войны была разрушена, в Париже скопилась масса безработных, большинство выживали, вступая в Национальную гвардию, бойцам которой платили жалованье и выдавали продуктовый паек. Попытки новой республиканской власти сократить, а потом и вовсе упразднить Национальную гвардию привели к столкновению с остатками регулярной армии, а в марте 1871 года в Париже вспыхнуло восстание, в городе возникла Коммуна — революционное правительство, опиравшееся главным образом на парижский пролетариат. Маркс открыто говорил о парижском восстании, как о деле «нашей партии». Хотя члены Интернационала составляли меньшинство в составе Совета Коммуны — только 19 человек из 78 членов Совета Коммуны, то есть примерно четверть руководящего состава[82], — из них вышла большая часть самых дельных администраторов Коммуны. Особенно выделялись Варлен, Малон, Франкель и Вальян, которые оказались не только сильными теоретиками революции, но и крупными организаторами-управленцами. Поэтому высказывания Маркса о Коммуне как о «деле нашей партии» звучат вполне обоснованно, правда потом его биографам и историкам Коммуны пришлось приложить немало усилий, чтобы «замазать» реальную роль Интернационала в подготовке парижского восстания и в руководстве Парижской Коммуной. Скрыть факты оказалось очень трудно и Интернационал еще долго воспринимался в Европе как одиозная подстрекательская организация, но работа по сокрытию роли Интернационала была проделана огромная, и в наши дни только по некоторым косвенным признакам и немногочисленным «не замазанным» фактам можно проследить деятельность Интернационала, Маркса и Энгельса в тот период.

Так, уже в период Франко-прусской войны Марксу, по замечанию Меринга, несмотря на проблемы со здоровьем «пришлось взять на себя почти всю международную корреспонденцию Генерального Совета, так как большинство его членов уехали в Париж. 14 сентября он жаловался в письме своему другу Кугельману, что никогда не ложится спать раньше трех часов ночи. Он надеялся, однако, на облегчение, по крайней мере в будущем, ввиду того что Энгельс как раз в эти дни на длительное время переселился в Лондон»[83]. На самом деле Энгельс, как уже отмечалось, переселился в Лондон в октябре 1870 года, когда Париж уже был осажден прусской армией и стало ясно, что французов ожидают бурные внутриполитические события.

По собственному признанию Маркса, за те 72 дня, что просуществовала Коммуна он написал несколько сот писем «в защиту дела коммунаров», но удивительным образом сохранилось буквально 2-3 письма того периода. Невольно возникает подозрение, что подобное отношение к переписке Маркса объясняется не небрежностью или нерадивостью, что вообще трудно представить в организации работы канцелярии международной организации, а сознательным уничтожением архива того периода. Восстановить содержание этих писем, конечно, невозможно, но можно представить их тематику по тому немногому, что каким-то чудом сохранилось. Вот, например, ответ делегата (руководителя) департамента общественных работ Коммуны Лео Франкеля от 25 апреля 1871 года на несохранившееся письмо Маркса: «Я был бы очень рад, если бы Вы согласились как-нибудь помочь мне советом, ибо я теперь, можно сказать, один и несу ответственность за все реформы, которые я хочу провести в департаменте

[82] Меринг Ф., там же, с. 477.

[83] Меринг Ф., там же, с. 474.

общественных работ…»[84]. Напротив, утрачено письмо, написанное Марксу Франкелем и Варленом, но сохранился ответ Маркса от 13 мая, то есть написанный за несколько дней до падения Коммуны: «Я виделся с подателем письма. Не следовало ли бы спрятать в безопасном месте документы, компрометирующие версальских каналий? Подобная мера предосторожности никогда не помешает. Мне писали из Бордо, что на последних муниципальных выборах было избрано четыре члена Интернационала. В провинции начинается брожение. К несчастью, движение носит слишком местный и «мирный» характер. Я написал в защиту вашего дела несколько сот писем во все концы света, где существуют наши секции. Впрочем, рабочий класс был за Коммуну с самого ее возникновения. Даже английские буржуазные газеты отказались от своего первоначального злобного отношения к Коммуне. Время от времени мне даже удается контрабандным путем помещать в них сочувственные заметки. Коммуна тратит, по-моему, слишком много времени на мелочи и личные счеты. Видно, что наряду с влиянием рабочих есть и другие влияния. Однако это не имело бы еще значения, если бы вам удалось наверстать потерянное время»[85].

Даже эти предельно сжатые отрывки дают возможность представить в какой обстановке в это время жил и работал Маркс. Во-первых, у него была налажена надежная почтовая связь через нарочных с руководством Коммуны. В этом совершенно определенно прослеживается аналогия с практикой работы «штаба» Великой французской революции, организованного шефом частной британской разведслужбы лордом Шелбёрном в его имении в Бовуде, которым руководил Иеремия Бентам. Бентам непрерывно получал оперативную информацию из Парижа, анализировал ее, формулировал тактические рекомендации и рассылал указания своим многочисленным корреспондентам в Париже, которые находились, в том числе, в окружении лидера революции, графа Мирабо[86]. Во-вторых, весьма симптоматичен переезд Энгельса на длительное время в Лондон незадолго до возникновения Коммуны. Как уже отмечалось, «Генерал», как называли Энгельса в кругах Интернационала, был крупным специалистом в области военного искусства и политической тактики. Без него Маркс никогда не принимал важных практических решений, ограничиваясь исключительно теорией, поэтому переезд Энгельса в Лондон «на длительное время» символичен и показателен: скорее всего, он разъяснял Марксу, а тот коммунарам политическую тактику и тактику вооруженной борьбы. Другое дело — как коммунары выполняли советы Энгельса. В-третьих, Лео Франкель и Эжен Варлен были ключевыми делегатами-руководителями комиссий Коммуны, отвечавшими за экономику, финансы и снабжение, а на заключительном этапе и за военное руководство. При этом следует иметь в виду, что Лео Франкель и Эжен Варлен были как раз теми членами Генерального совета, которые уехали из Лондона в Париж накануне возникновения Коммуны. Они имели непосредственное отношение к руководству Интернационала и входили в окружение Карла Маркса. В-четвертых, письмо Лео Франкеля Марксу совершенно ясно указывает на то, что большинство политических и экономических мероприятий Коммуны были сформулированы Энгельсом и Марксом в Лондоне и оформлены документами Коммуны в Париже. Таким образом, можно легко представить, что утраченная переписка Маркса и делегатов Коммуны за период ее существования могла бы дать богатый материал для анализа. Возможно, удалось бы опровергнуть или подтвердить подозрения в том, что переписка Генерального совета Интернационала, то есть Маркса и Энгельса, и Совета Коммуны в те 72 дня, что просуществовала Парижская Коммуна, по сути, представляла собой управление тактикой коммунаров из Лондона.

---

[84] Меринг Ф., там же, с. 477.

[85] Меринг Ф., там же, с. 478.

[86] Эта работа описана во второй книге данной трилогии «Авантюрные хроники: английская «политическая машина» против России в XIX веке».

Как известно, у Коммуны не было правительственной программы. Утверждают, что ее и не могло быть, поскольку Коммуна от первого и до последнего дня своего существования вела борьбу не на жизнь, а на смерть. Однако это не помешало Совету Коммуны реализовать ряд вполне логичных и последовательных мер. В соответствии с принципами научного коммунизма Коммуна сразу повела дело к перестройке буржуазного государства. Первым декретом коммунары ликвидировали постоянную армию и заменили ее вооруженным народом. Коммуна лишила полицию, одно из главных орудий государственного управления, всех ее политических функций и превратила ее в свой ответственный орган. На следующем шаге Совет Коммуны издал постановление об отделении церкви от государства и экспроприации всего церковного имущества. Коммуна открыла для народа бесплатный доступ во все учебные заведения и одновременно освободила дело обучения от всякого вмешательства государства и церкви. Государственная бюрократия постановлением о выборности всех должностных лиц, в том числе и судей, — их всех Коммуна объявила сменяемыми в любое время, а их оклады ограничила заработками рабочих с высшим пределом в 6 тысяч франков — была лишена возможности выполнять политические функции.

Стоит ли удивляться, что Маркс воспринимал Коммуну как свое «кровное дело». Маркс действительно, по словам Меринга, нисколько не боялся брать на себя безусловную ответственность за дела Коммуны, немедленно после поражения Коммуны он открыто и обстоятельно заявил об этом. В своей работе «Гражданская война во Франции» Маркс откровенно признал: «Ее <Коммуны> настоящей тайной было вот что: она была, по сути дела, правительством рабочего класса, результатом борьбы производительного класса против класса присваивающего; она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда». В последующие годы Марксу пришлось выслушивать упреки от отдельных социал-демократов, утверждавших, что он подверг Интернационал опасности, взвалив на него совершенно не лежавшую на нем ответственность за Коммуну Но эта ответственность, по словам Меринга, носила исключительно общий, идейный характер. Марксу, указывал Меринг, «были совершенно чужды всякие диктаторские устремления и он не считал возможным давать предписания издалека относительно того, что легче было увидеть и учесть на месте, среди разыгрывавшихся событий»[87].

Уже тогда, чтобы разорвать идейную и фактическую связь Интернационала и Коммуны, приходилось прибегать к иезуитским приемам. В конце марта 1871 года одна проправительственная парижская газета опубликовала якобы сфальсифицированное письмо Маркса, в котором он будто бы выражал порицание парижским секциям Интернационала за то, что они слишком много занимаются политическими вопросами и недостаточно — вопросами социальными. Марксу удалось опубликовать в британском официозе, газете «The Times» небольшую статью, в которой он разоблачил это письмо как «наглую подделку». Никто лучше Маркса, пишет Меринг, не сознавал, что Парижская Коммуна не была «делом рук» Интернационала, но он всегда считал ее плотью от его плоти и кровью от его крови. Генеральный Совет также публично опроверг нападки на Интернационал. Примечательно, что это было сделано через ведущие лондонские издания.

Удивительным образом министр иностранных дел лорд Гренвилл тоже встал на защиту Интернационала. Выступая в парламенте он заявил, что Интернационал «здесь, в Англии», ограничивает свои действия главным образом советами по вопросам о стачках и располагает для поддержки этих стачек лишь ничтожными суммами. Революционные же планы, составляющие часть его программы, отражают собою скорее взгляды иностранных членов Интернационала, чем британских рабочих, внимание которых направлено преимущественно на вопросы заработной платы. Но иностранцы тоже, как и англичане, находятся под защитой законов. Если

[87] Меринг Ф., там же, с. 478.

они нарушат эти законы, приняв участие в каких-либо военных действиях против государства, с которым Великобритания состоит в дружбе, то они понесут за это наказание. Пока же нет никаких оснований принимать какие-либо чрезвычайные меры против иностранцев, находящихся на английской территории[88]. На это выступление Бисмарк заметил в газетной статье, что все мероприятия по борьбе с Интернационалом остаются по существу безрезультатными, пока британская территория является прибежищем, из которого под защитой английского закона происходит постоянное и безнаказанное посягательство на все остальные европейские государства.

Несмотря на противоречивые оправдания вождей МАТ и заступничество английского правительства Интернационал стал «всеобщим пугалом», а парижское восстание повсеместно в Европе приписывалось его «дьявольскому подстрекательству». Во Франции Тьер и Фавр добились от Национального собрания исключительного закона против Интернационала. Этот закон полностью парализовал рабочий класс, а Генеральный Совет лишился всех связей с Францией. В Германии, где Бисмарк вел сложную политическую игру с социалистами во главе с Бебелем, поддержка коммунаров со стороны германских социал-демократов вынудила правительство принять целый ряд актов, направленных на ограничение рабочего движения исключительно экономическими вопросами.

Нарастали противоречия и внутри Интернационала. В Англии лидеры тред-юнионов сначала добились создания Федерального совета для английской секции Интернационала, который пошел по пути развития международного взаимодействия с другими рабочими организация, минуя Генеральный совет, а затем начался массовый выход тред-юнионов из Интернационала. Первыми покинули Интернационал тред-юнионы Лекрафта и Оджера, членов Генерального совета. Они были возмущены призывами Маркса к гражданской войне во Франции. Сторонники Бакунина в Швейцарии выступили против Генерального совета, утверждая, что на протяжении пяти лет он избирается в одном и том же составе, что вопреки уставу он возомнил себя главой Интернационала, обладающим монопольным правом формулировать официальную теорию объединения и диктовать свою волю национальным независимым федерациям и секциям организации. После падения Коммуны недовольство диктатурой Генерального совета обнаружилось почти во всех странах, в национальных партиях рабочих росла убежденность в том, что они не могут управляться из-за границы, что национальные социальные требования не должны подменяться интернациональными политическими лозунгами. Повсюду, где начинали возникать национальные рабочие партии, Интернационал неуклонно терял свое влияние, даже в тех странах, рабочий класс которых считался его самой надежной опорой — в Англии, Франции и Германии, наиболее передовых государствах с самым развитым рабочим движением. Значение этих стран для Интернационала проявлялось уже в том, что в Генеральный Совет входило 20 англичан, 15 французов, 7 немцев, но всего лишь по 2 швейцарца и венгра и по одному поляку, бельгийцу, ирландцу, датчанину и итальянцу.

Лондонская конференция Интернационала

В подобных условиях проводить очередной конгресс Интернационала оказалось неудобно и опасно. Поэтому Генеральный Совет решил вместо открытого конгресса сначала устроить закрытую конференцию в Лондоне. На конференцию, заседавшую с 17 по 23 сентября 1971 года, прибыло всего десять делегатов от Бельгии, Швейцарии и Испании. Еще 13 делегатов представляли Генеральный совет. Резолюции конференции были выдержаны в духе Учредительного манифеста Интернационала, но с некоторыми важными нюансами, и были призваны оправдать международную политическую деятельность МАТ, подтвердить тезисы Маркса о том, что политическое освобождение рабочего класса неразрывно связано с его социальным освобождением, что оказывать противодействие общему насилию имущих классов

[88] Меринг Ф., там же, с. 483.

рабочий класс может только как класс в целом, если он создаст свою особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям имущих классов, что это преобразование рабочего класса в политическую партию необходимо для обеспечения триумфа социальной революции и её конечной цели — уничтожения классов. По сути, это было серьёзное, если не принципиальное изменение программных установок Интернационала, которое не имело шансов стать объединительной платформой для международного рабочего движения

Конференция предприняла попытку выработать рекомендации с целью противодействовать падению престижа Интернационала в странах наиболее активного рабочего движения, однако далее пожеланий усилить агитацию на фабриках и активизировать распространение просветительской литературы не продвинулась. На конференции явственно обозначилось растущее недовольство «германским комитетом». Маркс писал по этому поводу одному своему американскому другу: «Это относится к тому непростительному факту, что я по происхождению немец и действительно имею в Генеральном Совете решающее интеллектуальное влияние»[89].

Закрытая конференция в Лондоне вызвала волну критики во всех национальных федерациях и секциях. Особое недовольство спровоцировала попытка превратить Интернационал в политическую партию. Швейцарские социалисты, сторонники Бакунина, выразили протест против попытки узурпации Генеральным советом распорядительной власти, лишения самостоятельности национальных секций МАТ, назвали конференцию незаконной и призвали провести экстренный конгресс. Все эти обвинения были сформулированы в специальном циркулярном письме, разосланном в национальные федерации и секции Интернационала, но хуже было то, что письмо попало в руки буржуазных журналистов. Все обвинения, выдвигавшиеся против Интернационала в проправительственных изданиях после падения Парижской Коммуны, получили подтверждение документом, вышедшим из недр самого Интернационала. Кроме того, стало очевидно, что в МАТ назревает, если уже не произошел, раскол. Тогда мало кто знал, что у Маркса резко обострились отношения с его верными соратниками Эккариусом и Юнгом. Эккариус, в то время генеральный секретарь МАТ и корреспондент для США получал пятнадцать шиллингов в неделю и жил в весьма стесненных условиях. Маркс отказался поддержать его требование повысить ему жалование вдвое и пригласил на место Генерального секретаря МАТ англичанина Джона Хейлза. Это назначение оказалось крупной ошибкой, Хейлз, функционер крупного тред-юниона, немедленно начал интриговать против Генерального совета, а Эккариус смертельно обиделся на Маркса. Маркс обвинял Эккариуса в излишней болтливости, из-за которой многие нежелательные подробности Лондонской конференции стали достоянием прессы. Со своей стороны, Эккариус и Юнг упрекали Маркса и Энгельса в чрезмерно властной, заносчивой манере, необоснованно повелительном тоне общения, «генеральском командовании», что отражалось даже на ходе заседаний Генерального совета, особенно когда председательствовал Энгельс.

[89] Меринг Ф., там же, с. 502.

Конец Интернационала

В такой обстановке проходила подготовка пятого конгресса Интернационала в Гааге. Маркс в одном из писем прямо писал, что речь идет о жизни и смерти Интернационала и высказал намерение перенести Генеральный совет в Нью-Йорк. Иными словами, уже тогда Маркс понимал, что дни МАТ сочтены, и таким маневром хотел скрыть добровольную ликвидацию Интернационала. Гаагский конгресс заседал со 2 по 7 сентября 1872 года. На этот раз Маркс лично присутствовал на конгрессе, более того в нарушение всех норм и правил он пригласил в Гаагу огромное количество своих друзей и сторонников, прежде всего из Германии, что вызвало протесты со стороны многих участников. Половину времени, отведенного на заседания конгресса, пришлось потратить на проверку мандатов делегатов. Были выявлены многочисленные нарушения, в частности, многие делегаты «по полицейским соображениям» выступали не под своими фамилиями, другие представляли не свои национальные секции. Во время прений по мандату от чикагской секции, который был передан лицу, проживавшему в Лондоне, делегат британского Федерального совета указал на то, что этот делегат не является признанным вождем рабочего движения. Маркс возразил на это, что не быть английским рабочим вождем — это скорее честь, так как большинство этих вождей продалось либералам. Это замечание, чуть не спровоцировало скандал и ясно продемонстрировало накал страстей в зале. Тем не менее недействительным, как утверждает Меринг, был признан только один мандат.

Только на четвертый день делегаты съезда смогли приступить к обсуждению вопросов повестки дня. Маркс зачитал отчет Генерального совета. Он подробно перечислил все репрессии, которые обрушились на Интернационал и его национальные секции после Парижской Коммуны, на всеобщую кампанию лжи и клеветы, распространяемой буржуазной прессой всего мира, на прямую фальсификацию официальных документов Интернационала. Всему этому, по словам Маркса, Генеральный совет противопоставил спокойную, размеренную работу, результатом которой стало появление секций и федераций МАТ в Голландии, Дании, Португалии, Шотландии и Ирландии, Соединенных Штатах, Австралии, Новой Зеландии и Бразилии. Конгресс в целом одобрил отчет Генерального совета и приступил к прениям о судьбе Генерального совета. Зять Маркса Поль Лафарг выступил с призывом во что бы то ни стало сохранить Генеральный совет, который направляет борьбу рабочего класса за свое освобождение. Гийом, представитель Юрской федерации романской Швейцарии и сторонник Бакунина, горячо оспаривал необходимость сохранения Генерального Совета и допускал его существование в лучшем случае как центрального бюро для корреспонденции и статистики, он решительно потребовал лишить Генеральный совет управленческих полномочий. Маркс выступил на пятый день с большой речью и, со своей стороны, потребовал расширить полномочия Генерального совета, вплоть до права приостанавливать деятельность секций и целых федераций в период между конгрессами. По его словам, лучше совсем упразднить Генеральный совет, чем низводить его до уровня «почтового ящика». Большинством голосов конгресс поддержал позицию Маркса, и было бы странно, если бы многочисленные германские друзья и сторонники Маркса не сделали этого. Марксу и Энгельсу было, однако, очевидно, что дни Интернационала сочтены.

Энгельс, как и было предусмотрено, внес предложение переместить штаб-квартиру Генерального совета в Нью-Йорк. Это предложение произвело тягостное впечатление. Особенно горячо протестовали французские делегаты, но большинство делегатов проголосовали за предложение Энгельса. После этого в новый Генеральный Совет было избрано 12 членов, получивших право кооптировать семь новых членов.

Затем начались прения по проекту резолюции, составленной в духе резолюции Лондонской конференции, о том, что рабочий класс должен организоваться как политическая партия,

резко обособленная от всех буржуазных партий и враждебно им противостоящая. Еще один зять Маркса Шарль Лонге, ссылаясь на опыт Парижской Коммуны, указал на то, что Коммуна погибла вследствие отсутствия политической программы. Швейцарские сторонники Бакунина отказались поддержать этот тезис. По словам Гийома, швейцарские рабочие хотят не завоевать политическую власть, а разрушить ее. Прения затянулись до шестого, последнего дня, в который большинством голосов резолюция была принята.

Последним вопросом рассматривался доклад комиссии, созданной специально для рассмотрения раскольнической деятельности Бакунина и его сторонников. Члены комиссии не представили каких-либо доказательств того, что бакунинский Международный альянс демократии продолжает существовать и ведет деятельность несовместимую с программой Интернационала, но «пришли к моральному убеждению» в виновности Бакунина в попытке создать тайную организацию внутри Интернационала, а также незаконном присвоении аванса в 300 рублей, выданного ему одним русским издателем за перевод «Капитала» Маркса. По последнему обстоятельству Маркс представил фальшивое письмо мнимого «революционного комитета» с угрозой расправы с издателем, если он будет требовать возврата этого аванса. Делегаты конгресса большинством голосов заочно исключили Бакунина и Гийома из членов МАТ. Бакунин не присутствовал в Гааге. По оценке Меринга, вина за недостойный Интернационала акт в отношении видного русского революционера целиком ложится на Маркса. На этом Гаагский конгресс завершил свою работу, а по сути, завершил и историю первого Интернационала. Формально Интернационал самораспустился в 1876 году.

Последние годы жизни Маркса

Последние годы жизни Маркс прожил относительно спокойно, его семья не испытывала материальных затруднений, Энгельс обеспечил ему стабильный доход[90], и Маркс мог полностью предаться научной работе — но только шесть дней в неделю. В воскресенье дочери запретили ему работать. Состояние его здоровья заметно ухудшилось, давали себя знать старый фурункулез, а также наследственное заболевание печени. Несмотря на то что Маркс всегда поздно ложился, утром он вставал между восемью и девятью часами, пил черный кофе, читал газеты и отправлялся в кабинет, где засиживался до полуночи и позже, делая перерывы в работе только в часы еды или в хорошую погоду под вечер — для прогулки в Хемпстед-Хите. Днем он час или два спал у себя на диване. Работа настолько захватывала его, что иногда он забывал об обеде. Желудок тяжело расплачивался за эту колоссальную работу мозга. Маркс ел очень мало и страдал отсутствием аппетита, против чего он боролся употреблением очень соленых блюд, ветчины, копченой рыбы, икры и пикулей. При недостаточной еде он также мало пил, хотя никогда не был апостолом воздержания и как уроженец Рейнской провинции умел ценить доброе вино. Но зато он был страстным курильщиком и беспощадным истребителем спичек; он говорил как-то, что «Капитал» не оплатит ему и того, что стоили ему одни сигары, которые он выкурил, пока писал его. Так как в долгие годы бедности ему приходилось довольствоваться всякими сомнительными сортами табака, то курение крайне вредно отзывалось на его здоровье и врач не раз запрещал ему курить[91]. Во время загородных прогулок он отдыхал в местных ресторанчиках, куда заходил выпить имбирного пива и закусить хлебом и сыром. Особенно ему полюбился старый ресторан «Замок Джэка Стро», из окон которого был так приятно разглядывать окрестные живописные холмы. Несколько раз по настоянию доктора Маркс ездил на воды в Карлсбад и на морские купания на юге Англии.

Удивительным образом официальная хронология его жизни после 1870 года практически не содержит значимых событий. Его политическое внимание переключилось с Европы на Россию, откуда он почему-то ожидал революционной бури, хотя это полностью перечеркивало его же теорию о том, что социалистическая революция произойдет в наиболее развитой стране капитализма, когда капитализм как формация достигнет наивысшей точки своего развития в большинстве промышленно развитых стран. Отчасти это может объясняться надеждами, которые породила Русско-турецкая война 1877 – 1878 годов. В ноябре 1877 года Маркс писал в Нью-Йорк Ф. Зорге, к тому времени уже бывшему генеральному секретарю Интернационала: «Этот кризис <Русско-турецкая война> — новый поворотный пункт в истории Европы. Россия, положение которой я изучил по русским оригинальным источникам, неофициальным и официальным (последние доступны лишь ограниченному числу лиц, мне же были доставлены моими друзьями в Петербурге), давно уже стоит на пороге больших переворотов, и все необходимые для этого элементы уже созрели. Взрыв ускорен на многие годы благодаря ударам, нанесенным молодцами турками не только русской армии и русским финансам, но и лично командующей армией династии (царю, наследнику и шести другим Романовым)... Глупости, которые проделывают русские студенты, являются только симптомом, не имея сами по себе никакого значения. Но все же это симптом. Все слои русского общества находятся в настоящее время в экономическом, моральном и интеллектуальном отношении в состоянии полного разложения». В письме В. Либкнехту в начале февраля 1878 года он заметил: «Мы[92] самым

[90] Некоторые историки, ссылаясь на данные Института марксизма-ленинизма, утверждают, что за свою жизнь Маркс получил от Энгельса приблизительно 6 миллионов французских франков золотом. https://dzen.ru/id/61cf07e6dd6ab36987df4e52

[91] Меринг Ф., там же, с. 529.

[92] Это «мы» обозначает не только Маркса и Энгельса, это совершенно четкое указание на то, что Маркс поддерживал

решительным образом стоим за турок, и притом по двум причинам. Во-первых, потому что мы изучали турецкого крестьянина, т. е. турецкую народную массу, и убедились, что он — один из самых дельных и самых нравственных представителей крестьянства в Европе. Во-вторых, потому что поражение русских весьма ускорит социальный переворот, элементы которого имеются в огромном количестве, и благодаря этому наступит перелом во всей Европе». Когда за первоначальными неудачами русской армии последовали победы, настроения Маркса опять круто изменились. Он приписывал эти успехи тайной поддержке Бисмарка, измене Англии и Австрии и, наконец, ставил их в вину самим туркам. «Им следовало низвергнуть в Константинополе путем революции старый режим сераля, который являлся лучшим оплотом царя. Народ, который в такие моменты величайшего кризиса не умеет выступать революционно, — это погибший народ», — писал Маркс[93]. Иными словами, Маркс отнюдь не догматизировал собственную теорию социальной революции, допуская возможность отступления от главных стратегических идей и применения различных тактических приемов на разных этапах ее развития. Но самое главное — из этих писем можно сделать весьма нелестное для Маркса заключение о его способности понимать суть политического момента и быть последовательным в своих оценках.

В России главный труд Маркса читали усерднее и ценили больше, чем где-либо. Среди молодых русских философов и историков у Маркса было особенно много приверженцев и отчасти даже личных друзей. Маркс и Энгельс состояли в переписке с В. Засулич и Г. Плехановым, но основную информацию о состоянии дел в России получали от русских эмигрантов в Лондоне — народников Сергея Степняка-Кравчинского, Феликса Волховского, Германа Лопатина, из переписки с Петром Лавровым и другими. От них стало известно, что в 1879 году народническая организация «Земля и воля» распалась на две группы: «Народную волю» и «Черный передел». Представление о новых организациях было самое общее. Обе они стояли полностью на почве идей Бакунина, по крайней мере в том смысле, что на первом плане у них было крестьянство. Маркс и Энгельс приветствовали народовольцев, которые, со слов Лопатина и Лаврова, вели активную борьбу с царизмом. «Черный передел» представлялся в Лондоне как продолжение анархизма Бакунина. В письме к Ф. Зорге в ноябре 1880 года Маркс писал: «Эти господа высказываются против всякой революционной политической деятельности. Россия должна одним махом перескочить в анархистско-коммунистически-атеистический рай. Пока же они подготовляют этот прыжок нудным доктринерством, так называемые принципы которого вошли в обиход с легкой руки покойного Бакунина»[94].

Но уже в следующем году отношение Маркса стало меняться. В феврале он получил письмо от В. Засулич, которая просила его ответить на «вопросы жизни и смерти» для социалистов России: «Может ли Россия ввиду особенностей её развития — ввиду сохранения русской общины — миновать капиталистическую стадию развития по пути к социализму?» «В последнее время, — писала В. Засулич Марксу, — мы часто слышим мнения, что сельская община является архаической формой, которую история, научный социализм, словом — все, что есть наиболее бесспорного, обрекают на гибель. Люди, проповедующие это, называют себя Вашими учениками par excellence: «марксистами». Их самым сильным аргументом часто является: «Так говорит Маркс».

— Но каким путем выводите вы это из его «Капитала»? Он в нем не разбирает аграрного вопроса и не говорит о России, — возражают им.

отношения с Д. Урквартом до самой его смерти в мае 1877 год. Уркварт, как уже отмечалось, был одним из крупнейших британских специалистов по Турции и России.

[93] Меринг Ф., там же, с. 543.

[94] Цит. по Москалев М.А., Фридрих Энгельс и группа «Освобождение труда», Исторический журнал, №2, 1941 г. с. 23-30.

— Он бы сказал это, если бы говорил в нем о нашей стране, — отвечают Ваши ученики, — быть может, несколько слишком смело»[95].

Маркс поддержал сомнения Засулич. В марте он писал ей: «Анализ, представленный в «Капитале», не дает доводов ни за, ни против жизнеспособности русской общины... Но для того, чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития»[96]. Правда, он все же допускал, что русской крестьянской общине предстоит пройти тот же процесс разложения, который наблюдался в историческом развитии Запада. Это письмо Засулич вынудило Маркса поколебаться в оценке «чернопередельцев», но даже в 1882 году, когда Засулич попросила Маркса и Энгельса написать предисловие к русскому изданию «Манифеста коммунистической партии», подготовленному Плехановым, сомнения в переходе Засулич и Плеханова на позиции марксизма оставались, да и никакой марксистской организации в России еще не было. В предисловии к «Манифесту…» Маркс написал: «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они пополнят друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития».

Впрочем, интерес к России не был постоянным. Весной 1880 года Жюль Гед, известный французский социалист приехал в Лондон, чтобы вместе с Марксом, Энгельсом и Лафаргом составить проект избирательной программы для молодой французской партии. Сошлись на так называемой программе-минимум, которая после небольшого введения, посвященного объяснению задач коммунизма, выставляла в своей экономической части только требования, непосредственно проистекавшие из рабочего движения. По каждому пункту соавторы яростно спорили, особенно раздражало Маркса требование установления законом минимальной заработной платы. Маркс доказывал, что если французский пролетариат еще настолько неразвит, что нуждается в таких приманках, то не стоит вообще пока составлять какую бы то ни было программу. Однако в конце концов Маркс остался хорошего мнения о программе. Он полагал ее сильным средством для того, чтобы вырвать французских рабочих из области туманных фраз и дать им твердые ориентиры. Маркс даже пришел к заключению, что во Франции возникло, наконец, настоящее рабочее движение, пришедшее на смену старым сектам, не умевшим оторвать массу пролетариата от радикалов или мнимо радикальных буржуа. В предвидении крупных событий он согласился, что в условиях объявленной коммунарам амнистии его зятьям следует вернуться во Францию. Лафарг поехал во Францию, чтобы работать вместе с Гедом над созданием настоящей социалистической партии, а Лонге — занял влиятельный пост редактора в газете «Justice» («Справедливость»), издававшейся Клемансо. Клемансо стоял тогда во главе крайней левой оппозиции. Маркс, по едкому замечанию Ф. Меринга, как это часто с ним бывало при его революционном нетерпении, видя ясно, куда идут события, недооценивал продолжительность пути.

[95] Москалев М.А., там же.

[96] Москалев М.А., там же.

Энгельс и «русская революция»

Примечательно, что Энгельс тоже не избежал увлечения «русской революцией». После смерти Маркса Энгельс сосредоточил в своих руках все контакты с русскими оппозиционерами. В конце сентября 1883 года, то есть всего через несколько месяцев после кончины Маркса, Засулич сообщила Энгельсу, что после безуспешной попытки объединения с народовольцами, группа Плеханова в Женеве опубликовала сообщение об издании «Библиотеки современного социализма» и образовании русской марксистской организации — группы «Освобождение труда». В объявлении было сказано: «Изменяя ныне свою программу в смысле борьбы с абсолютизмом и организации русского рабочего класса в особую партию с определенной социально-политической программой, бывшие члены группы «Черного передела» образуют ныне новую группу «Освобождение труда» и окончательно разрывают со старыми анархическими тенденциями». Сообщение Засулич не вызвало у Энгельса большого энтузиазма, он продолжал с недоверием относился к этой группе, зная, что ее деятели — в общем сторонники Бакунина. Но после нескольких писем, в которых В. Засулич сообщила Энгельсу, что марксисты в России переводят работы Маркса и Энгельса на русский язык, он начал внимательнее присматриваться к деятельности группы. Получив от Засулич перевод одной из своих брошюр, Энгельс писал ей в марте 1884 года: «Ваш перевод моей брошюры я нахожу превосходным. Какой красивый русский язык: все преимущества немецкого без его ужасной грубости»[97]. В другом письме он сообщал: «Прежде всего, повторяю, я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала с анархическими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. Сам Маркс был бы так же горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России. Для меня историческая теория Маркса — основное условие выдержанной и последовательной революционной тактики; чтобы найти эту тактику, нужно только приложить теорию к экономическим и политическим условиям данной страны… Но для этого необходимо знать эти условия; что же касается меня, то я слишком мало знаком с современным положением в России, чтобы брать на себя смелость быть компетентным судьей в частных вопросах тактики, которой следует придерживаться там в тот или иной момент. Кроме того, внутренняя, сокровенная история русской революционной партии, в особенности за последние годы, мне почти совершенно неизвестна. Мои друзья из народовольцев мне о ней никогда не говорили».

Сомнения Энгельса относительно русского марксизма в известной степени были оправданы, его смущало то, что мысли Маркса в России воспринимают чересчур буквально. Даже Плеханов несколько догматически подходил к теории Маркса. Так, в 1882 году в письме к Лаврову Плеханов писал, что Степняк-Кравчинский — прудонист и поэтому терпит всякие оттенки социалистической мысли, он же, Плеханов, готов создать из «Капитала» прокрустово ложе для всех сотрудников «Вестника Народной воли». В 1885 году Плеханов намеревался поехать в Лондон для личного знакомства с Энгельсом. Он писал в это время Аксельроду: «...не поддавайтесь унынию, право же мы еще расцветем и поедем с Вами в Лондон, чтобы явиться по начальству. Само собою разумеется, что предварительно расплатимся с долгами, а то Фридрих Карлович может поставить нам на вид…». Тогда поездка Плеханова в Лондон не состоялась: у Плеханова не оказалось денег на эту поездку, но следует обратить внимание на это — «по начальству». Из переписки Плеханова с Энгельсом с ясностью видно, что он относился к Энгельсу не просто как к начальству, а был склонен впасть в традиционную рус-

[97] Москальков М.А., там же.

скую крайность фанатического преклонения перед кумиром. В одном из писем он обращался к Энгельсу: «Дорогой и глубокоуважаемый учитель! Моя мечта в настоящую минуту — поездка в Лондон, где я смогу с вами увидеться и поговорить о положении в России и о моих теоретических работах... Мне передавали, что вы написали несколько благожелательных слов обо мне по поводу моей статьи о Гегеле. Если это верно, я не хочу других похвал. Все, чего я желал бы, это быть учеником, достойным таких учителей, как Маркс и вы». В ответе Энгельс просил не называть его «дорогим учителем», заметив, что его зовут «просто Энгельс». Таким образом, с самого раннего марксистского периода Плеханова Энгельс, по всей видимости, рассматривал русских марксистов, как подчиненный отряд международного коммунистического движения, которым можно-таки руководить из-за рубежа.

С годами преклонение Плеханова перед «учителями» не ослабло. В октябре 1894 года Плеханов приехал из Женевы в Лондон. Он не решился явиться к Энгельсу без предупреждения. В письме к Энгельсу он просил разрешения почитать у него на квартире насколько редких экземпляров книг Маркса. «Вот я и приходил к Вам, — писал Плеханов Энгельсу, — чтобы попросить разрешения просмотреть их у вас. Но у меня каждый раз не хватало мужества, потому что я думал, что это вам помешает... Я считаю задачей всей моей жизни пропаганду ваших и Маркса идей. Мне нужно, значит, хорошо их знать. Вот смягчающее обстоятельство, которое вы, надеюсь, примете во внимание»[98].

Личные отношения Плеханова с Энгельсом установилась в период первого конгресса II интернационала, в 1889 году, когда Плеханов и Аксельрод поехали в Лондон и встретились с Энгельсом. Позже Плеханов писал о первом свидании с Энгельсом: «Я имел удовольствие в продолжение почти целой недели вести с ним продолжительные разговоры на разные практические и теоретические темы»[99]. В этих беседах с Энгельсом Плеханов и Аксельрод пытались разбить предубежденность, какая была у западноевропейских социал-демократов но отношению к марксистской организации в России. У европейских социалистов преобладало мнение (это высказывал при личных встречах Плеханову П. Лафарг, а Аксельроду — В. Либкнехт), что в России еще рано создавать социал-демократическую организацию. Плеханов ознакомил Энгельса с ходом рабочего движения России, с программой социал-демократической группы, подробно информировал его о морозовской стачке 1885 года. Энгельс вроде согласился, что в России имеются необходимые условия для создания социал-демократической организации, но потребовалось еще несколько лет, чтобы Энгельс принял точку зрения Маркса о возможности социальной революции в России и даже ее желательности с точки зрения европейского пролетариата.

В 1890 году Энгельс, по просьбе Засулич, написал для сборника плехановской группы «Социал-демократ», издававшегося в Лондоне, большую статью под заголовком «Внешняя политика русского царизма». Статья была переведена на многие языки. На английском языке статья была напечатана в одном из главных идеологических органов британского истеблишмента журнале «The Time», в апрельском и майском номерах за 1890 год. При работе над переводом статьи для английского журнала Энгельс внес в текст ряд изменений и дополнений, и эти правки заслуживают особого внимания.

Статья начиналась без экивоков: «Мы, западноевропейская рабочая партия, вдвойне заинтересованы в победе русской революционной партии. (В английском тексте вместо слов «Мы, западноевропейская рабочая партия» напечатано: «Не только социалисты, но и каждая прогрессивная партия в любой стране Западной Европы…»)

Во-первых, потому, что царская Российская империя является главным оплотом, резервной позицией и вместе с тем резервной армией европейской реакции; потому, что одно уже

[98] Москальков М.А., там же.

[99] Москалев М.А., там же.

ее пассивное существование представляет для нас угрозу и опасность. А во-вторых, потому, — и этот момент мы, со своей стороны, все еще недостаточно подчеркивали — что своим постоянным вмешательством в дела Запада эта империя задерживает и нарушает нормальный ход нашего развития и делает это с целью завоевания для себя таких географических позиций, которые обеспечили бы ей господство над Европой и тем самым сделали бы невозможной победу европейского пролетариата. (В английском тексте вместо слов «сделали бы невозможной победу европейского пролетариата» напечатано; «под железной пятой царя была бы уничтожена всякая возможность прогресса».)

В данной редакции Энгельс со всей очевидностью продемонстрировал нежелание тревожить спокойствие британских тред-юнионов, отвлекать их от борьбы за экономические интересы британского пролетариата. Понятна также позиция Энгельса по вопросу о европейской политике и недопустимости русского господства над Европой, что в целом совпадало с имперской политикой британского правительства.

Энгельс далее воздал должное Марксу за то, что еще с 1848 года он неоднократно подчеркивал, что именно по этой причине западноевропейская рабочая партия вынуждена бороться не на жизнь, а на смерть с русским царизмом. (В английской публикации вместо этого абзаца дан следующий текст: «В Англии нельзя писать о внешней политике России, не упомянув при этом имени Давида Уркарта[100]. В течение пятидесяти лет он неутомимо работал над тем, чтобы ознакомить своих соотечественников с целями и методами русской дипломатии… он — будучи тори старой школы, видевший, что до сих пор в Англии одни только тори оказывали эффективное сопротивление России и что действия английских и зарубежных либералов, а также и все революционные движения на континенте обыкновенно шли лишь на пользу этой державе, — считал, что для действительного отпора вмешательствам России надо обязательно быть тори (или же турком) и что каждый либерал и революционер является, сознательно или бессознательно, орудием России.

Систематические занятия русской дипломатией привели Уркарта к убеждению, что она — всемогуща, что она и в самом деле является единственным активным фактором современной истории, все же другие правительства — лишь пассивные орудия в ее руках…

Стремясь, таким образом, свести всю современную историю, начиная с французской революции, к дипломатической шахматной игре между Россией и Турцией, в которой другие европейские государства играют роль пешек России, Уркарт должен был выдавать себя за некоего восточного пророка, возвещающего… тайную, мистическую доктрину…, полную намеков на не только малоизвестные, но едва ли даже достоверно установленные факты».) Уркварт, по словам Энгельса, стремился тем самым показать, что корни всех европейских революций следует искать в России, что не только Венгрия, вся Европа лежала у ног царя, и это было прямым следствием устроенной царской дипломатией «весны народов»[101]. Слова Энгельса о роли России в европейских делах вызывают не просто удивление. Можно допустить, хотя это очень маловероятно, что Энгельс действительно не знал, кто стоял у истоков и финала Французской революции, а также «весны народов», но вот истории Парижской коммуны ему была хорошо известна. Поэтому его антицаристскую и даже русофобскую филиппику, как бы вложенную в уста Уркварта, следует толковать как откровенную солидаризацию с официальной позицией Лондона того времени. Более того, очевидно, что сознательное и грубое искажение исторических фактов выдержано в полном соответствии с традициями британских спецслужб тщательно «заметать следы».

После поражения в Крымской войне Россия, как пишет далее Энгельс, вступила на путь быстрой индустриализации, общественной модернизации, которые неизбежно повлекут

[100] Такая орфография в оригинальном переводе статьи на русский язык. В современном варианте — Уркварт.

[101] «Весна народов» — цепь европейских буржуазных революций в конце 1840-х годов.

за собой возникновение политических течений, появление партий, которые сделают целью своей борьбы завоевание конституции. В России такая борьба не может обойтись без насильственных потрясений, и это только вопрос времени. «Но тогда и прежняя русская завоевательная политика станет делом прошлого: в ходе борьбы партий за власть дипломатия утратит свою неизменную и постоянную цель, безоговорочное распоряжение силами нации окажется невозможным, — Россия по-прежнему останется трудно доступной и сравнительно столь же слабой в наступлении, но во всех прочих отношениях она станет такой же европейской страной, как и другие, и специфическая сила ее прежней дипломатии будет подорвана навсегда».

Далее Энгельс дал развернутую картину европейской истории, начиная с середины XVIII века, которая в ближайшее время, по его мнению, должна по логике русской дипломатии с неизбежностью пройти через мировую войну. В результате этой войны Россия захватит, наконец, Константинополь. «Но бороться за Константинополь посредством мировой войны, — пишет Энгельс, — в которой Англия будет решать исход дела, — ведь это и есть именно то положение, избежать которого русская дипломатия стремилась в течение полутораста лет».

(В тексте для журнала «Тайм» далее добавлен следующий абзац: «Санкт-петербургские дипломаты отдавали себе отчет, насколько важно парализовать возможное сопротивление Англии окончательному утверждению России на Босфоре. После Крымской войны, а в особенности после индийского восстания 1857 г., завоевание Туркестана, начатое еще в 1840 г., стало неотложной задачей. В 1865 г. русские заняли Ташкент, создав, таким образом, опорный пункт на Яксарте; в 1868 г. был присоединен Самарканд, в 1875 г. — Коканд, а Бухарское и Хивинское ханства поставлены в вассальную зависимость от России. Затем началось медленное наступление на Мерв из юго-восточного района Каспийского моря; в 1881 г. был взят Геок-Тепе, первый важный форпост в пустыне; в 1884 г. сдался Мерв, и теперь Закаспийская железная дорога восполнила разрыв в русской линии коммуникаций, соединив Михайловское на Каспийском море с Чарджуем на Оксусе. Нынешняя позиция русских в Туркестане далеко еще не обеспечивает им надежной и достаточной базы для нападения на Индию. Но она во всяком случае создает очень серьезную угрозу для вторжения в будущем и вызывает постоянные волнения среди местного населения. Пока английское владычество в Индии не имело вероятных соперников, до тех пор даже восстание 1857 г. и его жестокое подавление можно было рассматривать как события, укрепляющие в конечном счете владычество англичан. Но когда в Туркестане утверждается первоклассная европейская военная держава, превращающая силой или путем уговоров в своих вассалов Персию и Афганистан и продвигающаяся медленно, но неуклонно к Гиндукушу и Солимановым горам, — тут уж дело принимает совсем другой оборот. Английское владычество перестает быть для Индии чем-то вроде неумолимого рока; перед местным населением открывается другая перспектива; то, что силой было создано, силой же может быть и разрушено; и если Англия попытается теперь преградить России путь к Черному морю, Россия постарается доставить Англии немало неприятностей в Индии. Но несмотря на все это, морское могущество Англии еще настолько велико, что в той всеобщей войне, которая, по-видимому, теперь надвигается, Англия может все еще причинить России гораздо больше вреда, чем Россия Англии».) После прочтения этого текста должны исчезнуть последние сомнения. Это слова могут принадлежать только крупному британскому политику, убежденному британскому империалисту, и невольно закрадывается сомнение в том, что интересы пролетариата, теория классовой борьбы и пролетарской революции являются основой его мировоззрения. Более того, возникает подозрение, что именно в имперских установках «Фридриха Карловича» следует искать побудительные мотивы его революционизирующей деятельности, в том числе накануне и в ходе обреченной борьбы Парижской коммуны.

И далее Энгельс пишет: «И тут мы подошли к основному вопросу. Внутреннее развитие России со времени 1856 г., поддержанное политикой правительства, оказало свое действие; социальная революция сделала гигантские успехи; Россия с каждым днем становится все более

и более западноевропейской страной; развитие крупной промышленности, железных дорог, превращение всех натуральных повинностей в денежные платежи и разложение вследствие этого старых устоев общества — все это происходит в России с возрастающей быстротой. Но в той же мере все больше обнаруживается и несовместимость царского абсолютизма с новым обществом, находящимся в стадии становления. Образуются оппозиционные партии, конституционные и революционные, которые правительство может подчинить себе лишь при помощи все более грубого насилия. И русская дипломатия с ужасом видит приближение того дня, когда русский народ скажет свое слово и когда необходимость урегулирования своих собственных внутренних дел не оставит ему ни времени, ни желания заниматься такими ребяческими затеями, как завоевание Константинополя, Индии и мирового господства. Революция, остановившаяся в 1848 г. на польской границе, стучится теперь в двери России, и внутри страны у нее уже достаточно союзников, которые ждут только случая, чтобы открыть ей эти двери.

Современное положение Европы определяется тремя фактами: 1) аннексией Эльзас-Лотарингии Германией; 2) стремлением царской России к Константинополю; 3) все жарче разгорающейся во всех странах борьбой между пролетариатом и буржуазией, показателем которой служит наблюдающийся повсюду подъем социалистического движения.

Двумя первыми фактами обусловливается современное разделение Европы на два больших военных лагеря. Германская аннексия превратила Францию в союзницу России против Германии, царская угроза Константинополю превращает Австрию и даже Италию в союзниц Германии. Оба лагеря готовятся к решительной борьбе, к войне, какой еще не видел мир, к войне, в которой друг другу будут противостоять от десяти до пятнадцати миллионов вооруженных бойцов. Только два обстоятельства препятствовали тому, что эта страшная война до сих пор не разразилась: во-первых, неслыханно быстрое развитие военной техники, при котором каждый изобретенный образец оружия оказывается превзойденным новыми изобретениями раньше, чем его успеют ввести хотя бы только в одной армии, и, во-вторых, абсолютная невозможность рассчитать шансы, полная неизвестность, кто же в конце концов выйдет победителем из этой гигантской борьбы. Вся эта опасность мировой войны исчезнет в тот день, когда дела в России примут такой оборот, который позволит русскому народу навсегда покончить с традиционной завоевательной политикой своих царей и вместо того, чтобы заниматься фантазиями о мировом господстве, позаботиться о своих собственных внутренних жизненных интересах, которым угрожает в высшей степени серьезная опасность.

Тогда сразу обнаружится, что главным препятствием к автономии и свободному объединению народов … был все тот же царизм, который использовал мнимое освобождение этих народов для маскировки своих планов мирового господства. И тогда Запад, не тревожимый и не отвлекаемый иностранным вмешательством, получил бы возможность заняться своей современной исторической задачей: разрешением конфликта между пролетариатом и буржуазией и переустройством капиталистического общества в социалистическое». (В английском тексте вместо слов «переустройством капиталистического общества в социалистическое» напечатано: «и связанным с этим решением экономических проблем».)

Следует обратить внимание на то, что статья написана в 1890 году, а картина мировой войны между двумя союзами, в которой Германия будет воевать главным образом против России, картина мировой войны с ее огромными армиями и чудовищными жертвами и «абсолютной невозможностью рассчитать шансы, полной неизвестностью, кто же в конце концов выйдет победителем из этой гигантской борьбы», будет через семь лет воспроизведена и развернута до мельчайших деталей в шеститомном исследовании И.С. Блиоха «Будущая война в техническом, политическом и экономическом отношениях», о котором было подробно написано во второй книге. О русской революции там тоже было написано, правда, весьма уклончиво. Невольно складывается впечатление, что статья Энгельса послужила своего рода синопсисом для «коллективного исследования» Блиоха, в котором в качестве соавторов участвовали круп-

ные публицисты и историки, известные экономисты, а также офицеры и генералы из генеральных штабов ведущих европейских армий. Иными словами, можно предположить, что в кругах европейской элиты уже в начале 1890-х годов шел активный процесс «проговаривания» возможных сценариев развития событий на европейском театре военных действий в предстоящие 10-20 лет, и Энгельс в статье излагал свой прогноз, который в 1890 году было сделать крайне сложно, не располагая некоторой «инсайдерской» информацией о неком «плане противодействия российской экспансии». Из этого «тайного знания», по всей видимости, проистекает и поразительная для того далекого времени догадка о том, каким образом можно обойти «непредсказуемость исхода мировой войны». В тот период, когда в России по сути еще не было ни одной политической партии, Энгельс без колебаний указывает на революцию в России, которая «позволит русскому народу навсегда покончить с традиционной завоевательной политикой своих царей и вместо того, чтобы заниматься фантазиями о мировом господстве, позаботиться о своих собственных внутренних жизненных интересах, которым угрожает в высшей степени серьезная опасность». До революции в России остается еще 27 лет, но проживающему в Лондоне германскому иммигранту — будущее открыто.

Ну, и замечательно откровенно выглядит замена для английского издания «переустройства капиталистического общества в социалистическое» на «решение экономических проблем». Стоит ли после этого удивляться тому, что Энгельс, видимо, не без скрытого удовлетворения писал в 1894 году Плеханову: «Вот публика, которая поистине может привести в отчаяние, — это английские рабочие с их чувством воображаемого национального превосходства, с их по существу буржуазными идеями и точками зрения, с узостью их «практических» взглядов, с их вождями, зараженными в сильной степени парламентской испорченностью» [102].

Завершая статью о внешней политике русского царизма, Энгельс записал: «Таковы те обстоятельства, в силу которых Западная Европа вообще, и западно-европейская рабочая партия в особенности, заинтересованы, весьма глубоко заинтересованы, в победе русской революционной партии и в свержении царского абсолютизма. С возрастающей быстротой, как по наклонной плоскости, катится Европа в пропасть мировой войны невиданных масштаба и силы. Одно только может остановить ее: перемена политического строя в России. Что это должно произойти в ближайшие годы, — не подлежит никакому сомнению». Энгельс подобно Марксу явно торопил события, но в анализе тенденций европейской политики он был абсолютно прав, правда, радикально сместив акценты при оценке причин грядущей мировой войны — России мировая война в силу ее объективных обстоятельств нужна была в последнюю очередь. Впрочем, с точки зрения британского истеблишмента или точнее коллективного политического субъекта — анализ и прогноз не имели изъянов.

Следует повторить, что статья Энгельса была переведена на многие европейские языки и напечатана в целом ряде европейских социал-демократических изданий. С большим вниманием она была воспринята в Германии, особенно утверждение Энгельса о том, что будущее столкновение Германии с Россией станет для Германии национально-освободительной войной. Опираясь на эти соображения Энгельса, А. Бебель на митинге в Берлине осенью 1891 года заявил, что в случае войны Германии с Россией немецкие социал-демократы должны будут содействовать победе Германии. Примечательно, что и Плеханов воспринял статью Энгельса как руководство к действию. На цюрихском конгрессе II интернационала в 1893 году Плеханов выступал докладчиком по вопросу о милитаризме. Солидаризируясь с Бебелем, он заявил, что если немецкая армия перейдет русскую границу, она придет как армия-освободительница. В одном из писем Энгельс писал Плеханову: «Вас здесь, без сомнения, считают союзниками и особенно друзьями германских рабочих».

[102] Москалев М., там же.

Вместе с тем Энгельс, будучи реалистом в гораздо большей степени, чем Маркс, отдавал себе отчет в слабости русского пролетариата в том, что ему еще только предстоит пройти через длительный период классовых боев. В письме к Бебелю в конце сентября 1891 года Энгельс писал, что в России наряду с дворянами-землевладельцами есть крестьянство и возникающий пролетариат: «Последний еще слишком слаб для революции, а дворянство уже бессильно для нее; крестьяне же не пойдут дальше бесплодных местных восстаний, пока победоносное восстание городских центров не даст им недостающей спайки и опоры». Это замечание Энгельса выглядит совсем уж подозрительно. Видеть слабость русского пролетариата и одновременно утверждать, что «перемена политического строя в России произойдет в ближайшие годы…» и это энгельсовское убеждение — «не подлежит никакому сомнению» — можно было написать только в одном случае: пишущий точно знает, что никто в Лондоне на пролетарскую революцию в России не рассчитывает, а расчет строится на учете других сил и возможностей, которые могут образоваться в обстановке мировой войны. Более того, у Энгельса нет сомнений, что ее подготовка уже идет. Незадолго до смерти Энгельс писал Плеханову в 1895 году: «И если уж кого дьявол революции держит за шиворот, так это — Николая II».

Не следует думать, что взгляды Энгельса в отношении России радикализировались только под конец его жизни. Еще в 1855 году, расставшись с «Союзом коммунистов», он написал для «Neue Oder-Zeitung», ежедневной бреславльской газеты, большую аналитическую статью, озаглавленную «Германия и панславизм», посвященную политике России на Балканах. В статье он, в частности, указал на то, что Россия перехватила у Австрии идею «панславизма» и, по сути, заявила о своих претензиях на право объединить все славянские народы Европы и Турции под эгидой русского царя. Энгельс с тревогой писал: «Панславизм из символа веры превратился теперь в политическую программу, имея 800000 штыков в своем распоряжении. Он ставит Европу перед альтернативой: либо покорение ее славянами, либо разрушение навсегда центра его наступательной силы — России». Статья Энгельса вполне отражала идеологические установки британского истеблишмента, предопределившие вступление Британии и Франции на стороне Турции в войну против России во время Крымской войны. В этом он полностью сходился во взглядах с Дэвидом Урквартом, тайным сотрудником Палмерстона и открытом врагом России. Судя по всему, 1855 годом можно датировать начало активного противодействия Энгельса русскому царизму, его попыток найти в русской эмиграции силы, способные бросить вызов самодержавию. Позднее, когда он начал контактировать с Засулич, Плехановым, Аксельродом и другими русскими марксистами, большого революционного потенциала Энгельс за ними не усмотрел. Испытывая инстинктивное недоверие к русским марксистам, Энгельс поддерживал связи главным образом с видными народниками Феликсом Волховским, Петром Лавровым, Германом Лопатиным (членом Генерального совета Интернационала), Сергеем Степняком-Кравчинским[103] — людьми действия, которые своим участием в терроре доказали готовность и решимость бороться с царским режимом в России до победного конца. Нельзя исключать, что мнение Энгельса было учтено, когда британская творческая элита и финансисты поддержали идею создания в Лондоне, а потом и в Нью-Йорке Общества друзей русской свободы, а также Фонда вольной русской прессы, который щедро финансировал издание «Свободной России», печатного органа Общества, и других пропагандистских изданий, брошюр, листовок и пр. (Забегая вперед, следует обратить внимание на то, что позднее этот

[103] Сергей Михайлович Степняк-Кравчинский, народник и террорист, в 1878 году ударом кинжала убил шефа Отдельного корпуса жандармов Н.В. Мезенцова, бежал за границу, с 1884 года проживал в Лондоне. Степняк-Кравчинский был талантливым литератором, его книга «Подпольная Россия» была переведена на многие языки и пользовалась большой популярностью. В Лондоне у него появилось много друзей и знакомых: среди них Фридрих Энгельс и его семья, известный писатель и драматург Бернард Шоу, парламентарий-лейборист Дж. Браун, профсоюзный деятель Э. Пиз, известный социалист Уильям Моррис, германский социал-демократ Эдуард Бернштейн. Особое место среди его знакомых занимал Роберт Спенс Уотсон, весьма влиятельный британский либерал, человек из окружения премьера Гладстона и одновременно финансовый директор Общества друзей русской свободы.

Фонд перейдет в распоряжение будущей партии террора, партии социалистов-революционеров, о чем будет подробнее рассказано в специальной статье.) Тем не менее и на террористов из России Энгельс не особо рассчитывал. Именно поэтому в его более поздней статье появилась тема мировой войны, на которую он возлагал надежды как на глобальное стихийное бедствие, радикально меняющее расстановку сил и создающее благоприятные возможности для «разного рода социальных катаклизмов». Это радикальным образом отличало его от увлекающегося Маркса, который начиная с 1870-х годов ожидал в России пролетарской революционной бури, которая зажжет «европейский пожар революций».

Как бы то ни было, к концу жизни Энгельса в Европе и Северной Америке пролетариат и буржуазия окончательно размежевались, наряду с профсоюзами сформировались рабочие и социалистические партии, заявившие о своих претензиях на участие во власти, и можно было ожидать с их стороны новых попыток в той или иной форме координировать борьбу за права рабочих в международном масштабе. Опыт первого Интернационала показал, что такие идеи живучи, и рано или поздно появится партия или группа убежденных энтузиастов, которые попытаются поставить под свой контроль рабочее движение, придать ему широкий интернациональный характер, возродить Международную ассоциацию трудящихся, превратить ее в орудие мощного давления на национальные правительства. Но все произошло гораздо раньше, чем ожидал Энгельс.

Второй Интернационал

Возрождение Интернационала представлялась Энгельсу чем-то неестественным — не было политической и финансовой базы. Британские тред-юнионы, стоявшие за первым Интернационалом, перестали интересоваться социализмом. Другой авторитетной и финансово независимой силы, способной объединить разрозненные европейские группировки социалистической ориентации на базе общей идеологии, не просматривалось. Тем не менее первое подобное предложение прозвучало на съезде бельгийских социалистов в Брюсселе в 1880 году[104]. По предложению Эдуарда Анселе, молодого журналиста и публициста, конгресс избрал специальный комитет, которому было поручено направить обращения социалистам в странах Старого и Нового света с целью подготовки Международного конгресса. В обращении содержался призыв к возрождению Международной ассоциации трудящихся в преддверии, как тогда казалось, нового великого подъема всех народов против старых общественных порядков, против капиталистов-угнетателей рабочего класса. Заканчивалось обращение прежним боевым призывом «Пролетарии всех стран соединяйтесь!»

Обращение неожиданно вызвало живой отклик и было перепечатано в социалистической прессе множества государств. Германская социал-демократическая партия на очередном съезде в августе 1880 года приветствовал предложение бельгийских товарищей. Было решено созвать международный социалистический конгресс в начале декабря 1881 году в Цюрихе, но ввиду запрета, наложенного кантональными властями, конгресс пришлось перенести в маленький швейцарский городок Кур в кантоне Граубюнден. В подготовке конгресса участвовали бельгийские социалисты, члены французской Рабочей партии, германские и швейцарские социал-демократы. Анархисты не принимали участия в подготовке конгресса.

Программу работы конгресса разработал и предложил Эдуард Анселе. Она включала следующие темы: 1) положение социалистических партий разных стран, статистика рабочих групп, философские, политические и социальные взгляды указанных групп, соображения по поводу социалистического движения и возможность мировой революции; 2) положение пролетариата в различных странах, политические преследования лидеров рабочего движения, какой ответ следует дать на эти преследования?; 3) возможно ли объединение социалистических сил и на какой платформе?; 4) разработка программы и принципов пропаганды и агитации; 5) следует ли создавать в странах бюро для информирования и оказания помощи безработным, социалистам, подвергшимся преследованиям?; 6) следует ли социалистам брать власть, какие новые законы следует ввести и какие старые — отменить с целью «провозгласить» социализм?; 7) следует ли создать центральный орган печати для обсуждения социалистических теорий?; 8) составление обращения к рабочим разных стран, с целью разъяснить им их реальное положение, интересы капиталистов и цели социалистов, показать, каким образом рабочие могут избавится от оков.

Конгресс в Куре работал со 2 до 12 декабря 1881 года. Германских социал-демократов представлял Вильгельм Либкнехт, у которого был также мандат от Датской социалистической партии. Социалистическая рабочая партия Северной Америки была представлена Питером Макгуайром, генеральным секретарем Объединенного братства плотников. Бельгийская социалистическая партия — Луи Бертраном. Французская рабочая партия и Федерации центра и востока — Ж. Жофреном и Б. Малоном соответственно. Объединенные рабочие романской Швейцарии — ветераном Ж. Беккером и Солари. Социал-демократы германской Швейцарии — Концетти, Гертером, Ленбертом и Шварцем. Швейцарский Союз Грютли — Фогельзангером. Он германских коммунистов в Лондоне в Кур прибыл Раков. Польских социалистов

[104] Стеклов Ю.М., «Интернационал», Петроград, 1918 г.

представляли Варинский и Лимановский. Присутствовали также Павел Аксельрод, русский братский делегат, и Ференц Сьюла из Будапешта. Португальские и Бразильские социалисты передали мандаты Бенуа Малону. Италия, Испания, Австрия, Британия и Голландия делегатов не прислали.

Конгресс в Куре оказался плохо подготовленным и мало серьезным мероприятием. Никто не представил письменных докладов, большинство вопросов программы практически не обсуждались. Приходилось часто менять залы, где проводились заседания, часть делегатов не удавалось своевременно оповестить об этом, и они пропускали заседания. К тому же начало декабря оказалось не самым удачным временем для проведения конгресса. В Германии рабочие-социалисты активно готовились к выборам. Во Франции вовсю шла реорганизация Рабочей партии, и полным ходом велась подготовка к национальному социалистическому конгрессу. Социалистические партии большинства других стран переживали первые этапы становления и не имели возможности много внимания уделить конгрессу в Куре. Французские делегаты даже предложили назвать его конференцией. В действительности он больше походил на организационный, подготовительный этап настоящего конгресса.

Тем не менее конгресс в Куре подтвердил, что в большинстве стран-участниц социалистические партии только становились на ноги, и было невозможно говорить о возрождении Интернационала до окончательного завершения этого процесса. Было уже хорошо то, что социалистические и социал-демократические партии получили возможность общаться между собой, поддерживать друг друга, но было еще совершенно рано обсуждать возможность создания постоянной международной организации, поэтому никаких практических решений не приняли. Единогласно приняли резолюцию с выражением симпатии русским социалистам. Обращение к рабочим разных стран было признано несвоевременным, поскольку социалистические партии многих стран находились в стадии реорганизации или подвергались преследованиям со стороны национальных правительств, а в России движение действовало на сугубо нелегальной основе. Кроме того, политические, экономические и социальные условия в разных странах сильно различались, что исключало возможность сформулировать какие-либо общие рекомендации.

Существовали лишь социально-экономические реалии, которые давали некоторые основания для совместных акций. Делегаты констатировали, что классовые антагонизмы сохраняются, поэтому эксплуатируемые должны сплотиться в классовую партию, отличную от партий буржуазии. Времена утопий прошли, и наследники старых социалистов желают на научной основе, на основе учета местных условий, исторического пути и политических тенденций избрать оптимальный путь борьбы за освобождение рабочего класса, которая везде может вестись под следующими лозунгами:

Всеобщее полное бесплатное образование;

Социализация производительных сил;

Заработная плата каждого рабочего — в соответствии с затратами труда за вычетом социальных налогов;

«Либеральное существование», которое должно обеспечивать как интеллектуальные, так и материальные жизненные потребности, предоставляемые обществом в соответствии с его возможностями, всё — тем, кто работает и кто еще или уже не может работать — детям, инвалидам и престарелым.

Конгресс признал, что в ближайшем будущем рабочие партии будут в состоянии составить проект совместного социалистического манифеста и призвал делегатов заняться подготовкой соответствующих проектов и представить их на следующем международном конгрессе в Париже. Подготовка парижского конгресса была поручена Французской рабочей партии.

Участники конгресса в Куре были убеждены и открыто признали, что сильные и хорошо организованные национальные партии социалистов представляют собой важнейшее предвари-

тельное условие возрождения Интернационала, но эти условия на данном этапе отсутствуют. Тем не менее в течение буквально нескольких лет после конгресса в Куре положение изменилось. Сильные социалистические партии появились в Италии, Испании, Голландии, Бельгии, Британии, скандинавских странах, Франции и США. На Международной конференции труда в Париже в 1886 году было с очевидностью продемонстрировано, что рост и укрепление социалистических партий в большинстве капиталистических стран стал повсеместным явлением, поэтому очередной международный конгресс социалистов было решено провести уже через три года.

Международный социалистических конгресс 1889 года опять провели в Париже и готовила его опять французская Рабочая партия, но подготовка проходила в спешке и не очень организовано — конгресс хотели приурочить к столетней годовщине Великой французской революции и сделать из него знаковое событие. В качестве главной темы конгресса объявили международное законодательство о труде. Как утверждают, Энгельс принял горячее участие в организации конгресса, однако представляется, что подобные утверждения — дань марксистской традиции «освящать все важные мероприятия великими именами». Энгельс оставался в Лондоне и на конгрессе не присутствовал. В конце мая, то есть менее, чем за два месяца до объявленной даты конгресса, один из секретарей организационной комиссии Поль Лафарг, зять Маркса, обратился к Сергею Степняку-Кравчинскому, старому знакомому Энгельса, с просьбой указать фамилии русских социалистов, которым следовало бы направить приглашения. Кравчинский, не задумываясь, указал на Петра Лаврова, как на центральную фигуру русской политической эмиграции в Париже[105]. Однако Лавров первоначально отказался, заявив, что отсутствие в настоящее время в России партии социалистического пролетариата не дает ему «морального права» присутствовать на конгрессе. Энгельс посоветовал Лафаргу обратиться к Г.В. Плеханову и П.Б. Аксельроду, как представителям группы «Освобождение труда», первого серьезного марксистского кружка в эмиграции. Плеханов согласился участвовать в конгрессе, Аксельрод был приглашен на конгресс как гость. Примечательно, что мандат для участия в конгрессе был выдан Плеханову от имени «Русского социал-демократического союза», эмигрантской организации, созданной осенью 1888 года для издания марксисткой литературы и привлечения новых членов. После ареста Л.Г. Дейча и смерти В.Н. Игнатова в группе «Освобождение труда» осталось всего три члена, и по всей видимости, сочли, что мандат такой организации вряд ли будет выглядеть солидно. В начале июля Лавров тоже дал свое согласие участвовать в конгрессе с условием предоставить ему трибуну конгресса для краткого доклада. Всего Россию представляли шесть делегатов.

Состав делегации от России в целом соответствовал состоянию русского социалистического движения: в нем сохранялось направление народнического социализма и заявили о себе марксисты. Причем преобладание народнических мандатов — пять — отразило ту особенность, что позиции революционного народничества в конце 1880-х годов оставались еще более крепкими, чем марксистских социал-демократов. Другая особенность состояла в том, что все шесть делегатов представляли эмигрантские организации. Единственного делегата Екатерину Бартеневу, предъявившую мандат от «группы 53 рабочих из России», который, вероятно, был оформлен в петербургском кружке социал-демократов, вошедшем в историю как группа М.И. Бруснева, отказались признать делегатом от партии русских социалистов и привлекли только к работе секретариата конгресса. Как полагают историки, в противном случае могло бы сложиться впечатление, что именно она одна представляет на конгрессе рабочих России.

Конгресс начал работу 14 июля 1889 года в сотую годовщину падения Бастилии. На конгрессе присутствовали 393 делегата, представлявшие почти все существовавшие тогда

[105] Свалов А.Н., Делегация России на Парижском (1889 г.) конгрессе Интернационала, «Русский мир», №2, 2010 г., с. 117-124.

национальные рабочие и социалистические организации Австрии, Аргентины, Бельгии, Болгарии, Великобритании, Венгрии, Германии, Дании, Испании, Италии, Нидерландов, Норвегии, Польши, Португалии, России, Румынии, США, Финляндии, Франции, Чехии, Швейцарии, Швеции. Среди участников конгресса были представители как марксистского, так и анархистского течения. Самой многочисленной была делегация СДПГ во главе с В. Либкнехтом. Конгресс признал, что одной экономической борьбой пролетариат ограничиваться не может, поэтому была принята резолюция, которая подчёркивала необходимость создания революционных рабочих партий и организации борьбы за завоевание пролетариатом политической власти. Однако о путях и методах завоевания политической власти в резолюции ничего не говорилось. Из экономических задач конгресс на первый план выдвинул борьбу за восьмичасовой рабочий день. Было также предложено объявить первое мая днем международной солидарности трудящихся и ежегодно торжественно отмечать эту дату. Правда, германские делегаты внесли уточнение. По их мнению, во избежание трудовых конфликтов отмечать первое мая следовало в ближайшее воскресенье, что, конечно, лишало инициативу классовой остроты.

Лавров и Плеханов выступали на пленарном заседании 17 июля и говорили не столько о социализме, собственно социалистическом движении, сколько о революционной борьбе в России против самодержавия. При этом Лавров акцентировал внимание на ее наиболее ярких страницах, относящихся к народничеству, к деятельности и заслугам партии «Народная воля». История народничества была представлена как история поиска наиболее эффективных форм борьбы против существующего в России строя. Применительно к текущему моменту Лавров признал «тяжелый кризис» социально-революционных сил в России. Один из путей выхода из него виделся Лаврову в том, чтобы, «забыв раздоры последнего времени», попробовать соединиться в интересах борьбы против абсолютизма. Что касается краткой речи Плеханова, то в отличие от доклада Лаврова, который представлял собой напоминание о героическом прошлом, речь Плеханова была марксистской декларацией о будущем социалистического, точнее, социал-демократического движения в России. Плеханов выступил как последовательный марксист-«западник», для которого не существовал особый «русский социализм» с его верой в потенциал разрушающейся сельской общины. Революционная Россия, по его словам, это рабочая Россия, и она «не должна держаться в стороне от остальной рабочей и социалистической Европы». Его доклад был наполнен своеобразным оптимизмом: «…Революционное движение в России восторжествует как рабочее движение или же никогда не восторжествует!» [106]

Преобладание выступлений делегатов с марксистских позиций, продемонстрированное на конгрессе, еще раз убедило Плеханова и его единомышленников в правильности их «социалистического западничества». Народники, как ни странно, убедились в обратном, в неприменимости западного пути к России. Как бы то ни было, международные конгрессы открывали широкие возможности для восприятия опыта европейского социалистического движения, для развития связей и контактов. Плеханов в Париже познакомился с лидерами германской социал-демократии В. Либкнехтом и А. Бебелем, видными социалистами других стран. А после конгресса состоялась долгожданная поездка Плеханова и Аксельрода в Лондон, к Энгельсу, организованная Степняком-Кравчинским.

Парижский конгресс «объединенных социалистов» 1889 года принято считать учредительным конгрессом второго Интернационала, однако никаких резолюций подобного рода конгресс не принял, не избрал никаких координирующих и даже информационных международных органов. Только в 1900 году на очередном парижском конгрессе удалось создать Международное социалистическое бюро — постоянный исполнительно-информационный орган Интернационала. Все партии и группы входили в Интернационал на условиях полной

[106] Свалов А.Н., Делегация России на Парижском (1889 г.) конгрессе Интернационала, «Русский мир», №2, 2010 г., с. 117-124.

автономии, решения конгрессов не были для них обязательными. Демократический централизм как марксистский принцип организации был отвергнут II Интернационалом. Кроме того, вопреки мнению Плеханова о преобладании на конгрессе представителей марксизма очень скоро выяснилось, что большинство партий, присоединившихся ко второму Интернационалу, стоят на реформистских позициях. Даже главный оплот Второго Интернационала Германская социал-демократическая партия, отвергавшая попытки ревизионистов во главе с Ж. Жоресом и Э. Бернштейном ограничить борьбу рабочего класса исключительно экономической и политической программами, на практике сосредоточила усилия на работе с профсоюзами и на парламентских выборах. С началом Первой мировой войны было покончено и с пролетарским интернационализмом. Официальная платформа Второго Интернационала, так называемая Эрфуртская программа, провозгласившая несовместимость интересов буржуазного государства и международного рабочего класса, была отброшена. Все парламентские европейские рабочие и социалистические партии проголосовали за военные кредиты национальным правительствам.

Таким образом, Второй Интернационал загадочным образом, но по всей видимости, вполне закономерно повторил судьбу Первого. Он не стал международным органом координации действий социалистических и рабочих партий Европы и Америки, он не смог превратить международное рабочее движение в грозный инструмент классовой политической борьбы пролетариата с буржуазией ни на национальном, ни на мировом уровне. Как представляется, для этого существовало слишком много препятствий объективного плана, но несомненно существовали и субъективные причины.

Марксизм и британский коллективный политический субъект

Подводя итог краткому рассказу о роли Энгельса и Маркса в мировом рабочем и коммунистическом движении, как представляется, следует, наконец, восстановить справедливость и вернуть каждого на его законное место в их творческом тандеме. С точки зрения практической политики первенство, несомненно, принадлежит Энгельсу. Менее очевидна теоретическая сторона их сотрудничества, но, как уже было показано выше, все основные идеи исторического материализма и политической экономии, развивавшиеся Марксом на протяжении сорока лет, Энгельс сформулировал в первые два года их знакомства и совместной работы. Американский экономист Джон Гэлбрейт тоже что-то подозревал, когда писал: «Энгельс всегда считал себя младшим партнёром, и он им, несомненно, был. Но это не умаляет его роли. Не будь он младшим партнёром, многое из того, чем прославился его старший партнёр, не увидело бы свет». И тут невольно возникает параллель между трудами Адама Смита и «Капиталом» Маркса. Фритредерские идеи были подсказаны Смиту уже не раз упоминавшимся лордом Шелбёрном, по сути заказчиком научного исследования, о чем было достаточно подробно рассказано во второй книге. «Капитал» и другие социалистические работы Маркса были подсказаны Энгельсом. Именно Энгельс обрисовал Марксу направление исследования, которое его далеко не сразу заинтересовало. Энгельсу стоило большого труда заставить Маркса взяться за работу, а потом регулярно призывать сосредоточиться, надо признать, увлекающегося и разбрасывающегося Маркса. Энгельс требовал от Маркса ставить себе конкретные сроки завершения очередного этапа работы и добиваться их соблюдения. Только благодаря настойчивости Энгельса Маркс дописал «Капитал», которому суждено было стать своего рода Библией рабочего движения. Также как в Библии в «Капитале» каждый читатель мог найти всё, созвучное его мыслям и настроениям. Как писал составитель Новейшего философского словаря А.А. Грицанов, «несмотря на незначительность авторитета их <произведений> создателя при жизни, наследие Маркса «пройдя региональную и национальную адаптацию и модернизацию (зачастую весьма кардинальную): А. Лабриола в Италии, Г. Плеханов и В. Ленин в России, К. Каутский и Р. Люксембург в Германии и др. — стало смысловым, доктринальным и моральным ядром идеологий, теорий и программ деятельности практически всех революционистских движений двадцатого

века, провозглашавших собственные мессианизм и социальную исключительность» [107]. Правда, Энгельсу пришлось поработать над вторым и третьим томами «Капитала», точнее над грудами разнородных, нестыкующихся фрагментов, черновиков, набросков, оставшихся после смерти Маркса необработанными. Это была непростая работа. В одном письме Энгельс писал: «Я работаю над неструктурированными рукописями второго, третьего тома «Капитала», я почти ничего не понимаю, работаю с трудом» [108]. Второй том получил заглавие «Процесс обращения капитала», а третий — «Процесс капиталистического производства в целом». Схемы простого и расширенного воспроизводства из второго тома «Капитала» признаются основным вкладом Маркса в экономическую науку, однако, вряд ли можно согласиться с тем, что этот вклад по праву принадлежит только Марксу. И все же не очень понятна цель, которую преследовал Энгельс, берясь за эту непосильную работу, ведь главное было сказано в первом томе.

Если отвлечься от теоретических построений Маркса о товаре, его стоимости, прибавочной стоимости, денежном обращении и первоначальном накоплении капитала, то следует признать, что главный вывод, ради которого собственно Энгельс буквально заставлял Маркса писать этот труд, состоял в доказательстве конечности капитализма как общественной системы и способе разрешения основного противоречия между трудом и капиталом. Маркс путем непростых логических построений пришел к выводу о том, что это противоречие при капитализме неизбежно разрешается путем социальной революции, уничтожающей различия между общественными классами. Это был логический тупик: отсутствие противоречий, отсутствие единства и борьбы противоположностей в обществе, как отсутствие разности потенциалов в электротехнике суть исчезновение энергии, так и вывод Маркс означал конец общественного развития. Однако, как представляется, Энгельсу, как заказчику исследования, это было не так уже и важно. Печальный итог капитализма как дело далекого будущего его мало интересовал. Его интересовал процесс развития капитализма и способы сглаживания основного противоречия между трудом и капиталом. Или наоборот — его обострения, когда того потребуют интересы … И опять невольно хочется спросить: чьи интересы выражал Фридрих Энгельс, ставя перед Марксом непростую задачу? Как представляется, ответ не стоит искать далеко. Изложенное выше требует признать, что Энгельс, ставя перед Марксом задачу исследования современного ему общества, выступал от имени британского коллективного политического субъекта. Именно его, этого субъекта, могли интересовать перспективы развития современного общества и его собственного выживания, а также использования этого противоречия против своих противников и конкурентов. Следует обратить внимание на то, что Маркс не дождался перевода «Капитала» на английский язык при жизни, однако его мысли о конечности капиталистического способа производства оказались известны в кругах британских интеллектуалов и аристократии. Социалистические идеи стали модной и в то же время тревожной темой дискуссий в кругах британской элиты, многим захотелось убедиться в обоснованности марксовой гипотезы, проверить ее если не практикой, то хотя бы логическими размышлениями других признанных ученых, писателей, публицистов. Желание заглянуть в будущее породило новую тенденцию в литературе, новый жанр — фантастику, основоположником которой стал Эдуард Булвер-Литтон.

[107] Грицанов А.А., Новейший философский словарь, составитель и главный научный редактор, Минск, 1998 год.

[108] Историк Наталья Басовская привела это письмо в радиопередаче с Венедиктовым 2 сентября 2007 года.

Булвер-Литтон и «грядущая раса»

«1867 год. Лондон. Старая добрая Англия. Британская империя времен золотых дней королевы Виктории. Лорд Булвер-Литтон создает общество английских розенкрейцеров — «рыцарей розы и креста». В ряды общества вступают магистры и высшие градусы разных масонских лож. Всего 194 человека. Магия хаоса, необычные способности и паранормальные процессы — вот что интересовало членов нового ордена. В своей переписке и работах английские розенкрейцеры то и дело ссылаются на Высших Неизвестных, «Внешние Умы». Постоянно возникала тема таинственного старца, с которым поддерживали тайную связь только высшие руководители общества, неведомые даже для масонских магистров» — так Максим Калашников в книге «Третий проект» начинает рассказ про лорда Литтона[109], блистательного мыслителя, успешного дипломата, политика и автора многих очень популярных книг[110]. Если отбросить в сторону мистицизм, то в сухом остатке окажется, что по сути дела орден был собранием политтехнологов, изучавших способы управления обществом через особенности человеческой психики. Булвер-Литтону принадлежит знаменитая многозначительная фраза: «Прошлого не существует, пока будут существовать книги».

Но Булвер-Литтон занимался не только прошлым, но и будущим. Он написал три романа: «Последние дни Помпеи», «Занони» и «Грядущая раса». Роман «Последние дни…» посвящен прошлому, настоящее описано в «Занони», а будущее — в «Грядущей расе». Рассказывая о Помпеях перед тем, как их погубит извержение вулкана, лорд повествовал о культе Черной богини Изиды, с образом которой связывалась черная магия и эзотерика зла. В «Занони» описаны приключения человека, который обладал, говоря по-современному, экстрасенсорными способностями, и могуществом, превышающим нормальные человеческие возможности. А «Грядущая раса» представляет собой роман-утопию.

В этом третьем романе Булвер-Литтон попытался представить, что произойдет, если реально победят сторонники Маркса, и общество будет формироваться на базе социалистических или даже коммунистических принципов. Герой романа, американец, странным образом попадает в подземелье, где светло без солнца, где существует такое общество, где нет нищих, нет сверхбогатых, распределение осуществляется через деньги, но и по справедливости, в обществе возобладал сплошной гуманизм, правда где-то остались варвары, но их уничтожают, когда они нападают, оружие, кстати, абсолютное, сохранилось, поэтому войн нет между поселениями грядущей расы, потому что можно же друг друга поубивать. Оружие — вриль — в общем даже не оружие, а просто энергия, которой представители грядущей расы овладели в совершенстве, поэтому у всех все есть, все занимаются только тем, что интересно. Вот только литературы не стало, потому что это от нескромности и писатель явно претендует на исключительность, а это разжигает страсти. Живопись тоже стала примитивной, потому что все должны писать картины более или менее одинаково, чтобы не выделяться, не вызывать желания у других сделать лучше. Наука и ученые есть, но они ведут себя скромно и стараются быть как все, чтобы не вызывать зависть. В руководители общества загоняют силком потому, что руководи-

[109] Незадолго до своей смерти в 1873 году, Булвер-Литтон стал министром колоний в правительстве Британской империи. Это было время расцвета колониальной системы, и над империей англичан не заходило солнце. Под их властью пребывали Индия, Египет, пол-Африки и половина Азии. На колониях зиждилась экономическая мощь британцев. Поэтому пост министра колоний был очень и очень важным. Булвер-Литтона отлично знали в парламенте. Знаменитый лорд Палмерстон был его другом и политическим союзником. Палмерстон, победитель России в Крымской войне 1853–1856 годов, прославился еще и тем, что одновременно спонсировал все главные революционные движения того времени. Среди друзей Булвер-Литтона был и другой знаменитый политик — Дизраэли, лорд Биконсфилд, оказавший огромное влияние на всю современную ему европейскую политику.

[110] Булвер-Литтон почитается также как один из отцов детектива, и основоположником жанра «романа ужасов».

телю нужно думать за всех и постоянно. Трудом, то есть производством еды, исключительно вегетарианской, каких-то машин, строительством жилищ занимаются только дети лет до 12, потому что они уже могут это делать и им это еще интересно. Никто их не принуждает. После 12 и до 20 лет они учатся, но не знания приобретают, потому что знаниями они владеют как бы изначально, заснул-проснулся — все знаешь, а учатся они быть взрослыми.

Взрослые, которые все поголовно живут больше ста лет, потому что порода, т.е. раса такая, и с медициной у них все в порядке — все дело в энергетике организма и ее нужно только подправить, чем может заниматься каждый, кому интересно, вот взрослые и занимаются тем, что получают удовольствие от жизни. Но поскольку писать книги, картины, заниматься музыкой, играть в карты, охотится, пить вино, курить, получать другие удовольствия в этом обществе не принято, то взрослые получают удовольствие от самого процесса жизни, то есть пребывают в полностью умиротворенном состоянии, гармонии с природой, созерцают сам процесс жизни и готовятся к расставанию с нею, ибо потом-то и начинается райская жизнь. Именно поэтому похороны выглядят в этом мире как веселое торжество. То есть временное пребывание в этом мире нужно использовать, чтобы подготовиться к райской жизни, и уже на земле следует вести райский образ жизни. Герою книги все в этом обществе нравится. Вот только скучно как-то. Еще и женщины у них главные, потому что сильные и умные, но с мужчинами ведут себя в общем по-человечески и уж если выбрали себе какого, то на всю жизнь — у них это просто в крови.

От скуки герой начинает подумывать о том, чтобы захватить власть, или может быть его изберут правителем: « ... каких реформ я не введу! Какое оживление я могу внести в эту приятную, но слишком монотонную жизнь, благодаря моему знакомству с обычаями цивилизованных народов! Я большой любитель охоты; после войны, какая же форма развлечения для монарха достойнее ее? Какое обилие и разнообразие дичи в этом подземном царстве! Что может сравниться с интересом такой охоты за допотопными существами? Но как? Неужели при помощи этого ужасного вриля, который даже недоступен мне? Нет, мы приспособим заряжающуюся с казны винтовку, которая может быть, значительно усовершенствована здешними искусными механиками; да я и видел такую — в музее древностей. Как неограниченный монарх, я искореню употребление вриля, оставив его только для военных целей. Кстати, о войне ... неужели такой способный, богатый и хорошо вооруженный народ должен ограничиться жалкой территорией, способной прокормить только десять или двенадцать тысяч семей. Разве подобное стеснение не есть только результат философских фантазий, противных основным стремлениям человеческой природы, и в попытках, к осуществлению которых у нас на земле уже потерпел такую неудачу покойный м-р Роберт Оуэн. Конечно, я не начну войны с соседними нациями, которые также хорошо вооружены, как и мои подданные; но ведь остается множество народов, незнакомых с употреблением вриля, демократические учреждения которых, по-видимому, очень похожи на политическую систему моих соотечественников. Нисколько не раздражая союзных племен Вриль-я (это общество грядущей расы), я могу вторгнуться в страну этих народов и завладеть их обширными территориями, громадными пространствами, может быть до крайних известных пределов земли, и я буду царить над империей, в которой никогда не заходит солнце. В своем увлечении я даже позабыл, что в этом подземном царстве вовсе нет солнца. Что же касается фантастического убеждения, будто слава и известность, составляющие, между нами, неоспоримый удел выдающегося деятеля, разжигают страсти и борьбу и способствуют нарушению благ мира и тишины, то это дикое понятие расходится с основными элементами не только человеческой, но и животной природы, потому что само по себе приручение животного возможно только под влиянием похвалы и соревнования. Какая же слава ждет повелителя, завоевавшего целую империю! Я сделаюсь для них полубогом.

Что касается другого фантастического понятия, что жизнь их во всем должна сходиться с учениями их веры (мы тоже отчасти признаем это, но принимаем в соображение разные исключительные обстоятельства), то учитывая мнение просвещенной философии, я решил искоренить это языческое, проникнутое суеверием учение, стоящее в таком противоречии с современными движениями мысли и практической жизни.

Занятый этими разнообразными проектами я подумал, как бы хорошо было теперь выпить для прояснения мыслей хороший стакан грога. Хотя я и не любитель крепких напитков, но бывают моменты, когда небольшое количество алкоголя вместе с сигарою оживляют воображение. Конечно, между их плодами и фруктами найдутся такие, из которых можно получить великолепное вино. Какую вкусную, сочную котлету можно вырезать из этого откормленного подземного оленя (какая бессмыслица – отвергать мясную пищу, значение которой признается нашими первыми докторами). В такой обстановке можно приятно провести лишний час за обедом. Вот еще эти скучные устарелые пьесы, разыгрываемые их детьми. Когда я буду царствовать, я непременно введу у них оперу и балет, для которого, наверное, можно найти среди покоренных наций подходящих молодых женщин, умеренного роста и без таких внушительных мускулов, как у их Джай-и, не угрожающих врилем и не требующих, чтобы на них непременно женились».

Размышления героя на этом были прерваны, и ему пришлось вернуться в Соединенные Штаты. Если коротко, то это все, но это и есть пример того самого, что А.Е. Вандам назвал попыткой проникнуть, «неустанной работой мозга … на огромное расстояние во времени и пространстве видеть и почти осязать то, что людям с ленивым умом и слабым воображением кажется пустой фантазией». Вывод, который читатель может сделать из прочитанного, состоит в том, что принципы социализма и коммунизма, противоречат природе человека и потому вряд ли могут быть реализованы без глубоких изменений в этой самой природе[111]. По сути, эта довольно популярная для своего времени книга положила начало складыванию нового архетипа нового британца, задала код модификации общественного сознания, в котором нет места обществу, описанному в книге, это была своевременная и эффективная «прививка» против «заразных социалистических идей». Миф творит реальность. Он сначала меняет сознание, а затем уже сознание преобразует окружающий мир. В массовое бессознательное дополнительно к имперскости попытались внедрить идею неприемлемости для гордого, все умеющего бритта «скучного и бесстрастного способа организации человеческого общежития». Попытка очередного перепрограммирования английского общества была предпринята, но ее эффективность оказалась неочевидной.

Почин Булвер-Литтона развенчать будоражащий воображение образ революционной теории Маркса подхватили другие писатели и философы. Одним из его выдающихся последователей стал Джон Раскин, который попытался направить социалистическое движение Англии в «правильном направлении».

[111] Отсюда интерес английской элиты к евгенике, расовым теориям …и прочее. Надо сказать, что в 80-х годах XIX века эти идеи были у английского высшего общества весьма в моде.

Джон Раскин

Важнейшей особенностью английского коллективного политического субъекта является его способность с удивительным постоянством выдвигать стратегически мыслящих индивидуумов, способных поддерживать и развивать британскую имперскую идею, приспосабливать ее к текущим и перспективным задачам. Особенно впечатляет в этом плане вторая половина XIX века, когда появилась целая плеяда мыслителей и политических деятелей, воплощавших непосредственно на «мировой шахматной доске» грандиозные замыслы своих предшественников и современников. Сесил Родс, один из идеологов британского империализма второй половины XIX века, ярый сторонник масштабных колониальных завоеваний, относил к таким мыслителям Джона Раскина, профессора Оксфордского университета, художника, искусствоведа, философа и политического деятеля. Во время учебы в Оксфорде Родс слушал лекции Раскина, которые произвели на него необычайно глубокое впечатление. И не только на него одного. Как правило, на лекциях Раскина свободных мест не оставалось.

Джон Раскин (1818-1900 годы) увлекся социалистическими идеями только во вторую половину жизни под влиянием своего друга Томаса Карлайла, корифея английской литературы и философской мысли XIX века и одновременно идеолога превосходства британской нации. Примечательно, что сам Карлайл во второй половине жизни все меньше и меньше был склонен критиковать капитализм. Стройное изложение своих идей Раскин дал в книге «Последнему, что и первому» (Unto This Last, 1860 г.)[112]. В этой книге, не отрекаясь от своих имперских убеждений, Раскин выступил с критикой капитализма с позиций христианского социализма. Раскин был убежден, что в интересах общественной стабильности государство должно взять на себя бремя всеобщего образования, причем поднятого на небывало высокий уровень. Каждый англичанин, по замыслу Раскина, должен был получить привычку к здоровому образу жизни, достойному поведению и усвоить основные принципы нравственности.

Кроме того, государство, по Раскину, обязано строить мануфактуры и фабрики для производства всех товаров, необходимых для жизни англичан, а качество этих товаров должно быть образцовым. Государство при этом не должно мешать частной инициативе, не должно вводить никаких ограничений для частных предприятий, которые могли бы конкурировать с государственными, если бы были в состоянии это сделать.

Каждому англичанину по завершении образования должна быть предоставлена работа, к которой он имеет наибольшую склонность, с достойной заработной платой, размер которой должен пересматриваться ежегодно. В случае нетрудоспособности работник должен получить необходимое лечение. Отказывающиеся от работы должны подвергаться жесткому осуждению и принудительно направляться на наиболее опасные и трудные производства, например, в шахты.

Старым работникам и нетрудоспособным государство должно обеспечивать кров и комфорт, проявлять заботу об их здоровье, создавать атмосферу почета и уважения к заслуженным британцам, честно работавшим на благо Англии. Пенсия работника, всю жизнь проработавшего лопатой, может быть меньше пенсии, заработанной мечом, пером или ланцетом, но она в любом случае должна быть почетной, ибо все работники служили своей стране.

По Раскину, любой труд является источником почета, даже труд капиталиста, потому, что он работает не за прибыль, а по долгу совести организует производство необходимого для страны и дает работу многим и многим работникам, по отношению к которым он выступает

[112] В 1904 году это произведение Раскина было рекомендовано англичанином Поллаком Мохандасу Ганди, который в то время проживал в Йоханнесбурге. Книга произвела на Ганди настолько глубокое впечатление, что с того времени он полностью изменил свою жизнь и даже сделал ее перевод на гуджаратский язык.

как защитник и отец. Не каждый сможет выполнять эти многосложные обязанности и это естественно проистекает из природы человека, поскольку от рождения все люди разные. Но те, кому даны такие способности, должны брать на себя эти обязанности и учить работников благородной, честной и счастливой жизни. Они должны платить за их работу по справедливости, не опускаясь до сомнительных утверждений, что работникам нужно давать только необходимый минимум, иначе они погрязнут в пьянстве и лени.

Раскин ставил вопрос о перспективах развития Англии, он видел опасности, сопряженные с превращением страны во всемирную фабрику, прежде всего возможность деградации окружающей среды, исчезновения лесов, питьевой воды, чистого воздуха, перенаселения страны. Помимо традиционных мер, предлагаемых специалистами, таких, как колонизация новых территорий, возвращение в хозяйственный оборот обедненных земель, ограничение рождаемости, Раскин видел и другие возможности. По его мнению, главный и основной ключ к решению всех этих проблем состоит в понимании, что общество не должно стремиться к постоянному, неограниченному производству, а должно встать на путь совершенствования каждого отдельно взятого человека, достижения всеобщего понимания, что не богатство, а внутреннее состояние счастья, способность получать удовольствие от жизни являются настоящей целью всех и каждого.

С точки зрения современного знания ничего сверхъестественно нового Раскин не изобрел, да и сами идеи христианского социализма высказывались еще до него французом Ф. Ламенне, соотечественниками Ф. Морисом, Ч. Кингсли и другими. Тем не менее идеи Раскина, по оценкам современников, оказали огромное влияние на несколько поколений студентов, многие из которых впоследствии заняли влиятельные позиции в английском истеблишменте и рассматривали Раскина как идеолога английской имперской философии и специфического английского социализма. Среди тех, для кого идеи Раскина стали жизненной философией, оказался и уже упоминавшийся Сесил Родс, английский предприниматель, один из основателей алмазной империи Опенгеймеров на юге Африки, и весьма влиятельный политический деятель. Надо сказать, что Родс был исключительно жестким и прагматичным политиком, и его вряд ли могла увлечь «очередная новомодная теорийка». Тем не менее, по его собственному признанию, именно идеи и энтузиазм Раскина выковали его как империалиста.

Скорее всего, мысли Раскина, которые он развивал не в общественных пространствах, были не столь общи и беззубы. Некоторые исследователи высказывают предположения, что программа Раскина могла содержать не только идеи всеобщего воспитания и просвещения общества в духе идей социальной стабильности и великой империи, но имела и второй круг идей — для узкого круга единомышленников, что весьма характерно для британского образа мысли. Американская писательница Джоан Веон написала две книги о Раскине. В этих книгах она пришла к заключению, что под влиянием идей Платона, высказанных в трактате «Республика» о принципах построения рабовладельческого государства, а также под влиянием модных в то время социалистических идей, Раскин разработал своего рода программу, направленную, с одной стороны, на консолидацию английского общества, в том числе с использованием «обезвреженных» социалистических идей, а с другой — концепцию укрепления мировых позиций британской империи и разрушения континентальных монархий. Мировое господство англосаксов в идеях Раскина тесно сопрягалось с модными на тот период теориями социального дарвинизма и евгеники, т.е. целенаправленного создания «расы господ», противостоящей «расе рабов», ибо Раскин «отлично понимал, что основанием природы человека является жадность и борьба за выживание». В этом пункте Раскин плотно смыкался со своим другом Карлайлом.

Существенное место в учении Раскина занимали мальтузианские идеи о необходимости принудительного планового сокращения численности низших рас, внедрения технологий контроля рождаемости, принудительной селекции. Раскин предсказывал появление высшей расы, возглавляемой британской элитой, единственной целью которой будет окончательное овладе-

ние миром и создание мирового правительства. Основой нового мирового порядка, по мнению Раскина, должна была стать Британская империя, вокруг которой следовало создать более универсальную структуру, подчиненную «центральному ядру».

На могильном камне Джона Раскина выгравирован символ Теософского общества Елены Блаватской[113], на котором изображен уроборос — змей, пожирающий себя с хвоста и окружающий кольцом свастику. Примечательно, что этот символ позднее стал символом германского изотерического общества Туле, к которому принадлежал Гитлер[114].

[113] Елена Блаватская, основательница Теософского общества, двоюродная сестра Сергея Витте.

[114] https://mediachecker.wordpress.com/2011/05/30/john-ruskin-1819-1900/

Арнольд Тойнби

Учеником Раскина и еще одним выдающимся мыслителем той эпохи, который посвятил свои труды переосмыслению социалистических идей, справедливо считается Арнольд Тойнби-старший (1852-1883), профессор Оксфордского университета, дядя будущего историка, разведчика и политического деятеля Арнольда Тойнби-младшего. Тойнби руководил кружком студентов, в который входил Альфред Милнер, будущий глава секретного общества и член военного комитета и военный министр английского кабинета в годы Первой мировой войны. В Оксфорде у них завязалась тесная дружба, а в 1895 году, через двенадцать лет после смерти друга и учителя, Милнер написал книгу «Арнольд Тойнби: воспоминания»

Старший Тойнби известен как изобретатель исторического метода анализа экономики. Он, в частности, утверждал, что т.н. универсальные законы экономики на самом деле относительны[115]. Так, например, свобода торговли далеко не всегда является выгодной, при определенных обстоятельствах, например, на начальной стадии индустриализации, она может оказаться губительной. В этой связи степень вмешательства государства в управление рыночной экономикой, по мнению Тойнби, должна строго соответствовать требованиям момента. Тойнби не считал, что свобода конкуренции универсально полезна для социального и экономического развития общества, как это утверждали сторонники социального дарвинизма. Тойнби не ставил знак равенства между борьбой за существование и борьбой за особый стиль существования. С самого начала человеческой истории, утверждал он, все цивилизации выступали против жестокой борьбы последнего типа. Мы намерены изменить жестокость этой борьбы и спасти слабого, который рискует быть раздавленным. Хотя экономическая конкуренция действительно имеет свои преимущества, выступая как движущая сила технического прогресса, однако прогресс этот достигается за счет огромной растраты человеческих жизней и труда, которой легко можно избежать за счет регулирования. Тойнби советовал различать конкуренцию в производстве и конкуренцию в распределении благ. Первая является выгодной обществу, вторая – идет во вред. Более сильная сторона будет диктовать свои условия как в ранние годы капиталистической конкуренции, когда капиталисты угнетали рабочих и снижали уровень заработной платы до нищенского. Такую конкуренцию нужно останавливать. В истории нет ни одного примера, когда это продолжалось бы достаточно долго без попыток изменить такую конкуренцию или путем борьбы, или путем закона, или их сочетанием. Сама по себе экономика рынка ни хороша, ни плоха. Ее можно уподобить потоку, который, будучи заключен в надежные набережные, может работать безопасно и благотворно. Вера в неограниченную свободу рынка и ее непреходящую ценность была характерна только для ранней стадии промышленного капитализма.

Тойнби стремился доказать, что материальное положение рабочего может улучшаться. В этой связи он возлагал большие надежды на профессиональные союзы и видел в них возможность будущего, морального единения человечества. Не отрицая индивидуальной свободы, Тойнби доказывал необходимость вмешательства правительства в некоторые сферы жизни рабочего. По его мнению, государство могло бы взять в свои руки такие предприятия, как железные дороги, снабжение газом и водою, предоставление рабочим благоустроенных жилищ. Кроме того, правительству следует взять на себя ответственность за распространение образования, за улучшение условий труда на фабриках и заводах. Предприниматели также не должны оставаться в стороне от задач улучшения положения рабочих, им следует проявлять больше сочувствия к трудящимся, стремиться к «духовному сближению» со своими сотрудниками, чтобы сократить ту пропасть, которая их разделяет. Особая роль в «духовном сближе-

[115] Абсолютными Тойнби считал только некоторые законы, в том числе закон убывающей доходности.

нии» классов, по мысли Тойнби, принадлежит представителям науки, образования и религии. Вслед за Раскиным он полагал, что образованные классы должны активно общаться с народом, не только просвещать массы пролетариев, но и учиться у них. Он положил начало движению за распространение университетского образования в народной среде (University Extension Movement), показав на собственном примере, чего можно достигнуть стремлением облегчить нужду рабочих. Он начал читать лекции рабочим, которые приобрели необычайную популярность, стремился содействовать улучшению жизненных условий рабочих, способствовал созданию профсоюзов и кооперативов, устройству рабочих библиотек. Он поощрял своих студентов выступать с лекциями перед населением в тех частях города, где они проживали. После смерти Тойнби в возрасте чуть более 30 лет, его последователи создали университетский поселок, который стал центром социальных реформ и экспериментов и получил название «Тойнби Холл». Эта инициатива послужила мощным толчком для международного движения университетских поселений.

Даже краткое изложение взглядов Тойнби свидетельствует о том, что предсказание Карла Маркса о неизбежном нарастании классовой борьбы в капиталистическом обществе[116], которая во второй половине XIX века уже достигла высокой степени напряжения и даже привела к созданию на некоторое время Интернационала — международного объединения социалистических группировок, весьма тревожило английскую элиту. Английские интеллектуалы стремилась предложить адекватные способы снижения накала социальных противоречий, повышения единства и стабильности общества в условиях усложнения международной конкуренции и появления угроз британской гегемонии. Судя по всему, именно этот аспект идей Тойнби особенно привлекал Альфреда Милнера. Он, однако, понимал, что лекции и призывы помогают решить лишь малую часть задачи огромного, почти планетарного масштаба. Предложить свой вариант решения проблемы попытались и фабианцы.

[116] Некоторые исследователи считают, что деятельность К. Маркса финансировалась не только Ф. Энгельсом, но и Н. Ротшильдом, которого весьма интересовали тенденции общественного развития в Англии и в мире в целом.

Фабианское общество

В октябре 1883 года детская писательница Эдит Несбит, ее муж, журналист Хьюберт Бланд, их друг и биржевой маклер Эдвард Пиз решили создать социалистическую дискуссионную группу. Позднее к ним присоединился писатель Фрэнк Подмор. В январе 1884 года они решили назвать свою группу Фабианским обществом, в честь римского полководца Квинта Фабия Максима, который прославился тем, что постоянно уклонялся от прямых сражений с Ганнибалом, изматывая его войско длительными переходами, упорными преследованиями и постепенно истощая врага, за что и получил прозвище Кунктатор — Медлитель. По словам одного из учредителей, Фабианское общество было «организовано для размышлений и дискутирования, а не для избирательной активности, которую оно оставляет другим организациям, хотя общество и поощряет своих членов, с учетом их индивидуальных возможностей, принимать активное участие в работе иных организаций»[117].

По давней английской традиции, данное определение целей и задач Фабианского общества, правдиво, но только частично. Что касается «размышлений и дискутирования», то к этой части придраться трудно, правда, она выглядит довольно туманно, хотя Общество практически с самого начала своей деятельности занялось серьезными и глубокими исследованиями британской экономики и общественного устройства. Вторая часть представляет собой попытку скрыть то, что фабианцы считали своей главной задачей, а именно неспешную и незаметную для стороннего наблюдателя инфильтрацию партий, общественных организаций, клубов, прессы, учебных заведений своими единомышленниками с целью распространения результатов своих исследований и оказания влияния на внутреннюю политику правительства.

После нескольких месяцев первых организационных усилий дело сдвинулось с мертвой точки. Хьюберт Бланд привлек в Общество своего коллегу по журналистской деятельности, уже известного драматурга и острого публициста Бернарда Шоу, который тогда работал на влиятельную лондонскую газету «Pall Mall Gazette». Шоу с энтузиазмом включился в работу и благодаря его уникальной способности говорить просто о сложном быстро стал востребованным лектором и докладчиком. Благодаря Шоу Общество приобрело не только важный канал распространения своих идей, но и вывело его на весьма влиятельные круги. Редактором газеты, с которой сотрудничал Шоу, в то время был один из лидеров либерального направления Уильям Стед, а его помощником был Альфред Милнер, который предпочел адвокатской практике работу в газете. Они оба были близки к бриллиантовому магнату и компаньону Ротшильда Сесилу Родсу, организатору английской колониальной экспансии в Южной Африке. Помимо этого Шоу привлек в Фабианское общество Сиднея Уэбба, а в последствии и его жену, Беатрису Уэбб, которые стали центральными фигурами фабианского проекта. Они развернули в Обществе конкретные прикладные исследования условий труда и жизни рабочих, трудовой статистики и законодательства, вопросов муниципального управления, системы образования. Уэббы считали, что общество можно улучшить, если научиться «правильно измерять его проблемы» и на этой основе совершенствовать законодательство[118].

Сторонники фабианства считали, что преобразование капитализма в социалистическое общество неизбежно, но должно происходить эволюционным путем, в результате постепенных институциональных преобразований. В отчёте, представленном Международному социалистическому съезду в Лондоне в 1896 году, записано: «Общество фабианцев имеет целью воздействовать на английский народ таким образом, чтобы он пересмотрел свою политическую

---

[117] Федоров Р.В. Историко-правовой анализ создания общественно-политической организации фабианистов. Вестник Академии права и управления. 2018. № 1(50). с. 86–91

[118] https://dzen.ru/a/aXfQDvze5ShEynNf

конституцию в демократическом направлении и организовал своё производство социалистическим способом так, чтобы материальная жизнь стала совершенно независимой от частного капитала. Общество фабианцев преследует свои демократические и социалистические цели, не примешивая к ним других тенденций. Общество не имеет собственного мнения относительно вопросов о браке, о религии, об искусстве, об экономическом учении in abstracto, об историческом процессе, о валюте и т. д. Общество фабианцев состоит из социалистов. Оно стремится к новой организации общества посредством эмансипации земли и промышленного капитала от личной и классовой собственности и посредством передачи их в руки общества в видах всеобщего блага. От других социалистов и в особенности от социал-демократов фабианцы резко отличаются тем, что не верят в социальный катаклизм, не признают революцию ни возможной, ни желательной, протестуют против слишком, по их мнению, враждебного отношения социал-демократов к классу буржуазии, из которого вышли и выходят многие социалисты, требуют враждебности только к буржуазным идеям и инстинктам и не видят принципиальной противоположности между нынешним общественным строем, основанным на принципе частной собственности, и строем социалистическим, основанным на её отрицании, признавая последний лишь дальнейшим естественным развитием первого».

Протест фабианцев против слишком враждебного отношения социал-демократов к классу буржуазии был вполне естественным. Многие из них были выходцами из этого класса или были тесно с ним связаны. Беатрис Уэбб, например, была дочерью Ричарда Поттера, богатого финансиста с международными связями, являвшегося председателем правления железнодорожной компании «Великие Западные и Великие Магистральные Железные дороги Англии и Канады». Именно эта компания на первоначальном этапе поддержала созданную Уэббами Лондонскую школу экономики, которая и сегодня занимает одно из ведущих место в мире в области общественных наук, а среди выпускников Лондонской школы экономики больше миллиардеров, чем у любого другого университета Европы. Большую помощь при создании Школы оказал Ричард Холдейн, влиятельный лидер Либеральной партии, близкий друг будущего премьер-министра Г. Асквита. Джон Пассмор Эдвардс, крупный издатель и филантроп, еще один лидер Либеральной партии, в 1890-х годах сделал крупное пожертвование в пользу Лондонской школы экономики, за счет которого было построено ее новое здание. Беатрис Уэбб была близко знакома с Артуром Балфуром, консервативным премьер-министром Великобритании, а через него познакомилась и с Ротшильдами.

Фабианцы сосредоточили свои усилия по продвижению своих идей на левоцентристской Либеральной партии. К 1880-м годам партия прошла глубокую трансформацию. Ее лидеры почти полностью отказались от либеральных идей начала века, которые исключали любое вмешательство государства в игру сил рынка. Как результат, политические термины «современный», «прогрессивный» или «новый» либерализм начали всё чаще использоваться для обозначения тенденции либералов отдавать предпочтение усилению роли государства, отказываясь от классического либерального акцента на самопомощь и свободу выбора. В значительной степени трансформацию взглядов британских либералов можно объяснить влиянием Фабианского общества, в мероприятиях которого многие либералы активно участвовали, а многие вошли в число членов Общества. С перспективными политиками как левого, так и правого толка фабианцы «работали» при помощи специально созданных для этого как бы посторонних Обществу организаций. Одной из таких организаций стал Обеденный клуб «Коэффициенты»[119] (Coefficients Dining Club), который сыграл важную роль в распространении идей общества[120]. К началу XX века позиция либералов уже радикально отличалась от того, что они

[119] В исторической литературе можно встретить другой термин — «эффективники».

[120] Федоров Р.В. Историко-правовой анализ создания общественно-политической организации фабианистов. Вестник Академии права и управления. 2018. № 1(50). с. 86–91

исповедовали в начале предыдущего века. Это был уже своего рода социальный либерализм, а именно вера в то что свобода личности достижима только при благоприятных социальных и экономических обстоятельствах, которые возможно создать посредством коллективных действий и государственного вмешательства. Этот сдвиг лучше всего продемонстрировало либеральное правительство Герберта Асквита и его канцлера Дэвида Ллойд Джорджа, чьи реформы в начале 1900-х годов, точнее между 1906 и 1914 годами создали в Великобритании базовое государство всеобщего благосостояния, в котором появилась система социальной защиты, развитое рабочее законодательство, обозначились подходы к справедливому перераспределению доходов и богатства и общественной ответственности за тех, кто не может обеспечить себе минимальные условия достойного качества и уровня жизни. То, что стало с британским обществом всеобщего благосостояния впоследствии —предмет отдельного исследования.

Причины столь высокой влиятельности Фабианского общества, которое продолжает существовать и в наше время, состоит, прежде всего в том, что его членами, как правило, были настоящие лидеры общественного мнения, известные ученые, писатели и публицисты, включая Ричарда Холдейна, одного из лидеров Либеральной партии и убежденного фабианца, который в правительстве Асквита почти неизменно занимал пост военного министра, экономиста и историка экономической мысли Э. Кеннана, известного прозаика Джорджа Дугласа, экономиста, историка и социолога Ховарда Коула, писательницу и деятеля профсоюзного движения Клементину Блэк, известного английского журналиста и деятеля рабочего движения Томаса Блечфорда, драматурга и публициста Бернарда Шоу, знаменитого экономиста Джона Мейнарда Кейнса, всемирно известного философа, основателя так называемой «гуманистической философии и психологии» Бертрана Рассела, крупного экономиста Уильяма Бевериджа, известного историка экономики Ричарда Генри Тоуни. Принимал участие в мероприятиях Фабианского общества и Альфред Милнер. Присутствовал на некоторых лекциях общества тогда еще студент Г. Уэллс, который примкнул к обществу позднее, в начале XX века. Благодаря авторитету и высокому общественному положению членов Фабианского общества, их многочисленности и возможностям доносить идеи фабианского социализма до самых широких кругов общественности сторонники фабианцев появились на всех без исключения уровнях британской управленческой лестницы. Это был пример идеальной инфильтрации: общество не захватывало власть, а формировало кадры и формулировало смыслы для тех, кто эту власть получал[121].

Фабианцы не ограничивали свой интерес исключительно выхолощенными социалистическими идеями. Дискуссии на заседаниях общества затрагивали все без исключения вопросы совершенствования общественного устройства, включая поиск путей изменения самой природы человека, за счет искусственного отбора, ограничения рождаемости и даже вмешательства в механизмы наследственности, что предполагала модная тогда евгеника. Эти и многие другие идеи нашли отражение в творчестве Бернарда Шоу, написавшего малоизвестную теперь комедию «Человек и сверхчеловек. Комедия с философией», которую критики считают одной из лучших пьес английского драматурга. В приложении к пьесе было опубликовано «Руководство революционера и карманный справочник», небольшой памфлет объемом почти в 60 страниц, написанный якобы от лица главного героя. В этом по сути сатирическом философском эссе Шоу утверждает, что все попытки реформ, будь то социалистические преобразования или демократические институты, обречены на провал, пока не изменится сама природа человека. Шоу доказывает, что прогресс — это иллюзия, а существующие социальные структуры, такие как частная собственность и традиционный брак, лишь препятствуют естественному отбору и эволюции. Центральной идеей текста является концепция «сверхчеловека» — существа, которое должно быть выведено путем сознательного и целенаправленного управления человече-

[121] https://dzen.ru/a/aXfQDvze5ShEynNf

ской фертильностью. Шоу призывает отказаться от романтических представлений о браке и любви в пользу биологической целесообразности, утверждая, что только создание «демократии сверхлюдей» способно предотвратить неизбежный крах цивилизации. Шоу анализирует исторические примеры и приходит к выводу, что без радикального изменения человеческой природы любые политические системы будут лишь воспроизводить посредственность и тиранию[122]. Эти же идеи с юмором и сарказмом обыгрываются в диалогах главных героев комедии, исподволь убеждая зрителя в необходимости терпеливо ждать появления «породы сверхлюдей».

Бертран Рассел, один из наиболее активных и решительных сторонников фабианства, выступал с идеями о необходимости дополнить методы, направленные на изменение природы человека, новой идеологической конструкцией, которая по сути дела была призвана заменить традиционную религию принципами и ценностями новой «гуманистической философии», адекватными задачам управления новым обществом. Бертран Рассел, ставший основоположником «гуманистической философии», сформулировал огромную программу исследований проблем психологии индивидуума и практического управления социальными процессами в атомизированном обществе, которая до сих реализуется и развивается его последователями. Он, в частности, разработал модель, которая рассматривала личность как сложную систему, состоящую из нескольких уровней восприятия и самосознания и управляемую заложенными природой инстинктами, а также внедренными в процессе жизни установками и ценностными ориентирами. Рассел высказал предположение, что эти ценностные ориентиры являются стойкими организаторами поведения человека, но они могут изменяться, в том числе под воздействием внешнего влияния и наметил программу исследований механизмов изменчивости. Многочисленные последователи Б. Рассела, в том числе Ричард Бейтсон, Роберт Дилтс, Ричард Бэндлер, Милтон Эриксон, разрабатывая идеи Рассела уже в XX веке, создали несколько школ «управления человеческим поведением», которые в равной мере могут быть использованы как с целью позитивной коррекции установок, так и во вред человеку и обществу. Одной из таких школ стала известная школа «нейролингвистического программирования» Ричарда Бэндлера. Из «эриксоновского гипноза» последователи Милтона Эриксона создали целую школу управления индивидуальным и коллективным сознанием, известную ныне как личностный и коллективный коучинг.

Есть также некоторые основания полагать, что среди фабианцев обсуждались идеи натурных социальных экспериментов, реализованных в XX веке — «арийской Германии» и «советской России». По сути дела, речь шла о проверке практических возможностей проектного метода применительно к теоретическим моделям нового общественного устройства, которые могли прийти на смену традиционной капиталистической модели или позволили бы ее радикально усовершенствовать. Поэтому нет ничего удивительного в том, что фабианцы интересовались российскими радикалами. Когда в 1899 году Александра Коллонтай решила отправиться в Англию изучать английское рабочее движение, профессор Цюрихского университета Геркнер снабдил её рекомендательными письмами к Сиднею и Беатрисе Уэбб. Неизвестно принимала ли Коллонтай участие в работе Фабианского общества, хотя вряд в этом можно сомневаться, но сам тот факт, что впоследствии она не отказалась от методов революционной борьбы, представляется символичным и является несомненным свидетельством того, что фабианцы не слишком стремились убедить ее в предпочтительности эволюционного метода преобразования общества.

Признавая успехи фабианцев в привнесении значительной стабильности в общественное устройство Британии, критики порицали Общество за чрезмерное увлечение методами скрытого манипулирования общественными процессами, за стремление подменить демокра-

[122] https://3ords.com/book/revolutionist-s-handbook-and-pocket-companion/?ysclid=msuh6ebmp5108480361

тию технократией и даже за тайные замыслы создания «мирового правительства» под контролем британской финансовой элиты[123]. В Лондонской школе экономики сохранился витраж из цветного стекла, выполненный по заказу Б. Шоу в 1910 году в несколько гротескной. юмористической манере, который иллюстрирует цели Фабианского общества. На витраже изображены лидеры фабианцев Эдвард Пиз, Сидней Вебб и Бернард Шоу, перековывающие мир, а также надпись: «Перекуйте его согласно велению сердца»[124]. Особый этап в деятельности Фабианского общества наступил с приходом в него Г. Уэллса.

[123] Фабианское общество в настоящее время позиционирует себя как ведущий аналитический центр Лейбористской партии Великобритании, а также продолжает не слишком публично продвигать свои идеи и проекты через сеть из более чем 20 дочерних и аффилированных исследовательских, образовательных общественных организаций и фондов. Многие министры и премьер-министры из состава лейбористских кабинетов состояли членами Фабианского общества или даже возглавляли его, в том числе недавний британский премьер Кир Стармер. Сеть этих организаций постоянно растет. В 1999 году была создана организация «Сеть политики» (Policy Network), учредителями которой выступили премьер-министр-социалист-фабианец Тони Блэр, канцлер социал-демократов Германии Герхард Шредер и американский президент-демократ Билл Клинтон. Цель организации — продвижение идей фабианского социализма. В 2007 году создана организация «Британское будущее» (British Future), которая финансируется Фондом открытого общества Джорджа Сороса, выпускника Лондонской школы экономики. (В данной справке использованы данные Institute for Intelligence Studies. Moscow, Russia)

[124] Федоров Р.В. Историко-правовой анализ создания общественно-политической организации фабианистов. Вестник Академии права и управления. 2018. № 1(50). с. 86–91

Уэллс и фабианцы

Герберту Уэллсу, известному писателю-фантасту, продолжателю дела Булвер-Литтона и основоположнику многих новых направлений этого модного в XX веке жанра популярной литературы, принадлежит особое место в ряду английских теоретиков проектного подхода к истории и политике. Современному читателю, несмотря на целый ряд удивительных предвидений и догадок, романы Уэллса покажутся в лучшем случае скучными, в худшем — лишенными литературных достоинств, возможно это дань качеству перевода. Мало кто знает, что на эти романы в творчестве Уэллса в лучшем случае приходится половина всего написанного плодовитым писателем. Более 30 томов составляют его философские сочинения, прогнозы развития современного общества и проекты его переустройства. Внимательный читатель легко может убедиться, что этим темам посвящены собственно и фантастические романы писателя. Вслед за Булвер-Литтоном Уэллс пытался силой писательской интуиции прозреть в будущем варианты развития человека и его попыток обустроить окружающий мир. Уэллс не ограничивался амплуа провидца, он был, по его собственным словам, пропагандистом: общий тираж его пропагандистских работ и брошюр составил от двух до трех миллионов экземпляров, разошедшихся по всему миру благодаря усилиям его единомышленников.

Уэллс, выходец из «среднего класса слуг», как он сам определял свое социальное положение, сумел перескочить через многие барьеры, разделявшие английское общество конца XIX века, и вошел в относительно узкий круг английских интеллектуалов. Теоретические взгляды Уэллса сложились под влиянием Томаса Хаксли, известного в то время биолога и философа, одной из влиятельнейших фигур среди интеллектуалов времен расцвета викторианской Британии. Он занимал особое положение в Метафизическом обществе, основанном в 1869 году с целью воспитать более эффективную интеллектуальную элиту из числа оксфордских «эссеистов» и кембриджских «апостолов». Уэллс так отзывался о Хаксли: «Тогда я полагал, что это самый выдающийся человек, какого мне довелось встретить, и теперь уверен в этом как никогда ранее». Следует сказать, что Хаксли, будучи последователем Дарвина, весьма специфически воспринимал теорию эволюции. В статье 1889 года, называвшейся «Девятнадцатый век», Хаксли писал: «Не знаю более удручающей науки, чем эволюция человека. Человек является с отчетливыми признаками своего мерзкого происхождения. Это скотина, только более умная, чем другие скоты. Слепой раб своих страстей, жертва бесчисленных заблуждений, превращающих его духовную жизнь в кошмар, он проводит жизнь в бесцельном труде и борьбе».

Именно Хаксли дал Уэллсу путевку в журналистику, введя его в круг постоянных авторов влиятельной в то время «Pall Mall Gazette». Статьи будущего писателя в этой и других газетах приобрели популярность и обратили на него внимание представителей высших кругов английского общества, но в круг фабианцев, лекции и мероприятия которых он посещал еще в 80-е годы, Уэллсу удалось войти только в начале XX века. Примерно в это же время он стал членом элитарного клуба «Коэффициентов» (Dining Club «Coefficients»). Клуб был чем-то средним между закрытым вечерним клубом и современным аналитическим центром. В период между 1902 и 1908 годами его ежемесячные встречи за ужином проходили в лондонском отеле «Св. Эрмина»[125]. Участником этих застолий был всесильный лорд Роберт Сесил, старейший член самой могущественной семьи Англии, кузен Артура Балфура, тогдашнего премьер-министра от партии консерваторов. Бывал в клубе, когда приезжал в Лондон, Альфред Милнер, тогда Высокий комиссар в Южной Африке. Идеологическим союзником Милнера во время серьезных дискуссий, разворачивавшихся на этих встречах, был Хэлфорд Маккиндер,

[125] Во время Второй мировой войны в этом здании разместилось одно из подразделений английской контрразведки.

отец теории геополитики, незадолго до того возглавивший Лондонскую школу экономики[126]. Другим союзником Милнера был Лео Эймери, позднее близкий соратник Уинстона Черчилля. Бертран Рассел бывал там, иногда в оппозиции ко всем. Регулярно появлялся виконт Эдуард Грей, потомственный пэр, сыгравший позднее ключевую роль в формировании карты Европы после Первой мировой войны. Постоянно бывали фабианские социалисты Сидней и Беатрис Уэбб, которым незаслуженно приписывают заслугу организации и этого кружка, существенная часть которого позднее вошла в состав другого объединения, известного под разными названиями — «Общество Сесила Родса», «Круглый стол», «Детский сад Милнера», «Группа Милнера» или просто «Группа».

Круг фабианцев и «коэффициентников» стал для Уэллса важной площадкой, на которой он продолжал отрабатывать темы, ставшие характерными для его творчества. Уэллс так описывал атмосферу ежемесячных встреч «коэффициентников» в период между 1902 и 1908 годами: «….наш клуб был именно тем, что, видимо, прочно исчезло из нынешней английской жизни». «Там витал дух свободного сомнения, по крайней мере — потенциально в виде благого намерения. Мы как бы постоянно спрашивали: «Что мы делаем с миром? Что собираемся делать?» Возможно, правильнее сказать так: «Что делают с нашим миром? Что мы сделаем в ответ?... то были заседания, на которых обсуждалось будущее нашей загадочной империи, то подающей надежды, то их мгновенно разбивающей. Эти разговоры сыграли важную роль в моем образовании. Благодаря им я впервые в жизни составил себе достаточно полное представление о многих процессах, происходящих в современной английской политике, и о мышлении среды, в которой организуются и принимаются решения».

Главнейшее место среди тем Уэллса занимала тема переустройства общества в свете кризиса британского капитализма. В тот период времени одной из насущных проблем, тревоживших английский правящий класс, стало нарастающее расслоение общества, углубляющийся разрыв в уровне доходов низших и высших слоев и предсказание Карла Маркса о том, что это противоречие разрешается классовой борьбой пролетариата за свои права. Финалом это борьбы должна стать социальная революция, коренным образом меняющая классовую структуру общества. Перспектива потери командных позиций, какой бы призрачной она ни казалась, вынуждала английскую элиту искать адекватные ответные ходы. Как уже отмечалось, «Фабианское общество» и многие другие подобные «мозговые тресты» включились в поиски приемлемых вариантов общественного переустройства. Актуальность задачи усиливалась все более явными угрозам мировым позициям Британской империи, которые прежде казались незыблемыми.

В «Опыте автобиографии» Уэллс так описывает ситуацию начала XX века, в которой находились фабианцы: «Безусловное сужение британской перспективы в первом десятилетии нового века не давало мне покоя … Постепенно, по мере экономического развития Америки и усиления военной мощи Германии, вера в возможное мировое лидерство Великобритании испарялась. Долгое царствование королевы Виктории, такое изобильное, прогрессивное и беззаботное, создало привычку политической лености и дешевой самоуверенности. Как нация мы утратили форму, и когда на сцене появились новые противники, мы оробели. Мы не знали, как ответить на этот вызов…Наш правящий класс, скрывающий свои привилегии за всеобщим снобизмом, демонстрировал широту взглядов, покладистость и совершенную лень … Наш либерализм уже не был философией — он превратился в щедрую праздность. Но некоторые умы противились этому. За столом в гостинице «Св. Эрмина» спорили Максе, Беллерс, Хьюинс, Эймери и Маккиндер, уязвленные казалось бы незначительной, но унизительной историей злоключений войны в Южной Африке, предвидевшие угрозы спада производства и глубоко

[126] Генерал-майор Карл Хаусхофер (Karl Haushofer), один из идеологов, вдохновивших Гитлера на написание «Mein Kampf», считал Маккиндера своим учителем.

обеспокоенные ростом агрессивности Германии на суше и на море. Критиковали либерализм Ривза и Рассела; доставалось и мне. Нравилось это нам или нет, из мира глобальных обобщений жизнь выталкивала нас к конкретным проблемам… Предлагавшиеся способы разгрома «новых противников» были часто диаметрально противоположными, но в том, что касалось конечной цели, разногласий не было. Мнение большинства склонялось к войне — европейские державы должны были вцепиться друг другу в глотку. Семена этой войны — вражда между Францией и Германией, Германией и Россией, Россией и Японией, — уже были засеяны в последнем десятилетии 19-го века».

Уэллс явно скромничает: английские интеллектуалы и политики без устали следили за тем, что делается в мире и не просто следили, а управляли многими процессами, стремясь сохранить и укрепить позиции Британской империи в складывающейся обстановке. Многочисленные тайные и явные организации, клубы, дискуссионные общества позволяли объединить усилия теоретиков и политических практиков, поставить английскую внешнюю политику на почти научную основу с широким и загоризонтным видением перспективы. Ярким примером того, как британцы оборачивали свои поражения в победы может служить англо-бурская война, о поражении в которой так сокрушался Уэллс и которая в конечном счете стала триумфом английской колониальной политики, которым стал созданный в 1910 году Южно-Африканский союз, вошедший в Британскую империю в качестве нового доминиона. Но такие победы требовали одаренных политиков, глубоких исследователей, высококвалифицированных и талантливых экспертов, в число которых, несомненно, входил и Уэллс, предложивший коллегам несколько своих проектов.

Социализм Уэллса

Отдавая дань моде, Уэллс увлекся социалистическими идеями, но его социализм был весьма специфическим. До того, как стать социалистом, он проникся горделивыми мыслями гражданина британской империи: «Мы, англичане, в силу врожденного своего превосходства, практически без особого труда овладели империей, над которой никогда не заходило солнце, и по причине нерешительности и робости других народов были вынуждены медленно, но верно двинуться по пути к мировому господству». Под влиянием подобных настроений складывались взгляды Уэллса и на общественное устройство Британии и мировую систему. Сходных взглядов придерживались и его единомышленники, в круг которых входили известные британские имперцы Сесил Родс и Альфред Милнер.

В «Опыте автобиографии» Уэллс подробно описывает процесс собственного превращения в сторонника идей фабианского социализма. Подобно своей матери-горничной, дослужившейся до статуса домоправительницы в одном поместье, он верил в закономерность существования низших классов и отвергал тех, кто к ним принадлежал. «Я не думал, что низшие заслуживают какого-либо уважения. Они могли вызывать сочувствие за свою нелегкую долю или презрение за неспособность преуспеть в жизни. Но это уже другое дело. Выношенная мною мысль шла бок о бок с идеями коммунистов об основанном на научных началах бесклассовом обществе, но для меня подобное общество представляло собой, по существу, модификацию среднего класса, вобравшего в себя стоящих над ним аристократов и плутократов и находящихся ниже него крестьян, пролетариев и вообще неимущих». В новом обществе, по Уэллсу и в соответствии с идеями, заимствованными им на первых порах у платоновской «Республики», экономический индивидуализм должен был полностью подчиниться общественным интересам, а частная собственность уже не рассматривалась им как что-то совершенно естественное.

Следует обратить внимание, что до переезда в Лондон в середине 1880-х годов Уэллс даже не слышал о существовании Маркса и его доктрины. Много позднее он познакомился с марксизмом, но к этому времени он был «уже достаточно умственно вооружен, чтобы по достоинству оценить его заманчивую, туманную и опасную идею переделки мира на основе одной лишь злобы и разрушения, именуемых «классовой борьбой»». Уэллс очень жестко описывал идеи Маркса: «Развалить капиталистическую систему (которая никогда не была системой) было для напыщенного, самонадеянного и коварного теоретика марксизма панацеей от всех зол. Его снобистская ненависть к буржуазии приобретала характер мании. … Маркс обратился к самым низменным из человеческих инстинктов, предложив свою нечестную и претенциозную философию, и самые активные из обездоленных охотно за ним пошли. Марксизм не несет в себе избавления от царящей несправедливости и не является творческой силой. Перестройка человеческого общества неизбежна, она уже идет, а марксизм на ней паразитирует. …и все было бы куда легче, если бы Маркс не появился на свет». Уэллс указывал, что «… вся история Англии — это путь постепенного перехода от одной системы к другой, и отличительная черта нашего времени состоит в том, что темпы и преемственность этого перехода заметно ускорились». В ускорении процессов, в отказе от преемственности и в радикализме он видел опасность социалистических идей, но при всей нелюбви к Марксу признавал, что «он был первым, кто понял современный социальный уклад не как неизменную, устоявшуюся несправедливость и привычку к жизненным трудностям, а как переменчивую саморазрушающуюся систему».

Вместе с тем фабианский социализм тоже не вызывал у него абсолютных восторгов, он отчетливо сознавал, что вряд ли «можно вообще говорить о фабианстве, как о ясной системе взглядов и единых принципов». Как указывал Уэллс, «Фабианское общество вобрало в себя весьма противоречивые и несовместимые друг с другом воззрения, и сохранить свое главен-

ствующее положение ему удавалось, лишь преодолевая на каждом шагу подспудные течения, которые невозможно было между собой примирить. Одни члены Фабианского общества отвергали механизацию, которую рассматривали как источник всех социальных зол, другие возлагали надежду именно на механизацию как освободителя наемного работника; одни были националистами, другие космополитами; одни были антимальтузианцами, другие, во главе с Анни Безант[127], неомальтузианцами, одни верующими, другие атеистами, отвергающими религию как опиум для народа, одни стояли за крепкую семью как ячейку общества, другие, вслед за Платоном, ее вообще отрицали. Многие защищали всеобщее избирательное право как единственную возможность для индивида отстаивать в обществе свои интересы, другие видели трудность выполнения этой задачи и говорили, что надо опираться на олигархию, торизм и благорасположенных к народу аристократов».

Тем не менее, фабианцы как более политическое, нежели научное течение вполне терпимо относились к такому разномыслию, полагая, что со временем в результате споров и борьбы образуется общая доктрина. Основанием для нее должно было стать общее для всех фабианцев отрицание стремления к наживе, преобладавшее в тогдашнем обществе, и отказ видеть в нем движущую силу прогресса. Фабианцы, по словам Уэллса, принимали вывод Маркса о том, что система погони за прибылью не может быть вечной, что в конечном итоге победит какая-либо группа, которая завладеет всем на свете и попытается держать все человечество в постоянной от себя зависимости, и это само по себе сделает революцию неизбежной. Однако отказываясь от идеи прибыли и частной собственности как основы экономики, социалисты-фабианцы совершенно расходились во мнении относительно того, что им противопоставить.

Не избежал теоретических блужданий и Уэллс. В одном из его ранних докладов, представленном в дискуссионном клубе в середине 1880-х годов, речь шла о расточительстве, порождаемом конкуренцией, и о том, что он называл диспропорцией в распределении жизненных благ. Он полностью игнорировал фундаментальные проблемы экономики и кредитной системы, абстрактно размышляя о том, что «производство и распределение продукта должно стать еще одной функцией государства, добавленной мной к тем, что я объединял под единой рубрикой «защита»». При этом Уэллс, вслед за многими, впадал в заблуждение относительно путей прихода к новому обществу, разделяя на первых порах общее убеждение в том, что «все сбудется само собой». Как писал позднее Уэллс, «для исключительной неподвижности социалистической идеологии были свои особые причины. В Фабианском обществе потребность в политическом компромиссе приглушала споры по очень важным вопросам, но дело не только в этом… Главное — в нем отсутствовал дух анализа и эксперимента... Никто не говорил: «Мы нашли великий вдохновляющий принцип и определили общие его положения. Давайте теперь трезво изучать все необходимые частности и методы его применения».

Фабианцы игнорировали вопросы, связанные с путями социализации собственности и земли, а также с тем, кто станет восприемником этой собственности, отвлеченно полагая, что любая административная единица: попечительский совет, правительство, муниципалитет, парламент, конгресс — может сыграть роль «общества» и принять на себя обязанности экономического управления. Уэллс видел ограничения социальной теории, которые накладывали на себя фабианцы, но одновременно высмеивал «демократизм» Маркса, который искал «движущую силу революционной перестройки мира в возмущении низов общества». «Сама по себе мысль, что именно неудачники, обделенные в битве за собственность, станут ее противниками, совершенно логична, но отсюда никак не следует, что эти общественные слои примут идею коллективной собственности и согласятся с мыслью о компетентном ею управлении», — указывал Уэллс.

[127] Анни Безант, последовательница теософских идей Елены Блаватской, способствовавшая популяризации теософии.

Еще один важный недостаток фабианцев Уэллс видел в отрицании планирования. «Социалисты желали построить новое общество, но при этом сопротивлялись всякой попытке начертать хотя бы приблизительный план этого общества». Тогдашний социалист утверждал: «Уничтожь капиталистическую систему, забери собственность из рук отдельных личностей и передай ее правительству, каким бы оно ни было, и все образуется». Вера в конечную благость судьбы ни у кого не вызывала сомнений. В этом английские социалисты следовали за Марксом, который, по мнению Уэллса, «не был человеком с развитым воображением. … У него не было настоящей способности проникнуть в будущее, что дало бы ему возможность нарисовать собственную картину желаемого общества». Следует, однако, признать, что у самого Уэллса также не доставало воображения, чтобы «спланировать» общество победившего социализма. Это вынуждало его допускать, что только реальный и масштабный эксперимент поможет примирить противоречивые представления фабианцев о будущем социальном устройстве. Вслед за многочисленными исследователями Уэллс обратил внимание на Россию и русское общество, усматривая в нем наличие серьезных противоречий и линий разлома, способных при определенных условиях привести к кардинальным общественным переменам. Он постарался вникнуть во все, что было написано британскими исследователями о России. Прежде всего он обратился к работам Дональда Маккензи Уоллеса.

Дональд Маккензи Уоллес

В начале 1870-х годов в Россию приехал молодой историк Дональд Маккензи Уоллес. Уже через шесть лет Уоллес опубликовал объемистую книгу[128] в двух томах, озаглавленную «Россия». Можно без преувеличения сказать, что это была подлинная «энциклопедия русской жизни». Книга многократно переиздавалась, подвергалась бесконечным редакциям и была переведена на многие европейские языки. В 1905 году Уоллес еще раз обобщил свой 35-летний опыт изучения России, внес целый ряд уточнений, исправлений и дополнений и опубликовал последнюю редакцию своей книги в самый разгар российских революционных событий. В обновленном виде книга содержала богатейшие сведения об истории и внешней политике России, о состоянии общества в целом и типовых семей, принадлежащих к различным слоям общества и проживающих в различных губерниях, о состоянии крестьянской общины, о религии и положении отдельных конфессий, в том числе раскольников, о религиозных обрядах, о национальных отношениях в центре и на окраинах, о попытках русификации отдельных народов, о положении евреев, финнов, башкир, татар, казаков, черкесов, о состоянии сельского хозяйства и практике землепользования, о городском населении и купечестве, о дворянстве и его будущем, о чиновничестве и его роли в государстве, о состоянии образования, о системе власти, о политическом устройстве и традициях самоуправления, об организации быта и досуга различных слоев общества, о славянофильстве и западничестве, о соперничестве Москвы и Петербурга, о секретных обществах, о крепостном праве, о законодательстве и судебной системе, о культуре и литературе с изложением содержания некоторых популярных, книг, о развитии промышленности и пролетариате и многое другое. В своей книге Уоллес не ограничивается изложением фактов. Он приводит многочисленные примеры диалогов, которые были призваны показать особенности русской ментальности, отношения к царю, государству, церкви и религии. В подробнейших главах о сектантах и раскольниках Уоллес анализирует глубину разногласий раскольников, старообрядцев и беспоповцев с официальным православием и царской династией, оценивает их численность и способность выступить в качестве «пятой колонны» в случае обострения обстановки в стране.

Четыре последних главы второго тома посвящены истории и состоянию революционного движения, настроениям в обществе, состоянию общественной мысли, а также текущей внутриполитической ситуации, которая сложилась к 1905 году. Эти главы представляют особый интерес с точки зрения глубины понимания англичанами современной русской действительности.

Уоллес о внешней политике России как источнике ее нестабильности

В одной из глав, посвященных анализу внешней политики России, Уоллес указывает, что быстрое превращение России в великую державу, занимающую колоссальную территорию, является одним из самых значимых фактов современной истории. Процесс территориального расширения России, пишет Уоллес, еще не завершился, что, как принято считать, угрожает британским интересам и поэтому заслуживает самого внимательного исследования. Изучение этого вопроса должно дать ряд важных ответов. В частности, необходимо понять, в чем заключается секрет этой экспансионистской мощи, какова природа этого процесса, насколько единым государством является Россия и за счет чего поддерживается единство империи. Ответив более или менее удовлетворительно на эти вопросы, можно будет предсказать каким образом, когда и где этот процесс русской экспансии остановится.

По сути дела, вся книга является попыткой дать ответы на поставленные вопросы, но именно в этой главе Уоллес, добросовестно анализируя экономические основы экспансии российского государства, приходит к выводу о том, что это был естественный процесс. Этот про-

[128] В книге насчитывается 39 глав и почти 800 страниц.

цесс был вызван необходимостью наращивать производство продовольствия для растущего населения; стремлением населения избежать гнета налогов, поборов многочисленных чиновников и уйти на неосвоенные земли; реформами Петра I; и, наконец, сознательной политикой государства, стремившегося укрепить границы и защитить населения от набегов кочевников на юге и востоке, а также захватнических устремлений соседних государств на западе и севере. Уоллес указывает, что Россия быстро превращалась в великую индустриальную и торговую державу, которой требовались рынки сбыта. Новые рынки Россия немедленно закрывала от иностранной конкуренции, прежде всего от Великобритании, обвиняя при этом англичан во всех смертных грехах.

«Какие же факторы определяют экспансионистскую политику России в настоящее время и будут определять в будущем?» — задается вопросом Уоллес. На север и запад России расти уже некуда. На юго-западе, на Балканах сосредоточены славянские государства, естественным объединителем которых должно стать российское государство. Здесь же находится и Царьград, Константинополь, столица Византии, некогда центр православия, наследницей которого естественным образом Россия стала и остается в настоящее время. Кроме того, Россию постоянно заботит вопрос черноморских проливов, которые могут быть в любое время заблокированы для русских кораблей. Но в целом, европейское направление российской политики, по мнению Уоллеса, утратило прежнюю активность. Территориальные приобретения на востоке и на юге, в Персии и Афганистане стали более актуальными, позволяя решить ту же задачу — выхода к незамерзающим портам. Нападение на Индию российский генеральный штаб, по оценке Уоллеса, скорее всего не планирует, но явно пытается создать плацдармы в непосредственно прилегающих к Индии пределах, чтобы иметь возможность оказывать на Великобританию дипломатическое и политическое давление, а в случае конфликта связать значительную часть британской армии. Однако афганское и персидское направления также стали менее значимыми с момента завершения строительства транссибирской железнодорожной магистрали. Никогда еще в истории подобная дорога не оказывала столь мощного воздействия на мировую политику. По мере строительства этой дороги в умах петербургских политиков, обладающих огромным воображением, стали рисоваться великолепные перспективы. Богатая Манчжурия, теплые заливы вокруг корейского полуострова воспламенили воображение российских патриотов, которые сразу поняли, что контроль над этими территориями, подкрепленный железными дорогами, позволит держать под контролем и Пекин и предоставит России возможность опередить европейских конкурентов в борьбе за наследие «больного человека» Азии.

Трезвые головы указывали на невероятную дороговизну такого проекта, а экономическое положение России было не таково, чтобы вкладывать огромные деньги в проекты, не сулящие немедленной отдачи, когда собственное крестьянство живет на грани нищеты. Кроме того, трезвые головы считали, что такой рост влияния России на Востоке неизбежно приведет к росту ревности со стороны других государств, особенно Японии, для которой Манчжурия и Корея были вопросом жизни и смерти. Но оптимисты считали такие опасности скорее мнимыми. Другие страны, по их мнению, не могли конкурировать с Россией в этом районе. Мнение о том, что войны не будет, потому, что Россия ее не хочет, стало преобладающим. Сам император склонялся к этой точке зрения. Однако Японию поддерживали Англия и США, вложившие огромные деньги в перевооружение японской армии и флота, и поэтому война стала неизбежной.

Завершая главу Уоллес, указывает, что поражение от Японии на какое-то время остановит экспансию России на Дальнем Востоке, но она неизбежно возобновиться через какое-то время в других регионах. Уоллес не берется предсказывать в каком направлении пойдет российская экспансия, обращая внимание на то, что, прежде всего, нужно понять, каковы будут внутриполитические последствия войны для России.

Уоллес о революционном движении в России

Свой анализ Уоллес начинает с 1870-х годов. Он подробно рассматривает историю революционных течений в России. Его интерес к этой проблеме был не только теоретическим. По его словам, уже в 1877 году ему приходилось вступать в контакты с народовольцами, которые к этому времени уже отказались от «хождения в народ» и сделали ставку на террор. Он подчеркивает, что народовольцы сами вышли на него, а он не уклонился от контактов, поскольку «его цели были исключительно познавательными». Тем не менее, полиция установила за ним наблюдение, которое он скоро обнаружил и, по его собственному признанию, по крайней мере, однажды «был вынужден обмануть» полицейских агентов, чтобы тайно встретиться с одним из народовольцев, вернуть ему нелегальную литературу и предупредить о необходимости прекратить встречи.

В определенной мере Уоллес сочувствует народовольцам. Описывая попытки народовольцев организовать покушение на Александра II, в том числе, последнюю, которая завершилась смертью монарха, Уоллес упрекает террористов в недальновидности. Он указывает, что, устранив царя и вызвав острейший политический кризис в стране, они не подготовились к захвату власти и не привлекли на свою сторону офицерство. Уоллес подробно анализирует ошибки народовольцев, которые не позволили им решить задачу ликвидации самодержавия. Он указывает на то, что группа заговорщиков не может превратиться в мощную политическую партию, поскольку жесткая конспирация и необходимость поддерживать жесточайшую дисциплину внутри организации, не посвящая ее членов в планы руководства, напрямую ведут к потере энтузиазма, склокам и развалу организации. Кроме того, как подчеркивает Уоллес, стало очевидно, что ни образованные классы, ни простые люди не были способны на революционное выступление. Первые были крайне немногочисленны, а вторые были преданы царю и не могли симпатизировать революционному движению. Но даже если бы такое революционное выступление под влиянием террористических актов и произошло, то его результаты не смогли бы удовлетворить народовольцев, ибо народные массы, будучи недостаточно подготовлены, скорее всего, повернулись бы против образованных классов. В этом случае власть либо осталась бы в руках царя, либо ее подхватили бы либералы. Уоллес признает, что теракты оказались не просто бесполезны, а вредны, поскольку не были поняты массами и вызвали негодование против их организаторов и исполнителей. Стало очевидным, пишет Уоллес, что необходимо возвратиться к мирной пропаганде. Однако и это оказалось затруднительным, ибо полиция бдительно пресекала все подобные усилия. Революционеры оказались в замкнутом круге: мирная пропаганда — невозможна, остается уповать на общее восстание, но его невозможно подготовить без пропаганды.

Как пишет Уоллес, именно в это время один из лидеров боевиков-народовольцев, известный писатель Кравчинский, публиковавший свои книги под псевдонимом Степняк, в том числе переведенную на многие языки книгу «Подпольная Россия», после убийства шефа жандармов бежал в Западную Европу. Пользуясь своими связями в английских общественных и политических кругах, он создал «Общество друзей русской свободы»[129], а также Фонд вольной русской прессы, который занялись изданием и переправкой в Россию агитационной литературы. Существенную помощь Степняку-Кравчинскому оказывали английские коллеги по перу, в том числе Бернард Шоу.

В 1895 году Степняк-Кравчинский трагически погиб, но его единомышленники продолжили дело. Они пришли к выводу, что народное восстание, террор и заговор не способны привести к победе социалистических идеалов, фронтальная атака не ведет к успеху, поэтому необходимо прибегнуть к длительной осаде. На повестку дня был выдвинут промежуточный лозунг о политических свободах. Этот лозунг позволял ставить более близкие и конкретные цели, но отнюдь не отменял конечную цель, которой предстояло вновь стать актуальной при изменении

[129] Членом американского филиала «Общества друзей русской свободы» немедленно стал банкир Якоб Шифф.

внешних обстоятельств. Ближайшей целью, по мысли Степняка-Кравчинского, должно было стать требование создания национального парламента и широкого местного самоуправления. Основное средство достижения поставленных целей он видел в создании мощных политических партий и объединении всех оппозиционных сил с целью пропаганды идей более справедливой организации общества и системы власти.

Таким образом, Уоллес приходил к выводу о том, что на 1905 год перспективы социальной революции в России были еще весьма туманны. Наступало время новых сил. Россия вступила в стадию быстрой индустриализации, в стране появился промышленный пролетариат, что меняло расстановку политических сил и требовало корректировки подходов.

Уоллес о развитии промышленности в России

Уоллес подробно анализирует развитие промышленности в России, начиная с петровских времен. Он указывает, что еще в середине XIX века Россия была преимущественно крестьянской империей, однако уже к концу века вышла на пятое место в мире по промышленному производству. По мнению Уоллеса, одним из главных творцов российского индустриального чуда был С.Ю. Витте, который понимал, что высокий протекционистский барьер, установленный еще его предшественником на посту министра финансов, был недостаточен. Нужны были огромные вложения в основной капитал. Его первоначальным намерением было прибегнуть к помощи печатного станка, однако в Государственном совете его не поддержали, особенно Бунге, который сам был министром финансов и помнил печальные последствия подобных начинаний. Бунге, как утверждает Уоллес, рекомендовал противоположный курс — введение золотого стандарта, к которому начал готовиться еще предшественник Витте на посту министра финансов И.А. Вышнеградский. Вышнеградский, в частности, много сделал для накопления золотого запаса за счет экспорта зерна. Его лозунг — «не доедим, но вывезем», не казался Витте универсальным и быстрым средством, тем более что экспорт зерна под влиянием неурожая упал с 71 млн. ф. ст. в 1891 году до 45 млн. ф. ст. и восстановился только в 1897 году. Он сделал ставку на привлечение иностранных капиталов и правительственные заимствования[130] и энергично взялся рекламировать возможности российского рынка в западных финансовых кругах. Зарубежные капиталисты не заставили себя ждать и стали наперебой предлагать свои услуги министерству финансов. Витте терпеливо разъяснял, что вложения в текстильную промышленность нецелесообразны из-за высокой конкуренции, а вот вложения в металлургию, особенно на Юге России получат полную поддержку государства, поскольку страна нуждается в неограниченных поставках чугуна, стали и рельсов для строительства железных дорог. Такие возможности не могли остаться незамеченными. Привлеченные огромные средства, образованные за счет частных инвесторов во Франции и Бельгии, вложившихся в русские облигационные займы, помогли за 3 года увеличить число сталелитейных предприятий в Донбассе с девяти до семнадцати, производство чугуна практически удвоилось, 44 домны были в сжатые сроки введены в строй и еще 10 строились. Доходы бюджета росли скачкообразно, Витте был объявлен величайшим министром своего времени.

Неожиданно ситуация изменилась. Конкуренция и перепроизводство привели к резкому падению цен. К этому добавилось сокращение спроса, поскольку снизилась правительственная активность в области строительства железных дорог. Банки потребовали срочно вернуть кредиты, предоставленные частным компаниям на цели железнодорожного строительства. К концу 1899 года настроения пессимизма и разочарования стали повсеместными. Оказалось, что даже крупные предприятия настолько бездумно вели дела, настолько были обременены долгами, что многие из них были вынуждены закрыться. Акции Брянского завода, например, упали с 500 до 230 рублей, крупнейшая промышленная группа Мамонтова прекратила пла-

[130] . Уоллес умалчивает, что введение золотого стандарта и было тем самым инструментом, который сделал вложения иностранных капиталов в российскую промышленность привлекательным бизнесом, ибо закрывал валютные риски.

тежи, такая же участь постигла многие другие предприятия. Почти все банки оказались вовлеченными в железнодорожные проекты и их положение пошатнулось.

Витте, еще недавно идол публики, подвергся резкой критике за введение инвесторов в заблуждение, однако совсем не этот кризис стал причиной падения министра финансов, указывает Уоллес. Он отметает и причины личного характера, а также то, что Витте нажил себе много врагов среди министров, постоянно вмешиваясь в их дела, ибо контролировал государственные финансы и мог произвольно резать расходы неугодных ему министерств. Ревность царя к политическому влиянию Витте Уоллес также не считает основной причиной. Главная причина, по его мнению, состояла в том, что против министра финансов восстали консервативные помещики. Противники Витте ставили ему в вину то, что он убивает курицу несущую золотые яйца. При Витте налоговая нагрузка на сельские классы постоянно росла, что привело к колоссальному обнищанию деревни. Все резервы были истощены, плодородие земель падало, а сельское население росло угрожающими темпами. В некоторых районах до 20 процентов сельского населения уже не имело собственной земли, а у тех, у кого земля оставалась, не было никакого скота и лошадей для обработки своих участков. Витте осознал серьезность положения и попытался несколько снизить налоги, организовать особое совещание для выяснения положения в деревне, однако меры были сугубо паллиативными и не могли радикально изменить положения. Благополучие девяти десятых населения страны было принесено в жертву индустриальному развитию, которое базировалось на искусственном, ненадежном основании, прежде всего на иностранных капиталах, и которое, в свою очередь, стало приходить к упадку.

Группа влиятельных представителей аграрной партии при поддержке славянофилов начала атаку на Витте. Они утверждали, что Россия не должна идти традиционным путем развития капитализма, и должна избежать таких негативных последствий как резкое имущественное расслоение общества, появление огромной армии нищего пролетариата, живущего за счет милосердия, неуправляемой конкуренции во всех сферах жизни общества. У России, как утверждали славянофилы, есть свой путь развития, есть свои патриархальные институты — община, кооперация, артель. Как совместить общину с кооперацией или артелью, то есть с объединениями свободных тружеников, никто объяснять не собирался. Они просто указывали на то, что Россия, встав на путь, который прошли европейские страны, оказалась в тупике. Они утверждали, что Витте, прибегая к государственным займам, создавая банки, которые финансировали строительство и расширение промышленных предприятий, с неизбежностью вел дело к разрушению общины, создавал огромную армию безземельного крестьянства, т.е. свободных рабочих рук, необходимых для развития промышленности, с одной стороны, а с другой — представлявших собой взрывоопасный «социальный материал».

Главным оппонентом Витте стал министр внутренних дел В.К. Плеве, о котором Уоллес, не раз лично с ним встречавшийся, был самого высокого мнения. Плеве, по словам Уоллеса, был убежден в необходимости сохранения в России самодержавия и видел свою главную задачу в защите общественного порядка и поддержания спокойствия в обществе. Он был убежденным противником всяких революционных тенденций, независимо от их многообразных обличий и маскировок. Как политик он должен был внимательно следить за всем, что могло привести к усилению таких тенденций, и он явно считал политику министра финансов, проводившуюся на протяжении целого ряда лет, ответственной за усиление революционных настроений в русском обществе. Крестьяне нищали и становились все более восприимчивыми к социалистической пропаганде. Уже начались беспорядки в Харьковской и Полтавской губерниях. Промышленный пролетариат подпал под влияние революционных социалистов, что немедленно нашло отражение в нарастании забастовочных выступлений в некоторых крупных городах. Пролетариат стал настоящим источником для рекрутирования адептов революции. Возникло сословие состоятельных промышленников, а из истории известно, как подчеркивал Уоллес, что третье сословие не может долго уживаться с самодержавием. Не будучи ни помещиком, ни славяно-

филом, Плеве все же не мог не испытывать симпатии к тем, кто стремился отстранить Витте от власти. Он понимал, что прогресс остановить невозможно, что возврат к патриархальным временам исключен, но он считал, что темп изменений может быть более умеренным. По его мнению, министру финансов не следовало действовать в такой спешке и так безрассудно. Следовало собрать и сплотить силы консервативного плана, способные противостоять революционерам, которых импульсивный Витте с неизбежностью вызывал к жизни.

Некоторые противники Витте даже допускали, что министр финансов был «сознательным социалистом», вынашивающим тайные недобрые замыслы[131]. В подтверждение своих подозрений они приводили примеры назначений профессоров, хорошо известных своими социалистическими убеждениями, на важные посты в учебных заведениях, подконтрольных министерству финансов. Они также указывали на то, что Крестьянский банк, пользовавшийся особым покровительством Витте, вместо того, чтобы создавать надежную опору государства в лице зажиточного крестьянства, проводил политику, которая на деле вела к скупке помещичьих земель и обнищанию поместного дворянства, которое традиционно рассматривалось основной опорой самодержавия. Дворяне вынуждено уезжали в города и вместе с городской буржуазией усиливали позиции третьего сословия, недовольного троном. В такой ситуации Витте мог оставаться на посту министра финансов, только опираясь на поддержку императора, а таковой у него в 1903 году уже не оказалось. Но дело было сделано — условия изменились. Появление крупной промышленности, нового класса предпринимателей и пролетариата придало революционному движению новую силу.

Уоллес о новом этапе революционного движения в России

Анализируя революционнее движение в России в конце XIX века, Уоллес указывает, что оно заметно усилилось с образованием группы «Освобождение труда», созданной в Женеве первым теоретиком марксизма и революции в России Г.В. Плехановым. В своей книге «Социализм и политическая борьба» (1883 год) Плеханов указал на главную ошибку всех предшествовавших революционных течений в России: все они считали, что революция и экономическая реорганизация общества должны происходить одновременно и поэтому отвергали все реформы, полагая, что они способствуют укреплению позиций буржуазии. Плеханов утверждал, что введение некоторой конституционности будет весьма полезно, ибо позволит, например, более эффективно вести агитационную и пропагандистскую работу, которая к тому времени почти заглохла. Вторая ошибка «друзей народа», по Плеханову, состояла в том, что они были убеждены в необходимости объединить силы консерваторов, либералов, революционеров в борьбе против капитализма. «Карл Маркс убедительно доказал, — утверждал Плеханов, — что капитализм, как стадия развития общества, неизбежен, и опыт капиталистического развития России за последние десятилетия это убедительно подтвердил». Более того, капитализм в долгосрочной перспективе отвечает интересам рабочего движения, поскольку рабочий класс со временем станет независимо от своих желаний или предпочтений политической партией и в один прекрасный день нарушит доминирование буржуазии, превратится в основную политическую силу и произведет экспроприацию средств производства со всеми вытекающими последствиями. В течение семи лет плехановцы вели бесконечные теоретические дискуссии и только в 1890 году начали острожную работу в Петербурге с создания небольших конспиративных кружков. Оказалось, что почва для этой работы уже была подготовлена. Рабочие были недовольны своим положением, а наиболее активные уже сотрудничали со старыми пропагандистами из народников, которые открыли для них идею стачечной борьбы как средства защиты

[131] Уоллес к моменту завершения переработки последнего издания своей книги не мог ознакомиться с мемуарами Витте, которые были опубликованы много позже, иначе он добавил бы к своему анализу еще некоторые факты, в частности, проект земельной реформы, подготовленный в конце 1905 года ближайшим сотрудником премьера, управляющим земледелием Н. Кутлером. Проект предусматривал принудительное отчуждение 25 млн. десятин помещичьих земель и был явно направлен на подрыв отношений между троном и поместным дворянством.

своих интересов. В 1894 году рабочие беспорядки произошли на Невском заводе и в Арсенале, а в следующем году на заводе Торнтона и на папиросной фабрике. Во всех беспорядках тайно участвовали социалисты. Отказавшись от абстрактных социалистических идей, непонятных необразованным рабочим, они предложили бороться за сокращение рабочего дня, повышение заработной платы, отмену произвольных штрафов, запрет грубого обращения с рабочими со стороны мастеров и т.п. Социалисты рассчитывали таким образом завоевать доверие рабочих и показать им, что их индивидуальные заботы и проблемы являются частью проблем всего рабочего класса.

С возникновением в 1895 году ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», по мнению Уоллеса, начинается острожный переход от достаточно абстрактной пропаганды к агитации. Основным направлением работы стало распространение листовок и брошюр, в которых в осторожных выражениях критиковалась вся политическая система России. Осторожность была необходима, потому что рабочие еще не связывали свои проблемы с политическим строем, а царь для многих оставался воплощением объективной справедливости. В листовках и брошюрах не критиковалось самодержавие, а просто описывалось тяжелое положение рабочих, их бесправие и угнетение хозяевами предприятий. Эти брошюры читались с большим вниманием, и как только забастовочное движение стало возникать то тут, то там рабочие начали обращаться к социалистам за помощью в формулировании своих требований. Это помощь немедленно оказывалась, но все происходило исключительно в конспиративных условиях, ибо на фабриках и заводах было много агентов полиции.

В 1896 году, когда на время коронационных торжеств, фабрики были закрыты, рабочие потребовали оплатить им дни простоя, но получили отказ. Десять тысяч рабочих объявили забастовку. Социалисты воспользовались ситуацией и в массовых количествах распространяли свои листовки, которые впервые стали зачитывать на собраниях рабочих под их аплодисменты. Социалисты поддерживали забастовку рабочих, но предупреждали их не прибегать к насилию, чтобы избежать вмешательства полиции. Полиция, тем не менее, арестовала рабочих лидеров, и они были высланы из Петербурга. Социалисты использовали расправу с рабочими лидерами как повод объяснить рабочим, что власти выступают на стороне капиталистов, защищают их интересы и поэтому являются врагами рабочего класса. Несмотря на официальную прокламацию, составленную Витте, в которой утверждалось, что царь неустанно работает над улучшением положения рабочих, забастовка продолжалась и завершилась только потому, что закончились деньги в забастовочной кассе.

С этого момента стачечное движение стало обретать все более значимые масштабы. Наиболее продвинутые рабочие требовали предоставить им право работать в партии, но получили отказ. Это вызвало раскол в партии. Плеханов и его сторонники после неудачного объединительного съезда в Швейцарии в 1900 году[132], создали новую партию, получившую название «Революционные социал-демократы», а другая группа создала Союз зарубежных социал-демократов. Плехановцы придерживались традиционной доктрины Маркса, а вторая группа объединилась на позиции тред-юнионизма, полагая, что нужно руководствоваться политической необходимостью, а не догмой. Раскол с неизбежностью отразился на рабочем движении, ослабла его внутренняя организация и сплоченность[133]. Так, в 1902 году во время забастовки в Ростове-на-Дону в первые два дня выдвигались только экономические требования, на третий день была предпринята попытка произнести политическую речь, но она не встретила поддержки. На пятый день один из выступавших потребовал упразднения самодержавия, и

[132] Утверждения Уоллеса по поводу значимости группы Плеханова и ее попыток построить партию снизу выглядят несколько тенденциозно. В это время при непосредственной поддержке англичан и на их деньги создавались сразу три партии: эсеров, кадетов и социал-демократов. Партии создавались по одной апробированной схеме - вокруг партийного печатного органа. Вряд ли Уоллес, чья информированность не вызывает никаких сомнений, мог этого не знать.

[133] Это тоже явное преувеличение со стороны Уоллеса. Никакого значимого влияния плехановцы на рабочих не имели.

тридцатитысячная толпа его поддержала. Подобные забастовки прошли в Одессе, Киеве, на Кавказе и в центре России, что ознаменовало возрождение революционного движения. Основными требованиями революционеров стали призывы к полному переустройству общества на социалистических принципах. Различные группы и течения, проповедовавшие подобный подход, отличались только отношением к скорости таких преобразований. Наиболее нетерпеливыми были анархисты-бакунинцы, выступавшие за немедленную фронтальную атаку на строй. Были и менее нетерпеливые группы, которые допускали, что вместо самодержавия, можно на время оставить конституционную монархию, чтобы не допустить анархии. Наиболее терпеливыми, по оценке Уоллеса, были «ортодоксальные» социал-демократы, которые полагали, что переход от самодержавия и капитализма к социалистически устроенному обществу пройдет в несколько этапов. На первом, конституционалистском этапе в парламенте будут преобладать представители буржуазии, которые будут путем постепенной борьбы заменены на представителей рабочего класса, что позволит объявить, наконец, век социализма. Теперь же, необходимо заручиться поддержкой рабочего класса, более передового и грамотного, чем крестьянство, и создать мощную рабочую организацию, прообраз политической партии рабочих. Однако, необходимо сказать, что социал-демократы отнюдь не исключали использование силы, а также не испытывали никаких сомнений по поводу того, что беспорядки можно использовать для достижения собственных целей. Они были убеждены в необходимости агитации для поддержания оппозиционных настроений и использовании неизбежных репрессий со стороны власти для ответа силой на силу[134].

В условиях активизации оппозиционных и революционных сил началось возрождение и идей народовольцев. На осколках «Народной воли» возникла партия социалистов-революционеров и ее Боевая организация, взявшая на вооружение методы террора. Несколько лет ушло на организационные мероприятия и к 1897-98 году, как пишет Уоллес, эсеры нашли возможность печатать свои материалы[135] и заявили о том, что их целью является ликвидация самодержавия и передача власти народу, ликвидация частной собственности на средства производства, переустройство общества на социалистических принципах путем социалистической революции. В отличие от социал-демократов, делавших ставку на городской пролетариат, основную силу революции эсеры видели в крестьянстве. Они полагали, что крестьянство нуждается в определенной политической подготовке, но ему в принципе близка и понятна идея национализации земли. Многое в программе эсеров, по мнению Уоллеса, совпадало с программными требованиями социал-демократов, но в силу личных антипатий они не могли объединиться или организовать простое сотрудничество.

Как представляется, пристальное внимание Уоллеса к силам революции в России совершенно не случайно. Ему явно было важно оценить протестный потенциал русского пролетариата и крестьянства, их готовность воспринимать революционную пропаганду и наличие традиций самоорганизации, а также степень влиятельности и популярности в обществе оппозиционных и радикальных группировок, уровень их сплоченности и боевитости, способность оказывать влияние на пролетариат и крестьянство и возглавить стихийный протест, превратить его в организованную борьбу. По всей видимости, выводы Уоллеса были не слишком оптимистическими, по крайней мере на момент завершения последней редакции в мае 1905 года, даже несмотря на бурное кипение русской общественности после Кровавого воскресенья и попыток «освобожденцев» во главе с Милюковым «оседлать» протестное движение.

---

[134] Примечательно, что анализируя подходы и положение социал-демократии, Уоллес определенно имеет в виду только позицию Плеханова и его сторонников. По каким-то причинам он полностью игнорирует Ленина и большевиков.

[135] Уоллес не пишет о том, что эсеры наладили печать своих материалов в Лондоне на базе типографии «Вольного русского общества» Степняка-Кравчинского при поддержке англичан. Впрочем, в Лондоне и так об этом знали.

Другие исследования по России

Уоллес при всей уникальности его исследования не был в Англии единственным специалистом по России. В России работали на постоянной основе или приезжали в регулярные командировки многие английские историки, журналисты, писатели. Глубоким специалистом по России был выпускник Тринити колледжа Кембриджского университета Бернард Пэрс. Историк по образованию Пэрс впервые посетил Россию в 1898 году, когда получил место преподавателя в Кембридже. Его первая книга «Россия и реформа» оказалась тоже весьма объемным и обстоятельным исследованием русской истории и общества. Особое внимание Пэрс уделил положению в деревне. Главный вывод, к которому он пришел, заключался в том, что общинное землевладение в России далеко не всеми в России воспринималось как пережиток. Пэрс указывал, что русские социалисты отнюдь не рассматривали общину как отживающую форму, а видели в ней прообраз будущей организации сельской жизни. В последующие поездки по России, в том числе в бытность корреспондентом «Дейли Телеграф», Пэрс целенаправленно занимался земельной реформой.

Его поездки по России проходили под пристальным вниманием правительства, которое получало отчеты местных властей по каждой остановке, и это позволяет лучше понять, как Пэрс собирал информацию. Историк Г.П. Сидоровнин в своей книге о Столыпине приводит такой отчет члена Ржевской уездной землеустроительной комиссии о встрече профессора ливерпульского университета Бернарда Пэрса: «… имею честь доложить, что профессор Перс прибыл в г. Ржев и на местах знакомился с землеустроительными работами Ржевского уезда. Согласно телеграммы Вашего превосходительства г. Персу было оказано с моей стороны полное содействие и гостеприимство. Им были осмотрены деревни, разверстанные еще в 1909 г. и перешедшие к шестипольному хозяйству. Хуторяне вполне уже обустроились, и впечатление от осмотра их хозяйств было вполне цельное. Затем г. Пэрс ознакомится с законченными работами более позднего периода, ровно и с теми, которые сейчас производятся. Везде г. Перс вступал в беседы с крестьянами, которые разумно, вполне сознательно и приветливо отвечали на все его вопросы. Ни в одной деревне не было ни одного заявления о неудовольствии или сетования на новый уклад жизни. С чувством большого удовлетворения г. Перс отметил, что, судя по отношению крестьян к самой земельной реформе, так равно и к представителям землеустройства по Ржевскому уезду, оно проводилось, по-видимому, без всякого принуждения или давления. Попутно г. Персом были осмотрены прокатные станции, устроенные агрономом г. Звягинцевым, который и давал все необходимые пояснения, сопровождая г. Перса во время его объезда. Вообще г. Перс, как кажется, остался очень доволен своей поездкой по Ржевскому уезду, что он и высказал при отъезде».

Пэрс кроме Ржевского уезда посетил Сычевский, Чернский, Новоузенский и Бобровский уезды, а также по пути в Воронеж осмотрел несколько деревень вдоль дороги. Пэрс глубоко ознакомился со многими явлениями русской жизни. Он сумел разобраться и в существе межведомственных трений при проведении реформы. По его оценкам, Крестьянский поземельный банк не всегда действовал согласованно с Комитетом по землеустроительным делам. Близорукое руководство банка забывало, что продажа земли в руки крестьян не простая коммерческая операция, и что проданные участки должны превратиться в хутора, стать объектом экскурсий соседей для наглядной агитации. Землеустроители призвали банк при выборе покупателя проверять: намерен ли и способен ли покупатель вести хуторское хозяйство.

Приезжая неоднократно в Россию, Пэрс четырежды встречался и беседовал со Столыпиным. Знакомство с исследованиями Пэрса и других ученых свидетельствует о самом пристальном интересе англичан к общественным и политическим процессам, происходившим в России. Этот интерес был не праздный: он выражал практическую потребность в осмыслении

опыта быстро набирающей силы крупнейшей державы мира, которая на тот момент считалась «крестьянской», но располагала огромным потенциалом и уже выходила не ведущее место в мировом состязании.

Английские специальные службы никогда не ограничивались мнением одного эксперта. Интересовался положением в русской деревне даже писатель-фантаст Герберт Уэллс. В 1914 году буквально накануне Первой мировой войны Уэллс побывал в России, но об этом будет подробно рассказано в специальной статье.

Помимо Уоллеса и Пэрса следует упомянуть Гарольда Уильямса, корреспондента «The Times», писавшего глубокие статьи о царском окружении, о деятельности правительства, о русских оппозиционных партиях. В России он проработал более 10 лет и был непосредственным наблюдателем событий первой русской революции, а в 1917 году стал одним из ближайших советников Джорджа Бьюкенена, английского посла в Петербурге. Уильямс был глубоко погружен в русские дела. В самом начале века он получил место корреспондента по России в газете «Дейли телеграф». Руководство газеты сочло, что непосредственное пребывание корреспондента в Петербурге нецелесообразно и… направило его в Штутгарт. В Штутгарте как раз в это время работал П.Б. Струве, порвавший с социал-демократами и сблизившийся с Милюковым, вождем будущих кадетов. Струве разворачивал издание журнала «Освобождение». Очень скоро Уильямс стал в редакции своим человеком. Здесь он познакомился с А. Тырковой, которая впоследствии вышла за него замуж. В помещении редакции вместе со Струве и Тырковой он знакомился с посланцами из далекой России, слушал их рассказы о положении на местах, а потом принимал непосредственное участие в создании партии конституционных демократов, в которой его жена оказалась вторым после Милюкова лидером партии. Перу Уильямса принадлежит большая книга «Россия русских»

Из английских журналистов следует выделить также Э. Диллона, который был вхож в высшие круги петербургского общества и на регулярной основе общался с С.Ю. Витте. Диллон и Уоллес сопровождали будущего первого русского премьера на пароходе, следовавшем в Америку, где в Портсмуте открывались русско-японские переговоры, положившие конец злосчастной японской войне. Диллон тоже написал большую книгу, которую озаглавил «Затмение России»

Практика проверки и перепроверки информации, позволявшая сделать информационную картину России «стереоскопичной», объемной, была весьма характерна для английских спецслужб. В книге Н. Берберовой «Железная женщина» содержится любопытная фраза: «Еще до войны в Петербурге, при Бьюкенене, перебывали в различное время и Комптон Маккензи, и Голсуорси, и Арнольд Беннет, и Уэллс, и Честертон….Позже был прислан из Англии Уолпол… С ним вместе, часто на короткие сроки, приезжал Сомерсет Моэм, молодой, но уже знаменитый ко времени первой войны, и почти бессменно проживал в Петрограде Беринг. Короткое время в столице находились также Лоуренс Аравийский и позже — совсем юный Грэм Грин….Поразительно было не только количество английских литераторов, работавших в разведке или на разведку, но и охват задач, которые перед ними ставились. «Наши профессиональные эксперты секретной службы мобилизовались по большей части из рядов беллетристов, уже имевших некоторый успех», — писал позже Моэм.

Так было уже на завершающей части проекта «русская революция», но когда вышло первое издание книги Уоллеса о России все только начиналось.

Часть вторая: Англия и Россия Начало практических действий против русского самодержавия

Основные выводы книги Уоллеса, которые могли содержаться уже в первых ее редакциях, несомненно, сводились к тому, что самодержавие в России сталкивается с растущими претензиями различных общественных групп на участие в управлении государством. В общем-то это уже был секрет Полишинеля и вполне закономерно, что подобные идеи легли в основу практических действий разномастных противников русской монархии, которые первоначально сконцентрировались на пропаганде, рассчитанной на русское общество. Начиная с А. Герцена, лейтмотивом революционизирующих изданий стала попытка «сформировать и закрепить в общественном сознании стойкое неприятие существующей власти, оторванной от масс и неспособной внять чаяниям народа». Герценовский «Колокол» первым вбросил в российское общественное сознание идею о противоестественности самодержавия как формы государственного управления, о чем было достаточно подробно рассказано во второй книге.

О масштабах пропагандистской работы, которую вели против России революционеры различных мастей в последующие годы, можно судить достаточно объективно. В 2003 году в Петербурге силами авторского коллектива под руководством Г.В. Жиркова было подготовлено учебное пособие «Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков». На самом деле, это полноценное и подробное исследование, демонстрирующее реальный размах пропагандистской деятельности, которая была направлена против российского самодержавия за почти 50 предреволюционных лет.

Как пишут авторы исследования, наши представления о русской прессе за рубежом, как правило, укладываются в упрощенную схему: революционные издания Герцена, народников и социал-демократов. В действительности же спектр изданий был значительно разнообразнее и сложнее и отражал все направления и оттенки оппозиционной мысли России. По сведениям «Сводного каталога русской нелегальной и запрещенной печати XIX века» только периодических изданий во второй половине XIX века выходило за границей более шестидесяти, причем перечень этот далеко не полный, поскольку многие издания были попросту утрачены. Существует также мнение, что в профессиональном отношении русская эмигрантская журналистика малоинтересна: небольшие тиражи, ограниченность тематики, малочисленность аудитории, слабые связи с Россией и т.д. До известной степени такое мнение отражает действительное положение дел в то время, однако случались периоды, когда активность русской эмигрантской прессы, ее авторитетность, аудитория охвата явно не укладывались в указанный шаблон.

Эмигрантская журналистика 1870-х годов развивалась на подготовленной почве. Идеи Герцена положили начало новому направлению общественно-политической мысли России — народничеству. Оно было разнородным по своему характеру и представлено различными вариантами народнической идеологии в ее либеральном и революционном течении. В эти годы в колонии русских эмигрантов определились сторонники трех основных программ революционного народничества и их авторов: М.А. Бакунина, П.Л. Лаврова и П.Н. Ткачева. Каждый из них стремился создать периодический орган для пропаганды своих идей, однако большинство изданий не достигали успеха и быстро прекращались.

Наиболее успешным оказался лавровский «Вперед!», который имел значительное влияние на русскую молодежь. По словам В. Фигнер, он «дал сильный толчок (...) умам, вызвав много споров и вопросов». Но все же многие сторонники радикальных учений считали «лавризм» слишком абстрактной теорией и критически относились к проповеди Лаврова о необходимости «всестороннего развития личности» и предварительной научной подготовки

участников движения. Как бы то ни было, многочисленные издания, предпринимавшиеся в 1870-х годах, несмотря на все их недостатки, делали свое дело, обращаясь к различным слоям населения и поддерживая интерес к делу революции. Это было тем более важно, что нелегальная печать в самой России в этот период времени оказалась разгромленной в результате усилий полиции.

Разгром нелегальной печати в России вновь выдвинул на первый план заграничные издания. В 1880-е годы одним из первых к изданию листовок и брошюр приступил заграничный отдел общества Красного Креста «Народной воли», образованный в 1882 году. Организация пользовалась услугами Вольной русской типографии в Женеве, куда Герцен ее перевел в попытке возродить интерес к своим изданиям. В 1882–1883 годах по инициативе Л.Г. Дейча при участии В.И. Засулич было выпущено три публицистических сборника «На родине». В 1883 году силами эмигрировавших из России руководителей народовольцев, началось издание «Вестника народной воли». Всего за 1883–1886 годах вышло пять номеров. Редакция «Вестника» находилась в Париже. Одной из главных задач ставилось установление связей с Россией, что в общем удалось сделать. Народовольческое подполье поставляло в «Вестник» информацию о репрессивной политике самодержавия, о преступлениях царской администрации, о народных волнениях и борьбе революционеров. Одним из информаторов «Вестника» был чиновник Министерства финансов П.А. Булгаревич.

Опираясь на Вольную русскую типографию в Женеве, издательскую деятельность развернул созданный в 1887 году Цюрихский кружок народовольцев, который ставил своей целью «продолжать террористическую борьбу и одновременно издавать и пересылать в Россию социалистическую литературу». Помимо книг и брошюр Цюрихским кружком было подготовлено и выпущено в 1889 году политическое социально-революционное обозрение «Социалист». О тиражах изданий и каналах засылки в Россию подрывной литературы в исследовании сведений не приводится. Скорее всего, тиражи были незначительными, а в качестве каналов засылки использовались нечастные поездки доверенных лиц в Россию с чемоданами с двойным дном.

Последней значительной народовольческой организацией того периода, занимавшейся издательской деятельностью, была созданная в 1891 году в Париже группа старых народовольцев, которую возглавлял П.Л. Лавров. В нее входили ветераны народовольческого движения М.Н. Ошанина, Н.С. Русанов, И.А. Рубанович, Э.А. Серебряков и Г.Д. Чернявская. Издание пропагандисткой литературы составляло главное содержание деятельности группы, но она осталась почти незамеченной в России. Были и другие группы народников, однако в целом им удавалось выпустить ограниченное количество номером своих изданий и, как правило, они быстро прекращали свое существование. Неудачи в создании периодических органов в период между 1870 и 1890 годами стали следствием организационно-политического кризиса, охватившего народничество, отсутствия достаточного финансирования в условиях очевидной стабильности режима Александра III, его готовности решительно бороться с оппозицией.

Настоящим прорывом стало создание в апреле 1890 года в Лондоне «Общества друзей русской свободы», объединившее британских политических и общественных деятелей, сторонников умеренного либерализма и социального реформаторства, выступавших за осуществление социально-политических преобразований в России и оказывавших моральную и материальную поддержку деятелям российского революционного движения. Руководителем и казначеем Общества стал Роберт Спенс Уотсон, весьма влиятельный британский либерал, человек из окружения неоднократного британского премьера У. Гладстона. По данным, имеющимся в открытом доступе, влияние Уотсона определялось тем, что он, выражаясь современным языком, обладал возможностями формировать общественное мнение в значительном числе избирательных округов. Кроме того, это был человек общества, его связи не знали границ. Благодаря его усилиям Общество не испытывало финансовых трудностей. Как утверждают, многие известные британские литераторы, в том числе Б. Шоу, Г. Уэллс, щедро жерт-

вовали на пропагандистские издания для Российской империи. По инициативе Общества и при его поддержке уже упоминавшийся Степняк-Кравчинский в 1891 году совершил поездку в США. Благодаря рекомендательным письмам Уотсона Кравчинскому удалось встретиться с влиятельными американскими общественниками и договориться о создании американского Общества друзей русской свободы. Примечательно, что цели американского Общества, сходные в главном с целями британского Общества, привлекли многих американских либералов, в том числе ряд крупных финансистов, которые постепенно пересматривали свои взгляды на русских революционеров, репутация которых была изрядно подпорчена после убийства Александра I в 1881 году. Членом и финансистом американского общества стал, в частности, Джейкоб Шифф, председатель правления одного из крупнейших в то время американских частных банков «Кун, Лёб и Ко.». Шифф остро критически относился к политике русского самодержавия в отношении евреев и сделал борьбу за права русских единоверцев одной из главных целей своей жизни. По его собственному признанию, Шифф потратил на русскую революцию около 20 миллионов долларов из собственных средств. Правда, потом выяснилось, что конкретную сумму якобы в середине XX века назвал его племянник, но дополнительных подтверждений не последовало. Не следует, однако, думать, что Шифф был единственным американским банкиром, который финансировал деятельность русских революционеров. Скорее, он был «фасадной» фигурой, которой его сделала американская и британская пресса, а также многочисленные пропагандистские «исследования» по истории русской революции.

В июне 1891 года в Лондоне был создан Фонд вольной русской прессы. Учредителями фонда стали народники, проживавшие в Лондоне С.М. Кравчинский, Ф.В. Волховский, Е.Е. Лазарев, М. Войнич, Л.Б. Гольденберг, Л.Э. Шишко, Н.В. Чайковский. Фонд взял на себя финансирование подготовки и издания пропагандисткой литературы всех оппозиционных направлений, а также доставку ее в Россию с целью «удовлетворения ощущаемой в настоящую минуту в России потребности в свободном печатном слове» и объединении всех оппозиционных сил в борьбе против русского царизма. Фонд издавал и печатный орган Общества друзей русской свободы — ежемесячный журнал «Свободная Россия», ставший центром объединения английских единомышленников, позволил привлечь внимание английской общественности к положению в России и наладить финансирование издательской деятельности Фонда в основном за счет частных пожертвований. Журнал издавался вплоть до 1915 года. Практически одновременно в Нью-Йорке тоже стал выходить ежемесячник «Свободная Россия», который на первоначальном этапе просто копировал лондонские издания, а затем в нем стали появляться статьи американских авторов.

На книжном складе Фонда можно было обнаружить нелегальные издания на русском, украинском, польском и других языках народов России. С 1892 года в собственной типографии Фонда было отпечатано свыше 30 книг и брошюр, среди них: «Чего нам нужно и Начало конца» (1892), «Подпольная Россия» (1893) Степняка-Кравчинского, «Азбука социальных наук» (1894), «Воспоминания о Н. Г. Чернышевском» (1894), написанные В.Г. Короленко, «Записки революционера (1902) П.А. Кропоткина и множество других книг и брошюр. В 1893-1899 годах Фонд печатал периодическое издание «Летучие листки». Выходили они нерегулярно. Всего вышло 46 номеров. В первый период листки печатались тиражом 4000 экземпляров. В «Листках» помещались сообщения из России и из иностранной прессы, публиковались тайные циркуляры правительства, давалась информация о деятельности Фонда.

Вокруг Фонда группировалась либеральная эмигрантская оппозиция, в том числе из группы «Освобождение труда» Плеханова, активно участвовавшая в выпуске и распространении пропагандистских брошюр. Значительная часть литературы Фонда расходилась среди русских эмигрантов за границей, наиболее успешно во Франции, Швейцарии и Болгарии, где были сосредоточены многочисленные колонии русских эмигрантов. В Россию издания попадали в основном контрабандой как по суше, так и морским путем. Значительная часть рассылалась

по почте из разных европейских городов, хотя такой способ таил риск навлечь на адресатов подозрения полиции. В 1896 году Фонд при содействии Союза русских социалистов-революционеров переправил через границу 500 экземпляров «Летучих листков». В России основная часть изданий попадала в Петербург, Москву и южные города. Отдельные экземпляры доходили и до Сибири.

Как утверждается в исследовании Жиркова, заявленную цель наладить связи с различными оппозиционными движениями в России через издательскую деятельность в Европе и в России и выступить в роли их объединителя, Фонду в целом не удалось. Однако Фонд выполнил другую важную задачу — стал основой новой партии. Активный период в деятельности Фонда наступил с эмиграцией из России в мае 1899 года Виктора Михайловича Чернова, молодого последователя народников, сумевшего завоевать себе статьями в провинциальной русской прессе определенный авторитет теоретика «народнического марксизма». В эмиграции Чернов хотел «продолжить своё образование», ознакомиться с достижениями мировой социалистической мысли и установить связи с представителями революционной эмиграции. Чернов поселился в Цюрихе и очень скоро выступил с инициативой создания «внепартийной организации», которая бы занималась изданием и распространением нелегальной литературы для крестьян. Первоначально со своей идеей Чернов обратился к социал-демократам П.Б. Аксельроду и Г.В. Плеханову. Однако последние, узнав о его связях с народником В.П. Воронцовым, наотрез отказались от сотрудничества. Тогда Чернов обратился к Хаиму Житловскому, одному из семи основателей Союза русских социалистов-революционеров за границей. Житловский свёл Чернова с основными группами русской народнической эмиграции — «Группой старых народовольцев» во главе с Петром Лавровым, а также с лондонским «Фондом вольной русской прессы». Инициатива Чернова была поддержана умиравшим Лавровым, а его секретарь Семен Акимович Ан-ский[136] помог Чернову заручиться поддержкой лондонских ветеранов.

Сразу после смерти Лаврова, в феврале 1900 года, состоялось основание организации, которая получила название Аграрно-социалистической лиги. В число основателей Лиги вошли В.М. Чернов, С.А. Ан-ский, Х.О. Житловский, Л.Э. Шишко, Ф.В. Волховский, а также Давид Соскис. (Соскис работал в Фонде вольной русской прессы и одно время редактировал журнал Фонда «Свободная Россия». В 1917 году Соскис стал личным секретарем и телохранителем Керенского.) Лигой были изданы обращение «К товарищам по мысли и по делу» и программная брошюра «Очередной вопрос революционного дела». В программной брошюре, написанной Черновым, говорилось о необходимости возобновить революционную работу в крестьянстве, без опоры на которое «никакая революционная партия не сможет нанести в России серьёзного, решительного удара буржуазно-капиталистическому режиму». На протяжении нескольких лет Лига успешно издавала и переправляла в Россию нелегальную литературу. Распространением её среди крестьянского населения занимались местные народнические кружки. К работе в Лиге были привлечены известные литераторы Н.А. Рубакин, В.И. Дмитриев и другие. Всего за 2-3 года работы Лигой было издано более 317 тысяч нелегальных брошюр. Если вспомнить, что большинство групп русских издателей за границей до конца 1890-х годов, как правило, и за редкими исключениями, испытывали серьезные материальные трудности, а тиражи их изданий были мизерными, то деятельность Лиги следует признать серьезным успехом. Практически в это же время Аграрно-социалистическая Лига влилась в Партию социалистов-революционеров и стала ее надежной финансовой основой. Иными словами, «Бернард Шоу и Герберт Уэллс» добросовестно пополняли кассу Фонда, а также партии социалистов-революционеров. По признанию А.А. Аргунова, члена ЦК партии, ведавшего партийной кассой, денег было много: «Бюджета определенного не было, и давалось столько, сколько нужно». О размахе финансовых операций эсеров позволяет судить тот факт, что

[136] Именно такой псевдоним Лавров придумал Шломе-Занвлу Раппопорту

убытки, приносимые изданием только одной легальной газеты в Петербурге, доходили до 1000 рублей с номера. Эти убытки покрывались из денежного фонда партии, который составлялся из «довольно многочисленных пожертвований, средств, добываемых в ходе экспроприаций (иногда в результате экспроприации эсеры добывали до 300 тыс. рублей, как это было в Чарджоу)». Следует отметить, что крупных эксов было не так уж много, большинство наиболее известных нападений на перевозимые ценности организовали большевистские боевики. Членские взносы, как правило, составляли крайне малую часть финансов партии эсеров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.